

ОПТИК

№2

print ISSN 3033-8301

ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Журнал современной мысли

ОТТИСК

№ 2 · 2026

Редакционная коллегия

Главный редактор
Алексей Павлович Козырев,
к. филос. н., МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь
Александр Петрович Сегал, к. филос. н.,
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва)

Заместитель главного редактора
Игорь Спартакович Бакланов, д. филос. н.,
профессор, МГТУ имени Н. Э. Баумана (Москва)

Научный редактор
Андрей Георгиевич Рукавишников,
к. филос. н., доцент философского факультета,
доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва)

Исполнительный редактор
Сергей Александрович Ломов,
к. полит. н., Академия управления при Президенте
Республики Беларусь (Республика Беларусь)

Выпускающий и художественный редактор
Мелина Нтсу

Дизайн
Арина Хайхан

Верстка
Татьяна Архангельская

Корректор
Валерия Ахметьева

Координатор коммуникаций
Антон Решетняков

Сайт: ottiskjournal.ru
ISSN: 3033-8301
Зарегистрировано Роскомнадзором,
запись о регистрации № ФС 77-91123
Адрес редакции и издателя: 125040, г. Москва,
Ленинградский проспект, д. 15, стр. 28
Тираж: 1000 экз.
Дата выхода в свет: 25.09.2026
Учредитель: АНО «Центр развития
гуманитарных технологий «НОВАЯ ЭРА»

© АНО «Центр развития гуманитарных
технологий «НОВАЯ ЭРА»

Редакционный совет

Председатель совета
Евгений Николаевич Ивахненко, д. филос. н.,
профессор МГУ имени М. В. Ломоносова

Олег Дмитриевич Агапов, д. филос. н.,
КИУ имени В. Г. Тимирясова (Казань)
Феликс Евгеньевич Ажимов, д. филос. н.,
профессор, НИУ ВШЭ (Москва)
Кира Юрьевна Аласания, д. полит. н.,
доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва)
Людмила Владимировна Баева, д. филос. н.,
профессор, АГУ имени В. Н. Татищева (Астрахань)
Вадим Валерьевич Васильев, чл.-корр. РАН,
д. филос. н., профессор, МГУ имени
М. В. Ломоносова (Москва)
Ульрике Геро, д-р политологии, профессор,
European Democracy Lab (Германия)
Виталий Юрьевич Ивлев, д. филос. н.,
профессор, МГТУ имени Н. Э. Баумана (Москва)
Марина Левенбертовна Ивлева, д. филос. н.,
профессор, РУДН (Москва)
Анна Анатольевна Костикова, к. филос. н.,
доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва)
Евгений Николаевич Мощелков, д. полит. н.,
профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва)
Наталья Анатольевна Ореховская, д. филос. н.,
профессор, Финансовый университет
при Правительстве РФ (Москва)
Александр Юрьевич Полунов, д. ист. н.,
профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва)
Петр Владимирович Петрий, чл.-корр. РАО,
д. филос. н., профессор, Военный университет
Министерства обороны России (Москва)
Борис Александрович Прокудин, д. ист. н., доцент,
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва)
Хауке Ритц, д-р философии, независимый
исследователь (Германия)
Инна Борисовна Романенко, д. филос. н.,
профессор, РГПУ имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург)
Олег Юрьевич Рыбаков, д. юр. н., профессор,
Университет имени О. Е. Кутафина (Москва)
Дмитрий Гаврилович Стрелков, к. социол. н.,
ООО НИЦ ЭОН (Москва)
Равшан Ринатович Назаров, к. филос. н.,
доцент, Национальный университет
Узбекистана (Узбекистан)
Периклис Павлидис, д. филос. н., профессор,
Университет Аристотеля (Греция)
Чжоу Лайшунь, Хэйлунцзянский университет (Китай)
Чжан Байчунь, профессор, Хайнаньский
университет (Китай)

12+

OTTISK

№ 2 · 2026

Editorial Board

Editor-in-chief
Alexey P. Kozyrev, PhD in Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Executive secretary
Alexander P. Segal, PhD in Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Deputy editor-in-chief
Igor S. Baklanov, DSc in Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University (Moscow)

Science editor
Andrey G. Rukavishnikov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Managing editor
Sergey A. Lomov, PhD in Political Science, Research Institute for Theory and Practice of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Republic of Belarus)

Executive editor, art director
Melina Ntsu

Design
Arina Khaikhan

Layout
Tatyana Arkhangelskaya

Proofreader
Valeria Akhmetyeva

Communications coordinator
Anton Reshetnyakov

Website: ottiskjournal.ru
ISSN: 3033-8301
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), registration no. FS 77-91123
Editorial office and publisher address: 125040, Moscow, Leningradsky Ave, 15, bldg. 28
Print run: 1000 copies
Date of publication: September 25, 2026
Founder: Autonomous non-profit organization «Humanitarian Technology Development Center «NEW ERA»

© Autonomous non-profit organization «Humanitarian Technology Development Center «NEW ERA»

Editorial Council

Council Chair
Evgeny N. Ivakhnenko, DSc in Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Oleg D. Agapov, DSc in Philosophy, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan)
Felix E. Azhimov, DSc in Philosophy, Professor, HSE University (Moscow)
Kira Yu. Alassania, DSc in Political Science, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Lyudmila V. Baeva, DSc in Philosophy, Professor, Astrakhan Tatishchev State University (Astrakhan)
Vadim V. Vasiliev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Ulrike Guérot, PhD in Political Science, Professor, European Democracy Lab (Germany)
Vitaly Yu. Ivlev, DSc in Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University (Moscow)
Marina L. Ivleva, DSc in Philosophy, PhD in Psychology, Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)
Anna A. Kostikova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Evgeny N. Moshchelkov, DSc in Political Science, PhD in Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Natalia A. Orekhovskaya, DSc in Philosophy, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
Alexander Yu. Polunov, DSc in History, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Petr V. Petriy, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, DSc in Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)
Boris A. Prokudin, DSc in History, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Hauke Ritz, PhD in Philosophy, Independent Researcher (Germany)
Inna B. Romanenko, DSc in Philosophy, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg)
Oleg Yu. Rybakov, DSc in Law, DSc in Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow)
Dmitry G. Strelkov, PhD in Sociology, CEO of LLC «NIC EON» (Moscow)
Ravshan R. Nazarov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Uzbekistan)
Periklis Pavlidis, PhD in Philosophy, Professor, Aristotle University of Thessaloniki (Greece)
Zhou Laishun, Heilongjiang University (China)
Zhang Baichun, Professor, Hainan University (China)

12+

Содержание

5 Козырев Алексей Павлович
Колонка редактора

11 Бакланов Игорь Спартакович
Методологические особенности, социально-онтологическая релевантность и практическая специфика цивилизационного и формационного подходов в цифровую эпоху

29 Ашкеров Андрей Юрьевич
Идол будущего: к критике футурологического разума

47 Сегал Александр Петрович
Давно назревший методологический поворот: от образа будущего к концепции, от концепции – к процессу

63 Федоров Валерий Валерьевич, Львов Степан Васильевич
Многомерная оценка качества моделей будущего России: методика анализа прогностических, стратегических и идеологических конструкций

99 Селезнева Антонина Владимировна, Смулькина Наталья Валентиновна
Образы будущего в российском обществе: направления и результаты эмпирических исследований

О моделях будущего

119 Межуев Борис Вадимович
Темное просвещение как стратегия цивилизационного реванша

141 Лебедева Екатерина Игоревна
Футурологические проекты глобальных элит: анализ моделей будущего и политического измерения России

169 Ломов Сергей Александрович
Проблема реконструкции стратегического замысла противника через анализ публичных образов будущего

Contents

5 Alexey Kozyrev
Editor's Column

11 Igor Baklanov
Methodological features, socio-ontological relevance, and practical specificity of the civilizational and formational approaches in the digital era

29 Andrey Ashkerov
Idol of the future: on the critique of futurological reason

47 Alexander Segal
A long overdue methodological turn: from image of the future to conceptualization, and from conceptualization to process

63 Stepan Lvov, Valery Fedorov
Multidimensional assessment of the quality of Russia's future models: methodology for the analysis of prognostic, strategic and ideological constructions

99 Antonina Selezneva, Natalia Smulkina
Image of the future in Russian society: directions and results of empirical research

About future models

119 Boris Mezhuev
The dark enlightenment as a strategy for civilizational revenge

141 Ekaterina Lebedeva
Projects of global elites within futures studies: an analysis of future models and Russia's political dimension

169 Sergey Lomov
The problem of reconstructing the rival's strategic plan through the analysis of public images of the future

Колонка редактора

Алексей Павлович Козырев

Главный редактор журнала «ОТТИСК»

DOI: 10.67139/3033-8301.2026.2.2.001

5

Тема второго номера «ОТТИСКА» — «Образ будущего». Блаженный Августин, заложивший основы понимания времени в европейской философии, сравнивал время с рекой, текущей из прошлого в будущее. Будущее будто прячется в некоем тайнике, лишь на миг выглядывая в настоящем, а потом снова уходит, скрываясь в прошлом. «Мы обычно предварительно обдумываем будущие действия наши, — писал Августин в 11-й книге «Исповеди», — и это предварительное обдумывание происходит в настоящем, самого же действия, заранее обдуманного еще нет: оно в будущем... Каким же образом происходит это таинственное предчувствие будущего? Увидеть можно ведь только то, что есть, а то, что есть, это уже не будущее, а настоящее. И когда о будущем говорят, что его „видят", то видят не его — будущего еще нет, — а, вероятно, его причины или признаки, которые уже налицо. Не будущее, следовательно, а настоящее предстает видимым, и по нему предсказывается будущее, представляющееся душе. Эти представления уже существуют, и те, кто предсказывает будущее, всматриваются в них, они живут в их уме»[1]. Будущее связано с ожиданием, ожидание может быть длительно и безнадежно, травматично и безрезультатно. Оно может быть вызвано недовольством настоящим и надеждой на то, что наступит то время, когда мы, наконец, заживем по-настоящему. Будущее, несомненно, связано с надеждой. Надежда, прежде всего, есть категория личная, а не социальная. Надеюсь, так же, как и верю, — *я*, и люблю — *я*, а не *мы*. Но может быть и социальное, коллективное измерение надежды. Вспомним, например, трехтомное исследование представителя Франкфуртской школы Эрнста Блоха «Принцип надежды» (1954 – 1960), где надежда выступает как призыв к политической активности, ведущей к подавлению репрессивных режимов. Мы сетуем на то, что живем не во время пророков, что оракулы наши изнемогли и что их нет и не может быть в своем отечестве. Мы ищем знамений, пытаясь расслышать

[1] Августин Аврелий. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 1991. С. 296.

голоса из будущего. Знаками будущего могут видеться накопления, вклады в банке, кубышка, отложенная «на черный день», — ведь деньги — это власть, в том числе и власть над будущим. Только никто не отменял возможность дефолта. Поэтому будущее может быть и безнадежным, может и не состояться, по крайней мере так, как мы хотим и планируем. Но ожидать можно по-разному: активно и пассивно, деятельно и бездеятельно. Ведь в будущем будут жить, по крайней мере, наши дети и внуки, а заботиться о потомстве свойственно человеческой природе.

У писателя Сигизмунда Кржижановского есть повесть «Воспоминание о будущем»[2]. Герой повести Максимилиан Штерер изобретает «времярез» (машину времени), намереваясь «заставить время плясать по кругу». Но возникающие исторические обстоятельства (современником которых был сам писатель) — мировая война, окончившаяся для героя в немецком плену, последовавшие за ней революции — мешают довести намеченное до конца. Наконец, воспользовавшись тайным желанием советских обывателей из «бывших» вернуться в Россию до 1861 г., он находит необходимые средства и сооружает такую машину в своей тесной комнатке. Первое же испытание — и машина уносит его вперед, а не назад. Побывав в 1957 г., он возвращается в «свое время», машина же терпит катастрофу. «Воспоминания о будущем», написанные героем по заказу предприимчивого журналиста, не проходят советскую цензуру, а там исчезает и сам герой. «В ином настоящем больше будущего, чем в самом будущем...» — заключает автор. Прошлое, по крайней мере, обладает некоторой терапевтической, успокаивающей силой. Вспомним, как в конце советской эпохи набирали популярность альманахи «Встречи с прошлым», «Минувшее», журнал «Наше наследие», в центре общественного внимания были ВООПиК и общество «Память». Стремительность социальных изменений сопровождается попыткой отката к некоей исходной точке, рестарта. Вернуться к России до 1917 г., а еще лучше — до 1914 или 1905 г., обрести основы и опору в некой утраченной традиции, до Петра, до Никона и проч. Сложное и непредсказуемое, зарождающееся и неведомое лучше упростить, свести к понятной обывателю основе, редуцировать, чтобы было проще жить и понятнее ориентироваться в реальности. Что взять из прошлого, на что опереться, а что лучше навсегда там оставить — это тоже немаловажный вопрос для построения «образа будущего».

Образ будущего может создаваться утопиями и антиутопиями. Вторые эффективнее, они сдерживают безудержность утопического мышления, заглядывают по ту сторону утопий, в основе которых лежит схема, наложенная на действительность доведенным до своего апофеоза рациональным схематизмом. Чертеж, детальный проект, столь важный и пригодный в инженерном деле, в архитектуре, оказывается беспомощен перед лицом стихийной воли истории. Утопии, сколько ни рождались бы они мечтой и надеждой на золотой век в будущем («золотой век в кармане» в «Дневнике писателя» Достоевского), сводятся к предельно схематическому и рациональному построению модели будущего, в которой ставка делается на какой-то один базовый элемент — техника, наука, человеческая природа, религия, политическое господство, при-

6

[2] Кржижановский С. Воспоминания о будущем // Кржижановский С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. СПб., 2001. С. 335–430.

родопользование. В их основе лежала «ересь утопизма», стремление осуществить спасение «принудительной силой закона», как показал это философ Семен Франк[3]. Прогноз имеет тем больше ценности, чем больше он учитывает «сопротивление среды», те факторы, которые могут помешать проекту осуществиться. Многовекторность, многовариантность стратегий развития всегда дают больший простор для картины будущего и характерны для картографии сложного мира («Ум свой упростить я не могу», — признавался Константин Леонтьев[4]).

Образ по самой своей природе является предметом воображения — художественного, научного, религиозного, какого угодно, но воображения, в основе которого лежат наши представления, окрашенные страстью, мечтой, страхом, унынием, пафосом — всем тем, что свойственно человеческой природе и что не может (и, уверен, не сможет!) воспроизвести никакой искусственный интеллект. Литература, музыка, религиозное пророчество могут прорваться к будущему не с меньшим успехом, чем научно организованный, рационально построенный дискурс. «Тропос» (образ) есть своего рода картина «эйдоса» (идеи). Идеи облекаются в образы. «Эйдос», идея — вид, картина, «тропос», образ — метафора, художественный прием. «Хождение в Невидимый Град» может быть существеннее и выразительнее, чем пребывание в нем.

7

Успехи современных технологий, появление и стремительное развитие того, что называют искусственным интеллектом, может восприниматься как начало новой эпохи (эпоха — совсем не обязательно что-то очень долгое и значительное, это новая длительность, ознаменованная произошедшими качественными изменениями), а может быть промыслена как симптом конца, наступление «последних событий». Постсекулярность, мнимая она или реальная, действительно наступившая или существующая в сознании некоторых философов и религиоведов, возвращает в разговор о будущем религиозное измерение, апокалипсис из сюжета священных книг переносится в область политических прогнозов и становится одним из ключевых образов развязки мировой истории, которую мы, подобно жителям Рима в позднюю его эпоху, ощущаем как стоящую перед нами на расстоянии одного-двух поколений. Тема грядущего в мир антихриста выходит за пределы богословских и церковных кафедр и подхватывается «технократами». Прошло уже более 125 лет после того, как Владимир Соловьев написал и прочел публично свою «Краткую повесть об антихристе», завершающую диалоги «Три разговора»[5], — и вот с отсылкой все к тому же Соловьеву свою думу об антихристе по ту сторону океана думает один из представителей Темного просвещения (в данном номере этому феномену посвящены несколько статей), причем убежденный, что антихрист уже пришел и осталось только угадать, кто он. Будут ли технологические изменения, пусть даже весьма радикальные, причиной для постчеловеческого, пост- или даже трансгуманистического будущего, хватит ли букв греческого алфавита для того,

[3] Франк С. Л. Ересь утопизма // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 79.

[4] Леонтьев К. Н. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем; в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб., 2005. С. 333.

[5] Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об антихристе и с приложениями // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. 2-е изд. М., 1990. С. 635—762.

чтобы назвать «племя младое, незнакомое» будущих времен, покажет время. Вспомним хотя бы планетарный страх перед наступлением нового миллениума, пресловутую «проблему 2000», которая должна была вывести из строя компьютеры, остановить в воздухе самолеты, обесточить линии электропередач и проч. Из сегодняшнего дня с его вызовами эти страхи кажутся ребячеством.

Будущее может быть не таким, как бы нам хотелось. Об этом мы всегда должны помнить. В начале нулевых Александр Сергеевич Панарин предвещал, что XXI век будет веком мировых войн и стратегической нестабильности. Мы уже были к тому времени свидетелями бомбежек Сербии, а страны, возникшие на обломках социалистической Югославии, были избраны в качестве тестового полигона по перекройке мирового порядка, установленного по итогам Второй мировой войны. Однако предсказания Панарина все равно воспринимались с недоверием к их избыточному пессимизму, вызванному, как нам тогда казалось, смертельной болезнью предсказывавшего и близившимся его уходом из жизни. Сейчас, когда стратегическая нестабильность возросла и мировое противостояние по сути уже перешло в горячую фазу, стоит подумать о том, что мысль о будущем должна быть не только проектной, но и честной, должна учитывать сопротивление среды и, прежде всего, честно анализировать настоящее с теми ростками будущего, которые могут и не дождаться своей жатвы.

«Самая короткая и беспокойная жизнь бывает у людей, которые не помнят прошлого, пренебрегают настоящим, боятся будущего»[6], — писал Сенека. Чтение нашего журнала — остановка в пути, позволяющая из различных ракурсов настоящего бросить взгляд на горизонт будущего. Найти в палитре настоящего те краски, из которых будет создан пейзаж будущего.

8

[6] Сенека Л. А. О скоротечности жизни. М., 2022. С. 119.

Методологические особенности, социально-онтологическая релевантность и практическая специфика цивилизационного и формационного подходов в цифровую эпоху

ORCID: 0000-0002-2781-3736
E-mail: baklanov72@mail.ru

11

Игорь Спартакович Бакланов

Профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии СГН-4 факультета «Социальные и гуманитарные науки» ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», профессор кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Professor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, SGN-4, Faculty of Social Sciences and Humanities, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Professor of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

DOI: 10.67139/3033-8301.2026.2.2.002

Аннотация

Процессы цифровизации, выстраивающиеся в динамику развития общества и жизнь современного человека, во всем мире все больше унифицируют социальные практики в пространстве социальности, у которой много названий — «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество надзорного капитализма» и т. д. Рассмотрение данного вопроса в первом исследовательском приближении, казалось бы, позволяет говорить об универсальности формационного подхода как релевантного методологического инструментария получения знания о современном социуме. Однако более углубленное философское изучение современной социальной реальности позволяет конста-

тировать различие порядка в динамическом, функциональном и структурно-организационных аспектах жизнедеятельности различных локальных сообществ и субъектов глобальной динамики, что реактуализирует в социально-гуманитарном вообще и в социально-философском знании в частности цивилизационный подход. Наряду с широким применением цивилизационного подхода при описании социально-политических процессов (что дает сторонникам формационного подхода возможность говорить о значительной идеологической нагруженности цивилизационного подхода) все более очевидной становится инструментальная значимость цивилизационного подхода при описании современной специфики социокультурной динамики локальных сообществ и субъектов глобальной динамики. Тем самым преодолевается главный недостаток формационного подхода — выхолащивание социокультурных особенностей процессов и явлений при рассмотрении общественной жизни. Поэтому задачей статьи, проводящей компаративистский анализ цивилизационного и формационного подходов и изучающей их социально-онтологическую релевантность, методологические особенности и практическую специфику, является демонстрация имеющихся преимуществ цивилизационного подхода при концептуализации современных социальных отношений и практик жизнедеятельности субъектов в цифровую эпоху. При этом в ходе проведения исследования предполагается обращение к концепциям и теориям как сторонников формационного и цивилизационного подходов, так и их ярых критиков.

Ключевые слова

Общество, цивилизационный подход, формационный подход, линеарно-стадиальное развитие, культурно-исторические типы, цивилизации, формации, цифровой транзит.

Abstract

The digitalization processes, embedding themselves into the dynamics of societal development and the lives of modern individuals, are increasingly unifying social practices worldwide within the space of sociality, which goes by many names: "post-industrial society," "information society," "surveillance capitalism society," etc. Examining this issue at an initial research approximation would seemingly allow us to speak of the universality of the formational approach as a relevant methodological tool for acquiring knowledge about modern society. However, a more in-depth philosophical study of modern social reality reveals differences in the order of the dynamic, functional, and structural-organizational aspects of the life activity of various local communities and actors of global dynamics. This reactualizes the civilizational approach within socio-humanitarian knowledge in general, and socio-philosophical knowledge in particular. Along with the widespread application of the

civilizational approach in describing socio-political processes (which gives proponents of the formational approach grounds to argue about its significant ideological bias), the instrumental significance of the civilizational approach in describing the contemporary specifics of the socio-cultural dynamics of local communities and actors of global dynamics is becoming increasingly obvious. This overcomes the main drawback of the formational approach — the hollowing out of the sociocultural features of processes and phenomena when analyzing social life. Therefore, the objective of this article is to conduct a comparative analysis of the civilizational and formational approaches and study their socio-ontological relevance, methodological features, and practical specificity in order to demonstrate the inherent advantages of the civilizational approach in conceptualizing modern social relations and the life practices of subjects in the digital era. In doing so, the research draws upon the concepts and theories of both proponents of the formational and civilizational approaches, as well as their fierce critics.

Keywords

Society, civilizational approach, formational approach, linear-stadial development, cultural-historical types, civilizations, formations, digital transition.

Введение и постановка проблемы

Ускорение и усложнение динамики современного общества актуализируют необходимость разработки новых и уточнения старых концептуальных схем и методологических подходов к их описанию. Численность акторов социальных процессов и субъектов общественных отношений увеличивается, а технологические инновации все ощутимее для людей изменяют их жизнь и социальную реальность. Становится очевидным, что человечество начинает переходить (не просто переходить, а прямо на ходу локомотива истории вскакивать, впрыгивать!) на качественно новый уровень своего развития. По всей видимости, в самом ближайшем будущем мы станем свидетелями возникновения новой формы, новой конфигурации социальности. Для описания представленного и очевидного качественного перехода современного общества (общества наших дней) к новой конфигурации социальности в методологическом плане напрашивается применение формационного подхода, унифицирующего в своем принципе всю историю человечества. Но так ли едино человечество в глобальном социокультурном пространстве? Не уместнее ли для описания локальной специфики современных процессов общественной жизнедеятельности применить более релевантные методологические подходы, например, цивилизационный (как индивидуализирующий)? Или все-таки нужно признать необходимой опору в вопросе философского опи-

сания социальной динамики исключительно на формационный подход как на унифицирующий? Представляется, что с проблемой выбора методологии описания социальной динамики и ее концептуальными схемами стоит разобраться подробнее.

Методологические особенности цивилизационного и формационного подходов

Методологические и эвристические потенциалы цивилизационного и формационного подходов к описанию социальной динамики разработаны и изучены довольно хорошо. Историки, философы, культурологи, социальные теоретики на базе огромного фактического этнографического, социологического, исторического материала создали различные, порой довольно противоречивые концепции становления и развития формаций и цивилизаций, пытаясь выявить и описать диалектику общего и особенного. Для неискушенного читателя все-таки, наверное, следует указать на классические канонические черты данных подходов и назвать их представителей, вошедших в пантеоны. Здесь мы намеренно используем метафоры религиозного характера, потому что в современной России, к сожалению, цивилизационный и формационный подходы из обычных теоретических схем и научно-исследовательских программ (в понимании методолога науки И. Лакатоса[1]), сосуществующих в академическом исследовательском поле социальной философии и социальной теории, фактически превратились в политизированные учения, приобретающие со временем сакрализованные, идеологизированные и религиозно-догматические черты. Концепции противников и оппонентов вызывают у их сторонников резкое неприятие и эмоциональное отвержение. (Или автор все-таки ошибается? Например, трансгуманизм, который фактически основывается на идее стадиального (формационного) развития человечества, уже предан идеологической «анафеме» со стороны официальных представителей Русской православной церкви[2] и консервативных мыслителей, называющих его «богоборческим проектом», «опасным и неприемлемым учением», «новой квазирелигией Запада», идеологией «расчеловечивания», уничтожающей христианскую антропологию?[3]) Тут, кстати, можно вспомнить и многочисленные конспирологические теории о демонических ритуалах технологической элиты, которые активно распространяются и транслируются именно благодаря «демоническим» информационным технологиям, столь яростно проклинаемым этими же блогерами.

Появление и легитимизация в рамках философской проблематики формационного и цивилизационного подходов связаны с одним и тем же явлением: возникновением в интеллектуальном про-

[1] Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.

[2] См.: Официальное программное заявление Предстоятеля РПЦ на пленарном заседании XXIV Всемирного русского народного собора: Святейший Патриарх Кирилл: Трансгуманизм нацеливает общество на создание суррогата человека, способного подменить собой человека подлинного // Официальный сайт Московского Патриархата. 25.10.2022. http://www.patriarchia.ru/db/text/5971247.html (дата обращения: 27.07.2026).

[3] Щипков А. В. Дискурс ортодоксии. Описание нашего времени. М., 2021.

странстве европейского общества Модерна идеи прогрессивного развития человечества (конечно, на тот момент прежде всего европейского человечества). Только одни мыслители поддержали и развивали эту идею, а другие критиковали идею непрерывного прогресса и пытались создать собственные отличные концепции. К первой группе можно отнести линеарно-стадиальные концепции Кондорсе[4], Сен-Симона[5], Огюста Конта[6], включающие гегелевские треки исторического развития как прогресса Мирового духа в осознании собственной свободы — «восточный мир» — «греческий мир» — «римский мир» — «германский мир»[7]. Конечно, наиболее известным представителем линеарно-стадиального формационного подхода является К. Маркс[8], который, кстати, взял понятие «формация» из геологии — пласты горных пород / пласты исторического развития: «Архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов… Так же обстоит дело и с архаической общественной формацией…»[9] Целью Маркса было создание концепции эмансипации не только духа человека, но и свободы человека как субъекта общества[10].

Подчеркнем, что идея линеарности истории не является какой-то оригинальной и особой: Ветхий и Новый Завет рассматривают прошедшую историю и грядущую историю человечества через Сотворение Мира и Человека, акт грехопадения и изгнание Эдемского сада, искупительной жертвы Спасителя и, в конечном итоге, Армагеддона, нового Пришествия Спасителя и Судного дня. Более того, именно христианство заявило и постулировало уникальность человека в природном мире и дало ему карт-бланш в неограниченности технико-технологического развития. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею Землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по Земле» (Бытие 1:26). То есть современный кризис взаимодействия человека и природы имеет глубокие религиозно-культурные корни. Кроме того, христианство, уравняв все народы перед Господом, фактически подготовило почву для процессов нравственно-нормативной унификации, «…где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Послание к Колоссянам 3:11)[11]. Таким образом, христианство продуциро-

15

[4] Кондорсе Ж.А.Н. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 2011.

[5] Сен-Симон К.А. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 1. М. — Л., 1948.

[6] Конт О. Курс позитивной философии. М., 2023.

[7] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993.

[8] Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13. М., 1959. С. 5 — 9.

[9] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19. М., 1961. С. 400 — 421.

[10] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1955. С. 11 — 544.

[11] Позволим здесь привести слова Апостола Павла в Послании к Колоссянам более полно, чтобы не потерять контекста: «Теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Послание к Колоссянам 3:10-15). И далее: «Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Послание к Колоссянам 3:15).

вало целый спектр социальных эффектов, создав существующий образ, дизайн общества, в том числе и общества современного[12]. Оно же создало мировоззренческий горизонт и поддерживает его до сих пор, а также фреймирует мышление современного человека, в результате чего большинство людей (включая даже агностиков и атеистов), веря в социальный и технологический прогресс и тревожась за свое будущее, одновременно постоянно готовится к грядущему Армагеддону в виде победы ИИ над человечеством, ядерной войны, глобальной экологической катастрофы, захвата Земли пришельцами, эпидемии и вымиранию человечества[13]. Не случайно в глобальной пандемии Covid-19 2020 года многие в мире увидели предзнаменование в виде первого всадника Апокалипсиса — Чумы на белом коне, одного из предвестников Судного дня[14].

Если генезис формационно-стадиальных концепций общества фактически имеет религиозные (а именно иудеохристианские корни) — как убедительно доказал К. Левит, вся современная линеарно ориентированная социальная философия как философия прогресса представляет собой лишь секуляризованную эсхатологию[15], — то вторая группа концепций была связана с разработкой термина «цивилизация», который первоначально имел юридическо-правовой контекст (перевод уголовного дела в разряд гражданских). Первоначально у французских мыслителей середины XVIII века Мирабо и Тюрго понятие «цивилизованность» как особое состояние общества противопоставлялось понятиям «дикость, варварство», а процесс цивилизованности включал в себя «подъем торговли и промышленности» и «обретение материальных удобств и роскоши». Анн Робер Жак Тюрго полагал, что цивилизация едина для всего человечества, просто разные народы находятся на различных ступенях этой единой лестницы экономического развития (охотничья, пастушеская, земледельческая стадии). Обратим внимание, что Виктор Рикети маркиз де Мирабо в качестве главной движущей силы развития цивилизации указывал на религию, которая смягчает нравы, и считал, что все народы находятся в разных точках пути от «варварства» к «цивилизованности». Таким образом, прогресс обретения цивилизованности в представлении французских физиократов был фактически идентичен восхождению человечества по стадиально-формационной траектории.

Подлинное рождение цивилизационного подхода происходит в Германии. Этот фундаментальный и знаковый переход от универсальной механистической французской *civilisation* к уникальной немецкой органическо-витальной *Kultur* последовательно проанализирован в трудах Н. Элиаса[16]. Именно Иоганн Готфрид Гердер, а позднее и его последователи, йенские романтики (братья

[12] Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990; Холланд Т. Доминион. Как христианство изменило мир. М., 2023.

[13] Грей Дж. Черная месса: Апокалиптическая религия и смерть утопии. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021; Кутырев В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб., 2015.

[14] Михайлова Ю. В. Хайп-эсхатология или «игра в COVID-19»: изменение религиозного сознания в эпоху глобального кризиса // Христианское чтение. 2021. № 1. С. 118 — 128.

[15] Левит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории. СПб., 2001.

[16] Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. М., 2001.

Шлегели) акцентируют внимание на национальной, культурной и религиозной *самобытности*, «народном духе». Известна фраза Гердера: «Каждая нация содержит центр своего счастья внутри самой себя, точно так же, как шар содержит внутри себя свой центр тяжести»[17]. Гердер ненавидел европоцентризм и колониализм, которые оправдывались идеей «цивилизаторской миссии». Высшей целью исторического развития всех народов он считал не усредненную «цивилизованность», а достижение гуманности как высшего проявления человечности.

Так, собственно говоря, постепенно начали оформляться формационные и цивилизационные концепции.

Н. Я. Данилевский, впервые актуализовавший в отечественной историографии цивилизационный подход, был ученым, а именно ученым-биологом, опиравшимся на эпистемологические и этические принципы науки своего времени. Известно, что по ходатайству Русского географического общества 18 июня 1853 г. по высочайшему повелению Данилевский впервые был «командирован в ученую экспедицию под начальством К. М. Бэра для исследования рыболовства на Волге и Каспийском море»[18]. Именно исследовательская оптика ученого-биолога позволила Данилевскому увидеть в локальных сообществах, существовавших в определенном локусе пространства-времени, организмы, развивающиеся по всем законам живого. Эти организмы он назвал культурно-историческими типами. Причем Данилевский был не эволюционистом, а являлся, как и его учитель-руководитель, один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии академик Карл Бэр, сторонником витализма[19]. Поэтому если говорить о взаимосвязи витализма с аристотелевской εντελέχεια, осуществленностью, внутренней силой, которая содержит в себе конечную цель и план развития, то, очевидно, в представлении Данилевского и его последователей в цивилизации, как и в каждом живом организме, есть определенная потенция, которая способна актуализироваться, реализоваться, а может по ряду причин и не актуализироваться, «не расцвести». Возможно, живи Данилевский через сто лет, он бы обратился не к методологическим подходам современной ему биологии, а перенес бы принципы синергетики на общественное развитие. Виталистический принцип «жизненного порыва» вносит в цивилизационный подход важный элемент случайности реального исторического развития, когда формационный подход настаивает на необходимости и неотвратимости наступления определенных стадий эволюции локальных сообществ. Симптоматично, что другим широко известным представителем цивилизационного подхода был Освальд Шпенглер, представитель философии жизни.

Душа цивилизации — культура, о чем, к сожалению, современные адепты и сторонники цивилизационного подхода часто напрочь за-

17

[17] Гердер И. Г. Еще один опыт философии истории для воспитания человечества // Гердер И. Г. Избранные сочинения. М. — Л., 1959. С. 272.

[18] Ануфриева Е. В., Шадрин Н. В. Биолог Н. Я. Данилевский и его труд «Россия и Европа»: перспективы развития идей // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма. Материалы международной научно-практической конференции (21 — 23 мая 2015 г.). Симферополь, 2015. С. 366 — 376.

[19] Кирабаев Н. С., Гнатик Е. Н., Жубрин И. А. О связи социального и гносеологического аспектов цивилизационного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2022. Т. 22. № 2. С. 416 — 425.

бывают, рассматривая цивилизацию только как структуру, особую конфигурацию политических институтов. Но ведь политические институты — это лишь форма организации цивилизационных структур; культурный стержень цивилизации низводится ими только до религиозных верований и догматов.

Да, в этом контексте, конечно, можно вспомнить утверждение классика структурного функционализма Толкотта Парсонса, что «культура легитимизируется прежде всего в религиозных терминах»[20]. Однако сводить всю мощь культуры к религии совершенно неправомерно. Согласно мнению Парсонса, культурная подсистема выполняет в интегрированной социальной системе высшую функцию — поддержание и воспроизводство латентного образца. Культура выступает главным информационным регулятивом, который активно генерирует смыслы, символические коды, ценности и эмпирические знания (включая язык и искусство), программирующие все остальные сферы общества: от экономики до политики. Сведение данного колоссального смыслообразующего потенциала культуры исключительно к институционализированной догматике лишает цивилизационный анализ его главной объяснительной силы — понимания того, как именно дух культуры формирует социальное тело. В этом ключе следует указать, например, на свежие интересные исследования, проводящиеся в рамках исследовательского проекта «Ценности: теория и практика», в которых рассматриваются культурные (в том числе и философские) основания развития российского общества[21].

Однако для того чтобы применять цивилизационные и формационные подходы и концепции в цифровую эпоху, необходимым представляется подвергнуть их ревизии, вновь произвести их довольно подробный анализ с учетом реалий современности, если угодно, в наиподробнейшем декартовском аналитическом ключе. Фактически, вся интрига применения данных подходов в определенных областях социально-гуманитарного знания (историографии или, например, социальной философии) заключается в том, что́ в исследовательском представлении есть человечество. Составляет ли оно целостную систему, компоненты и элементы которой повсюду в мире развиваются по одинаковым закономерностям и пространство существования которой однородно, изотропно, либо все-таки оно представляет собой конгломерат разнородных элементов (не так важно, как их называть — цивилизации, сообщества, общества, нации, этносы, культурно-конфессиональные комплексы), социальное пространство которых может быть анизотропным и динамика развития которых тоже может быть разной? То есть похожими ли будут общества, существующие в различных частях света? И да, и нет. И вот почему.

[20] Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

[21] Козырев А. П. От ценности к поступку. От декларации к практике // ОТТИСК. 2026. № 1. С. 151–165; Мацан К. М. Космос внутри: духовные ценности в истории русской культуры сквозь призму русской философии // ОТТИСК. 2026. № 1. С. 47–61; Светлов Р. В. Человек (личность): добро, правда, созидание, знание // ОТТИСК. 2026. № 1. С. 33–45; Тесля А. А. Общество: справедливость, солидарность, воля, свобода // ОТТИСК. 2026. № 1. С. 23–31.

Игорь Бакланов

Социально-онтологическая релевантность, критика методологии и практическая специфика цивилизационного и формационного подходов

19

Современный мир продуцирует множество вызовов, угроз и рисков. Социально-онтологическая релевантность применения и цивилизационного, и формационного подходов вызвана необходимостью понимания того, как на эти вызовы можно ответить, какими путями можно нивелировать угрозы и как можно минимизировать негативные последствия рисков. Самый главный вызов человечеству — это безудержное развитие технологий. Применение технологий изменяет природный ландшафт и воздействует на климат, способствует становлению новых социальных институтов и переформатирует общественную систему. Иными словами, технологии активно воздействуют на современное общественное развитие. И именно современные технологии (и не только они) продуцируют необходимость того, чтобы каким-то образом спродуцировать ответ на вызов. «Необходимость в проекте цивилизационного выбора возникает обычно в кризисные моменты, в моменты осознания того, что мир изменился. Тогда, действительно, выбитые с дороги, мы вынуждены заняться конструированием чего-то, что помогает этот кризис преодолеть»[22]. Но релевантность цивилизационного подхода оспаривается рядом отечественных авторов. Стоит признаться читателю, что первоначальным поводом для написания данной работы стало знакомство с главой в монографии «Контуры цивилизационного будущего России» моего уважаемого коллеги Дениса Летнякова, старшего научного сотрудника Института философии РАН[23]. (Определенная комичность ситуации состоит в том, что наша с соавтором О. А. Баклановой глава в монографии следует сразу за его материалом[24]. Также справедливости ради следует заметить, что даже в Институте философии РАН не все сотрудники разделяют мнение Д. Э. Летнякова. Так, можно указать на цикл фундаментальных исследовательских работ Светланы Ильинской и ее коллег, проводимых на методологической базе цивилизационного подхода[25].) Но вернемся к идеям Д. Э. Летнякова. Он пишет о том, что «цивилизационный подход так и не преодолел своей „метафоричной нестрогости“. Его адепты продолжают обращаться к категориям, которые плохо поддаются верификации»[26]. И вслед за этим, говоря о цивилизационном подходе, автор сообщает, что «анализируемая парадигма предлагает нам откровенно устаревший взгляд

[22] Наретина С. С. Альтернатива как способ понимания истории // Вопросы философии. 2026. № 6. С. 54.

[23] Летняков Д. Э. Российская цивилизация как идеологический конструкт и предмет академического исследования // Контуры цивилизационного будущего России. М., 2024. С. 180 – 208.

[24] Бакланов И. С., Бакланова О. А. Социокультурные основания российской цивилизации // Контуры цивилизационного будущего России. М., 2024. С. 210 – 233.

[25] См.: Ильинская С. Г. «Цивилизация» как локальный феномен: начальный этап теоретического осмысления // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 119 – 134; Ильинская С.Г., Угрин И. М. Диалогизм российской цивилизации против монологизма Запада // Вопросы социальной теории. 2022. Т. 14. С. 248 – 269; Бондарева Я. В., Ильинская С. Г. Логика смысла российской цивилизации через призму русской философии // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 64 – 75 и др.

[26] Летняков Д. Э. Российская цивилизация как идеологический конструкт и предмет академического исследования // Контуры цивилизационного будущего России. М., 2024. С. 184.

на объекты социальных наук. Этот взгляд можно обозначить как эссенциалистский, то есть такой, который за каждым социальным явлением видит некую объективную сущность»[27]. Заметим, что, на наш взгляд, требуя проведения верификации и выступая против эссенциализма, автор разрывается между парадигмами классической и неклассической философии. Но самая главная претензия: где ядро, стержень, сердцевина цивилизации? Попытаемся найти это ядро и снять противоречия.

Снятие определенных методологических противоречий между формационным (актуализирующим в процессе социально-философской рефлексии линейное время) и цивилизационным (делающим для исследователя референтным, значимым, локальное пространство) подходами возможно с помощью применения концепта «социальности». Для раскрытия этого понятия обратимся к определению О. А. Баклановой, которая концептуализирует социальность так: «Вариативный, изменяющийся с течением исторического времени феномен, онтологическая система несубстанционалистского, интерсубъективного характера, зависящая от ценностно-нормативных детерминант общественного сознания и типологизирующаяся по степени автономности социального субъекта»[28]. Автор также придерживается «представлений о социальности как особой интерсубъективной системе человеческой совместности, основанной на общей смысловой перспективе, опыте, упорядоченной коммуникации и самовоспроизводящихся социальных структурах[29]». Иными словами, социальность представляет собой феномен, структурирующий социокультурное пространство и задающий механизмы функционирования социальных институтов[30]. Она всегда локализована в определенном пространстве и фреймирована устойчивыми темпоральными (временными) границами. Однако здесь необходимо провести четкую эпистемологическую демаркацию и не отождествлять социальность с хронотопом М. М. Бахтина[31].

Хронотоп у Бахтина — это формально-содержательная категория, фиксирующая монолитность пространственных и временных координат; это объективная матрица («сцена»), в которой время сгущается и становится пространственно масштабируемым и измеримым. Социальность же — это активная онтологическая система, составляющая само содержание этого бытия. Если хронотоп задает абстрактные координаты (отвечая на вопрос «где и когда?»), то социальность (отвечая на вопрос «как и ради чего?») наполняет пространство этих координат смыслами, ценностями и нормами. Таким образом, социальность собирается и функционирует внутри определенного исторического хронотопа, но, в отличие от него, является не просто рамкой, а живой тканью коммуникации социальных субъектов, выступая связующим звеном между абстрагированным пространством-временем и реальной динамикой общества

[27] Там же. С. 185.

[28] Бакланова О. А. Типологическая дифференциация социальности в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 5.7.7. М., 2025. С. 15.

[29] Там же. С. 16.

[30] Бакланова О. А. Аксиологические основания социальности в современном обществе // Kant. 2024. № 3. С. 161 – 165.

[31] Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234 – 407.

как совокупности институциональной системы и жизненного мира социальных субъектов (в терминологии Ю. Хабермаса[32]).

Когда прежний хронотоп рушится, а социальность переживает смысловой и ценностный кризис, общество неизбежно начинает поиск новых макросоциальных координат для самоописания. В этом контексте, на наш взгляд, несколько парадоксален тот факт, что ренессанс цивилизационного подхода в России в конце XX века произошел именно на волне делегитимации советской идеологии. Такая концептуально-методологическая трансформация совпала с тяжелейшим переходом от социальности советского типа к социальности транзитивной, российской, вынужденной нащупывать границы между рухнувшим советским коллективизмом и индивидуализмом, который не был бы слепой копией западных образцов. Как известно, концептуальным ядром отвергнутой советской системы был исторический материализм — жесткая формационная матрица с заметным креном в экономизм. Эта парадигма сводила динамику общества к проблеме соответствия развития «производительных сил» (читай: технологий) «производственным отношениям», то есть к сугубо материальным взаимодействиям, вытесняя за скобки собственно культурные и цивилизационные смыслы.

Как известно, унификации и центрации Модерна, вырождавшимся к середине XX века в различные тотальные и тоталитарные формы, активно противился постмодернизм с его акцентом на фрагментацию и децентрацию. Поэтому в социально-гуманитарном дискурсе большую роль в усилении вотума недоверия к идее унифицированного развития человечества как основания формационного подхода сыграли именно постмодернистские концепции. Самой яркой иллюстрацией здесь служит концепция онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризма Жака Деррида[33]. В ней представлена вся суть не только философии общества Модерна, но и вообще всей европейской классической философской традиции: указывается на взаимосвязь логоса с идеями бытия, божественного присутствия, конечной цели, патриархального господства, выраженного через мужское начало, доминирования фонетически выраженной мысли над записанным словом[34].

21

В данном контексте особую актуальность приобретает дискурс о применимости концептов Модерна и Постмодерна к реалиям российского общества[35]. Здесь уместно вспомнить беседы, состоявшиеся в ходе одного научного семинара на Рязанской земле в 2013 году. Один из крупнейших российских специалистов в области социальной теории и социальной философии Петр Гречко (в то время заведующий кафедрой социальной философии, профессор РУДН), редактор фундаментальной монографии «Социальное»[36], когда ему говорили о том, что в России совсем скоро грядет общество Постмодерна, смело утверждал, что это невозможно,

[32] Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Т. 2. К критике функционалистского разума. М., 2022.

[33] Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.

[34] Деррида Ж. Позиции. М., 2007.

[35] См.: Гречко П. К. Постмодернизм: философская или культурная парадигма? // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2005. № 1. С. 13—23; Федотова В. Г. Россия в глобальном и внутреннем мире // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 13—24.

[36] Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009. 440 С.

потому что де-факто в России как такового и Модерна-то не было, то есть в отечественной истории проект классического Модерна так и не был реализован в полной мере, а индустриализация, проводимая в Советском Союзе, представляет собой вариант внешней, привитой, вторичной модернизации. С ним можно согласиться: именно историческая незавершенность Модерна приводит к тому, что цифровой транзит в России происходит в довольно специфическом институциональном и аксиологическом пространстве. В результате цифровизация в современной Российской Федерации обрела особые социокультурные контуры, вполне «самобытные»[37] и существенно отличные от западных[38] и китайских[39].

Новые деколониальные теории как новейшие концепции цивилизационного подхода в значительной степени опираются на положения постмодерна, как раз говоря о том, что следует избегать мировоззренческого центрирования и акцентуации на европейской истории и, более того, следует обратиться к локальным, «местным», пространственно фреймируемым историям как основаниям конструирования образов цивилизаций[40].

Более того, по убеждению автора, следует избегать мировоззренческого центрирования, социальной унификации при рассмотрении и концептуализации условий цифрового транзита общества, всегда обращая внимание на социокультурный, нормативно-аксиологический, социально-антропологический и цивилизационный контекст современных процессов информатизации, медиатизации и технизации социальных практик. Такой вывод был сделан как в ходе проведения многочисленных собственных (конечно, вместе с соавторами) исследований[41], так и при анализе работ моих коллег[42].

[37] Радина Н. К., Крупная Д. А. Цифровое государство: концептуализация образа в официальном дискурсе Российской Федерации // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 138—149.

[38] Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022.

[39] Ковалев В. А. Особенности китайской модели цифровизации: система социального кредита и цифровой авторитаризм // Политическая наука. 2020. № 3. С. 132—151; Чжан Л., Сегал А. П. Китай: цифровые технологии и политическое развитие // Искусственные общества. 2026. Т. 21. Вып. 2. URL: https://artsoc.jes.su/s207751800038269-4-1/ (дата обращения: 27.07.2026).

[40] Кихано А. Колониальность власти, европоцентризм и Латинская Америка // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 4. С. 270—313; Миньоло В. Д. Эпистемическое неповиновение: независимое мышление и деколониальный выбор // Шаги/Steps. 2015. Т. 1. № 2. С. 54—77.

[41] Бакланов И. С., Бакланова О. А. Взаимосвязь технологического и исторического сознания в пространстве социальности цифрового общества // Kant. 2024. № 2. С. 190—195; Бакланов И. С., Бакланова О. А., Бредихин С. Н., Лукьянов Г. И. Технологизация политического и политизация технического: динамика общественного сознания и социокультурных практик цифрового общества // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2. С. 521—522; Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12. С. 535—536; Бакланов И. С., Богатырева О. В., Саклакова Е. В., Семкина Е. Н. Динамика идентичностей человека: между социальной реальностью и цифровым миром // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11. С. 557—558; Бакланов И. С., Пелевин С. И. Технологии и технологическое сознание в эволюции постиндустриализма: от информационного общества к обществу знаний и цифровому обществу // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2022. № 1. С. 60—67; Еременко М. М., Богатырев С. А., Бакланов И. С. Особенности и риски применения технологий искусственного интеллекта в медиапространстве современного общества // Евразийский юридический журнал. 2023. № 10. С. 362—363; Спицина Д. Д., Бакланов И. С., Каданина А.В. Мировоззренческие основания формирования цифрового общества: ценностные и темпоральные ориентиры современной молодежи как поколения Z // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2. С. 547—548.

[42] Гончаров В. Н. Информационное общество: антропологический аспект // Альманах современной науки и образования. 2009. № 1—2. С. 57—58; Ивахненко Е. Н., Никольский В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9—22; Ивлев В. Ю., Ивлева М. Л., Иноземцев В. А.

Преодоление упреков цивилизационному подходу в «откровенно устаревшем» эссенциализме (на которых настаивает Д. Э. Летняков) становится возможным, если мы перестанем рассматривать цивилизацию, в духе раннего Н. Я. Данилевского, как детерминированный биологический организм и концептуализируем ее с позиций социальной философии (концепция социальности Баклановой[43]) и современного конструктивизма[44]. В эпоху цифрового транзита цивилизация предстает не как субстанциально застывшая данность, а как устойчивая интерсубъективная информационно-семиотическая матрица — набор базовых когнитивных эвристик и этических протоколов, через которые конкретное общество усваивает и адаптирует глобальные технологии.

В этой связи особую социально-онтологическую релевантность приобретает парадигма «множественных модернов», разработанная Ш. Эйзенштадтом[45]. Формационный подход, страдающий технологическим детерминизмом, исходит из презумпции, что технологии нейтральны и неизбежно ведут к унификации общества. Однако философский анализ показывает, что цифровизация не формирует единую глобальную надстройку, а преломляется через цивилизационные фильтры. Архитектура цифровых алгоритмов не универсальна: в ее фундаменте всегда — ценностный код создателей. Например, западная цифровая среда выстраивается вокруг концепта индивидуального пользователя и защиты личных границ, тогда как азиатская (китайская) модель цифровизации, выраженная в системе социального кредита, исходит из приоритета коллективного блага и конфуцианской этики социального долга. Одна и та же технология проецируется на различные цивилизационные коды.

Следующим важнейшим аргументом, актуализирующим цивилизационную оптику сегодня, выступает проблема нормативной регуляции искусственного интеллекта. Формационный подход, апеллирующий к экономическому базису, демонстрирует эвристическую недостаточность при решении проблем прикладной цифровой этики. Разработка автономных систем и обучение нейросетей (в частности, алгоритмы обучения с подкреплением на основе отзывов людей) требует закладки однозначных моральных паттернов, особенно при решении дилемм допустимого ущерба. Представления о добре и зле, справедливости, приватности и праве имеют строго цивилизационную природу и существенно различаются в романо-германской, англосаксонской, российской или исламской макросоциальных традициях. Таким образом, цивилизационный подход выходит за рамки академической теории, превращаясь в необходимый практический инструмент проектирования этики ИИ.

Когнитивная революция как фактор становления новой эпистемологической парадигмы и методологии исследования знания в современной науке // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 6. № 1. С. 90 – 99; Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2019; Пржиленский В. И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 68 – 80; Черемных Л. Г., Губанов Н. Н. Трансгуманизм как общественное движение // Гуманитарный вестник МГТУ имени Н. Э. Баумана. 2024. № 2. С. 1 – 15.

[43] Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. № 1 – 2. С. 168 – 177.

[44] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

[45] Эйзенштадт Ш. Множественные модерны // Полис. Политические исследования. 2002. № 5. С. 16 – 31.

Следует также указать на трансформацию топологии социального пространства. В рамках формационной логики транснациональные IT-корпорации рассматриваются исключительно как капиталистические монополии, стремящиеся к максимизации прибыли. Однако в условиях экстерриториальности цифровые платформы де-факто начинают приобретать черты квазицивилизаций. Они формируют собственные замкнутые ценностные миры, специфический язык коммуникации, механизмы легитимации и системы социального исключения (модерация контента, «культура отмены»). Анализ этого идеологического и культурного ядра невозможен исключительно в парадигме производственных отношений; здесь требуется методология цивилизационного анализа смыслов и символов.

Наконец, цивилизационный подход обладает мощным объяснительным потенциалом в контексте проблемы онтологической безопасности. В условиях «текучей современности» (З. Бауман[46]), характеризующейся высокой транспарентностью, информационной перегрузкой и гибридизацией связей, социальные субъекты сталкиваются с тревожностью и утратой экзистенциальных ориентиров (что подробно описано в трудах Э. Гидденса[47]). Формационный марксизм склонен видеть в современном глобальном традиционалистском повороте лишь регресс и проявление политической отсталости. В действительности же, с позиций социально-философского анализа, обращение к цивилизационной идентичности в цифровую эпоху выступает важнейшим механизмом психологической и когнитивной защиты. Цивилизационная принадлежность становится экзистенциальным якорем в океане информационного хаоса, адаптивной стратегией, позволяющей сохранить ту самую социокультурную автономность сознания и устойчивость локальной социальности.

Следовательно, противопоставление цивилизационного подхода формационному как «реакционного» «прогрессивному» является глубоким методологическим заблуждением. В цифровую эпоху именно цивилизационный подход позволяет уйти от механицизма и выявить глубинные социокультурные детерминанты, определяющие векторы развития сложнейших технологических и информационных систем современности.

Заключение: методологический ренессанс цивилизационного подхода в цифровую эпоху

Подводя итоги компаративистского анализа релевантности двух философских научно-исследовательских программ или, можно смело сказать, даже глобальных макропарадигм[48], следует отметить, что формационный подход, несомненно, сыграл выдающуюся

[46] Бауман З. Текучая современность. СПб., 2001.

[47] Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.

[48] Здесь можно вспомнить, что парадигма предполагает особую перспективу видения мира, гештальт как особый целостный набор представлений, складывающийся в определенную конфигурацию, фигуру, позволяющую, в свою очередь, сформировать и реализовать особые собственные подходы к решению исследовательских задач. См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

роль в философском осмыслении индустриальной эпохи. Однако в условиях современного цифрового транзита его безвариантная линеарно-стадиальная оптика демонстрирует очевидные эпистемологические пределы. Сводя развитие общества к детерминации экономического базиса и уровню развития технологий, формационный подход упускает из виду смысловую, ценностную и этическую многомерность информационного пространства. Он способен зафиксировать сам факт внедрения новых технологий и даже дать им объяснение, но бессилен объяснить, почему эти технологии вызывают глубоко различные институциональные и поведенческие вариации в разных частях света.

В противовес этому современный цивилизационный подход, очищенный от архаичного биологического эссенциализма и обогащенный методологией социального конструкционизма, открывает принципиально новые возможности для социально-философского анализа. Его эвристический потенциал в цифровую эпоху раскрывается сразу в нескольких ключевых направлениях.

Во-первых, он может стать *герменевтическим ключом* к пониманию того, как глобальные технологии (от блокчейна до социальных сетей) адаптируются и перекодируются локальными сообществами в соответствии с их историческими аксиологическими интерсубъективными матрицами.

25

Во-вторых, цивилизационный подход предоставляет релевантный инструментарий для *конструирования цифровой этики* (в том числе этики искусственного интеллекта), доказывая, что алгоритмическая регуляция не может быть универсальной, так как она с необходимостью опирается на культурно-специфичные представления о справедливости, праве и норме.

В-третьих, цивилизационный подход выполняет *компенсаторную и объяснительную функцию* в ситуации макросоциальной неопределенности. В условиях «надзорного капитализма» и фрагментации социальных связей в пространстве современной социальности цивилизационная идентичность становится для современного субъекта опорой, центральным элементом «жизненного мира» (в терминологии Ю. Хабермаса), который обеспечивает онтологическую безопасность и защищает автономность человеческого сознания от тотального алгоритмического диктата.

Таким образом, цивилизационный подход в современной социальной философии — это не идеологический регресс и не отказ от прогресса. Это тонкий и необходимый методологический инструмент, позволяющий исследовать сложнейший синтез традиционных социокультурных кодов и передовых цифровых практик. Жизнедеятельность субъектов глобальной динамики сегодня определяется не столько тем, какими технологиями они обладают, сколько тем, какие смыслы они в эти технологии вкладывают. И именно концептуализация этой смыслообразующей, культурно-исторической основы социальности делает цивилизационный подход абсолютно незаменимым для постижения контуров общества будущего.

Список литературы

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Бредихин С. Н., Лукьянов Г. И. Технологизация политического и политизация технического: динамика общественного сознания и социокультурных практик цифрового общества // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2. С. 521 — 522.

2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. № 1 — 2. С. 168 — 177.

3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: М., 2001.

4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234 — 407.

5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

6. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993.

7. Гердер И. Г. Еще один опыт философии истории для воспитания человечества // Гердер И. Г. Избранные сочинения. М. — Л., 1959. С. 274 — 284.

8. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.

9. Гречко П. К. Постмодернизм: философская или культурная парадигма? // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2005. № 1. С. 13 — 23.

10. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.

11. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022.

12. Ивахненко Е. Н., Никольский В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9 — 22.

13. Ивлев В. Ю., Ивлева М. Л., Иноземцев В. А. Когнитивная революция как фактор становления новой эпистемологической парадигмы и методологии исследования знания в современной науке // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 6. № 1. С. 90 — 99.

14. Ильинская С. Г., Угрин И. М. Диалогизм российской цивилизации против монологизма Запада // Вопросы социальной теории. 2022. Т. 14. С. 248 — 269.

15. Козырев А. П. От ценности к поступку. От декларации к практике // ОТТИСК. 2026. № 1. С. 151 — 165.

16. Кондорсе Ж. А. Н. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 2011.

17. Конт О. Курс позитивной философии. М., 2023.

18. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

19. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.

20. Левит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории. СПб., 2001.

21. Летняков Д. Э. Российская цивилизация как идеологический конструкт и предмет академического исследования // Контуры цивилизационного будущего России. М., 2024. С. 180 — 208.

22. Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19. М., 1961. С. 400 — 421.

23. Мацан К. М. Космос внутри: духовные ценности в истории русской культуры сквозь призму русской философии // ОТТИСК. 2026. № 1. С. 47 — 61.

24. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2019.

25. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

26. Пржиленский В. И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 68 — 80.

27. Святейший Патриарх Кирилл: Трансгуманизм нацеливает общество на создание суррогата человека, способного подменить собой человека подлинного [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. 25.10.2022. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5971247.html (дата обращения: 27.07.2026).

28. Сен-Симон К. А. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 1. М. — Л., 1948.

29. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009.

30. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Т. 2. К критике функционалистского разума. М., 2022.

31. Эйзенштадт Ш. Множественные модерны // Полис. Политические исследования. 2002. № 5. С. 16 — 31.

Идол будущего: к критике футурологического разума

E-mail: ashkerov@yandex.ru

Андрей Юрьевич Ашкеров

Доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Andrey Yu. Ashkerov, DSc in Philosophy, Professor at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

DOI: 10.67139/3033-8301.2026.2.2.003

Аннотация

Статья объединяет мотивы двух докладов, сделанных автором на международной конференции «Философия будущего: идеи и смыслы», проходившей в Москве 26—27 июня 2026 года. Начав с критики весьма скудной, но на удивление стабильно воспроизводимой футурологической риторики, автор рассматривает феномен прикрываемого ею управляемого дефицита знаний. В отечественной литературе много раз обсуждался и осуждался наукометрический бум, порождающий, наряду с прочим, все большую реферативность произведений гуманитарно-научного жанра. Давно исследующий проблему превращения гуманитаристики в наукообразный тест на лояльность к социальным технологиям и их интерфейсам, автор в данном случае приходит к выводу, что это только часть куда бóльшего кризиса. Суть его — в стоящем за управляемым дефицитом знаний милленаристском отношении к существующей инфраструктуре в целом, венчаемой, по словам автора, «фантомом искусственного интеллекта». Эта инфраструктура часто рассматривается как условие окончательного воцарения человека в мире («антропоцена»). В действительности она культивирует те уязвимые стороны человеческой идентичности, которые позволяют превратить в определение человека именно то, что он вынужден разделять с некими нечеловеческими контрагентами, — в самом первом приближении, со все более очеловечиваемыми «орудиями». Невозможность опознания управляемого дефицита знаний не является недостатком только ассоциируемого с Западом пользовательского сознания,

поддерживаемого проектом «долгого XIX века», в реализации которого стремится играть особую роль и российское общество. Опознание неожиданного консенсуса России и Запада на фоне хорошо известного геополитического противостояния, в рамках подхода автора открывает новые и неочевидные возможности «топологии» будущего, рождающейся из исследований самых странных сближений политики и экономики.

Ключевые слова

Будущее, авангард, футурологический разум, искусственный интеллект, антропоцен, долгий XIX век, современность, Россия, Запад, политика, экономика, сингулярность, контингентность, топология времени, богосоразмерное производство, демиурги, пророки, инставрация, реставрация, проект, необходимое, возможное, космос, виртуальность, фантастика, фантастическая литература, цифровизация, цифровой двойник, мертвые, человеческий фактор, нечеловеческие акторы, рефлексия, объекты, субъекты, метасубъекты, душа.

Abstract

This article draws on two papers presented by the author at the international conference "Philosophy of the Future: Ideas and Meanings," held in Moscow on June 26-27, 2026. Beginning with a critique of the rather meager, yet surprisingly consistently reproducible, futurological rhetoric, the author examines the phenomenon of the managed knowledge deficit it conceals. The scientometric boom, which, among other things, is generating an increasingly abstract approach to works in the humanities, has been widely discussed and condemned in Russian literature. Having long studied the problem of the humanities becoming a pseudo-scientific test of loyalty to social technologies and their interfaces, the author concludes in this case that this is only part of a much larger crisis. Its essence lies in the millenarian attitude toward the existing infrastructure as a whole, which lies behind this managed knowledge deficit, crowned, in the author's words, by the "phantom of artificial intelligence." This infrastructure is often viewed as a prerequisite for the ultimate ascension of humanity to the world (the "Anthropocene"). In reality, it cultivates those vulnerabilities of human identity that allow the very definition of humanity to be transformed from what we are forced to share with certain non-human counterparts—at a very first approximation, with increasingly humanized "tools." The inability to recognize a controlled knowledge deficit is not a flaw solely associated with the Western user consciousness. It is supported by the "long 19th century" project, in whose realization Russian society also strives to play a special role. Recognizing the unexpected consensus between Russia and the West against the backdrop of a well-known geopolitical standoff, within the author's approach, opens up new and unobvious possibilities for a "topology" of the future, born from the study of the strangest convergences of politics and economics.

Андрей Ашкеров

Keywords

Future, avant-garde, futurological mind, artificial intelligence, anthropocene, long 19th century, modernity, Russia, West, politics, economics, singularity, contingency, topology of time, God-proportioned production, demiurges, prophets, installation, restoration, project, necessary, possible, space, virtuality, science fiction, science fiction literature, digitalization, digital double, dead, human factor, non-human actors, reflection, objects, subjects, metasubjects, soul.

31

Футурологическое мышление не является отдельным видом рефлексии, который представители креативных профессий унаследовали у пророков. Связь с будущим поддерживает любая рефлексия — уже по факту того, что любая рефлексия представляет собой процесс. Это нисколько не противоречит тому, что будущее в виде морального идеала или отвлеченного понятия, целевой установки или «непреложного» набора атрибутов современности выступает элементом жесткой сегрегации. Чем абстрактнее понимание будущего, чем сильнее оно включается в системы постановки цели и извлечения смысла, тем более неукоснительно реализуется принцип: «В будущее возьмут не всех».

Безоговорочное отождествление себя с вот-вот наступающим будущим — не просто культурный стереотип, но умонастроение, питающее собой всю массовую культуру. Однако проблема будущего существует совсем не только в ценностном измерении. В первую очередь, она реализуется на уровне объектов, превращая их из случайного набора в коалицию с чертами метасубъекта, способного бросить вызов метасубъектам из философских доктрин прошлого, — начиная от «Мирового духа» и заканчивая «духом эпохи». Сегодня в роли такого метасубъекта выступает искусственный интеллект (ИИ), повсеместно и на самом разном уровне отождествляемый с будущим, которое «не может не наступить».

На этом фоне особенно важно напомнить, что будущее располагается в зазоре между контролем за необходимостью, на которую стремится распространить свою юрисдикцию экономика, и сортировкой возможностей, которую полностью хотела бы захватить политика. Столкновение контроля за необходимостью с управлением возможностями задает тот конфликт, без анализа которого любое рассмотрение будущего превращается в декларативное и бедное содержаниями противопоставление хорошего лучшему.

Будущее как отмена необходимости

В разговорах о будущем поражает монотонность оптимизма, приправленного деловым тоном и набором объективистских иллюзий. Будущее — вообще псевдоним для всей риторики сразу, с которой приходит, а фактически — без всяких компьютерных метафор — «подгружается» очередная версия объективизма, требующая радикальной утилизации предыдущей версии.

Перестройка все еще находилась в плену объективизма неотвратимых исторических законов, поэтому ее родители и радетели пользовались ветшавшим на глазах дискурсом «иного не дано»[1]. Культ иного[2], ставший символом веры обществоведов с начала 1990-х и чуть ли не до начала СВО, оборачивался на поверку убеждением в том, что иное должно быть иным в рамках вполне определенного типа политического воображаемого, с точки зрения которого было возможно все, кроме полного исключения института «авгуров демократии», способных наилучшим образом расшифровывать его содержание.

Постигший этих «авгуров» кризис связан с двумя довольно разными тенденциями. С одной стороны, это превращение медиа, объединенных с блогингом, в партию массового типа, не столько нуждающуюся в харизматиках, сколько функционирующую по принципу «Здесь каждый себе харизматик». С другой стороны, речь идет о бюрократизации правящих групп, объединяемых не только принципом служения, но и формированием из бюрократии «надпартийной» партии кадрового типа, держащейся на сильно персонализированных символах веры.

В первом случае будущее соответствует бесконечно разворачивающемуся свитку *новостной ленты*, во втором — столь же бесконечно разворачивающейся *хоругви*, оттеняющей собой мелочи бренной жизни. Как нетрудно догадаться, при всех несовпадениях этих образов будущего между ними есть и разительное сходство. Качество универсума, который исчерпывал собой то самое «всё», что сулило вышеупомянутое политическое воображаемое, определялось подбором дубликата того, что детерминировал собой рынок, действовавший в обширном пространстве, предполагавшем сложное единство абсолютизма и провиденциализма его «невидимой руки» с не менее провиденциальным и абсолютистским принципом laissez-faire, безоговорочно сводившим человеческую экзистенцию к предпринимательской активности.

Проще говоря, благодаря воображаемому, с которым так носились хозяйствующие субъекты политического дискурса и которое в их представлении было единственной емкостью, приходившейся впору для будущего, политика определялась способностью переводить в модальность возможного то, чем экономика стремилась распоряжаться как необходимым. Будущее, выражавшее альтернативу, мало чем отличалось от безальтернативного будущего, коль скоро альтернатива не просто характеризовалась безальтернативностью, но даже в отсутствие подобного акцента всего лишь делала возможным то, что экономика производила или, по крайней мере, подчиняла себе как необходимое.

Проблема усугублялась (и продолжает усугубляться) под влиянием того обстоятельства, что в результате многолетних дебатов о «базисе» и «надстройке» границы между ними размылись не меньше, а даже больше, чем границы между объектом и субъектом (оппозицию между которыми «базис» и «надстройка» воспроизводили в области обществознания). По сути, в обоих случаях речь идет не просто о размывании границ, а о формировании мало соразмерных

[1] Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Перестройка, гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1988.

[2] Иное. Энциклопедия нового российского самосознания. В 4 тт. М.: Аргус. 1995.

друг другу и даже мало связанных друг с другом гибридов. Вопреки логике в ипостаси метафизики модальностей эти гибриды также являются гибридами «возможного» с «необходимым».

Рассмотренное с такой точки зрения, будущее всегда являлось территориальной и юридической проблемой: оно связано с разнообразными проявлениями единства «возможного» и «необходимого», возникающего в противовес их демаркации по любым границам, разделяющим политику и экономику. Одновременно с этим будущее следует соотносить с приостановленной или совсем отмененной необходимостью, а саму возможность — с действием и даже *институтом* такой отмены (осуществляемой в том числе через удвоение детерминаций посредством вышеописанных дублей). Подобное понимание будущего является своеобразным послесловием к намеченным у Ж.-П. Сартра[3] и подхваченным Ж. Деррида[4] рассуждениям об «отсрочке», пространность которых является данью исследования тех труднодоступных и по-настоящему заповедных пространств, которые заявляют о себе в основном под видом феноменов *времени*.

33

Приостановка необходимости как тема фантастической литературы

Приостановка необходимости не означает автоматического перехода в свободное состояние. В этом смысле нет оснований отождествлять будущее и свободу только на основе того, что в будущем якобы суммируется больше эффектов приостановки необходимости.

Во-первых, под вопросом находится сама возможность подобного суммирования: одни способы приостанавливать необходимость могут совершенно исключать другие.

Во-вторых, эффекты приостановки необходимости могут являться предпосылкой автономии, но не свободы, которая принимает предпосылки, только отрицая предпосылки.

В-третьих, приостановка необходимости выстраивается в линейную последовательность («сумму») только под знаком научно-технического прогресса, который предлагает себя не только в качестве лейтмотива истории, но в качестве смысла и цели человеческой жизни. Это значит, что свобода, принятая от техники, будет свободой неограниченной интеграции человека с инструментами и приспособлениями.

И все же приостановкой необходимости нельзя пренебречь. Приостановка необходимости определяет специфику фантастической литературы, а фантастическая литература, в свою очередь, выступает жанром, посредством которого воображаемое в повествовании приобретает субъектность.

В литературе это выражается в возможности того, что герои повествования обладают характером, в общественной жизни — в таком соединении смысла и действия, без которого невозможна сама фигура актора или агента. Здесь нет оговорки: роль фантастиче-

[3] Сартр Ж.-П. Дороги свободы. II. Отсрочка. Харьков, 1997.

[4] Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996.

ской литературы в превращении религиозной доктрины свободы воли в систему пресуппозиций социального действия не меньше, чем роль классической и любой другой социологии, которая сама, впрочем, в значительной степени является родом фантастической литературы.

Основной темой приостановки необходимости в фантастической литературе является *полет*. Тема полета развивает важный для Платона мотив отрыва души от тела[5], увесистого кожаного мешка[6], который сопровождал ее на протяжении земной жизни. Через Платона тема полета соотносится с обширной традицией описаний посмертных странствий души, известных, в первую очередь, по «книгам мертвых» («Египетская книга мертвых», «Тибетская книга мертвых» и т.д.). Сначала полеты на Луну (Э. Распэ[7], Ж. Верн[8]), затем — на Марс (А. Толстой[9]), потом — за пределы Солнечной системы и всей галактики Млечного пути — к другим обитаемым мирам (И. Ефремов[10] и многие другие).

Отождествленная с отрывом от Земли приостановка необходимости соотносится не только с прорывом к будущему, но с такой переменой участи, которая способна бесповоротно ограничить влияние самой этой участи, то есть сил судьбы, выражающих, как минимум, начиная с раннегреческих культур влияние условий и обстоятельств земной жизни. Примечательно, что при этом в большинстве случаев на задний план оттесняется угроза столкновения с системой более изощренных, весомых и угрожающих человеку детерминаций.

Будущее в качестве главного героя фантастической литературы приобретает черты путешествия в один конец, которое в других случаях однозначно рассматривалось бы как канва трагического сюжета. Однако то, что в других случаях превратило бы повествование в трагедию, в фантастической литературе оборачивается историей успеха. Базовый футурологический код жанра фантастики выражается простой фразой: «Лишь бы не снова на Землю». Тот же код реализовывался в подходах К.Э. Циолковского[11] и его последователей, чьи планы ракетных полетов в космосе были лишь прелюдией к тезису о перспективе переселения человечества: Землю, исчерпавшую ресурсы, рано или поздно придется покинуть — в поисках планеты, более пригодной для жизни.

Не изменяет вышеупомянутый код даже противопоставление межгалактического послепослезавтра Андромеды Ивана Ефремова затянувшемуся Средневековью братьев Стругацких «мира Полудня» из «Трудно быть богом». Арканарское королевство, Эсторская империя и другие политические образования, вопло-

[5] Платон. Федр // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 155.

[6] Платон. Пир // Там же. С. 99.

[7] Бюргер Г. А., Распе Р. Э. Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения Барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей. М., 1985. С. 115 – 120.

[8] Верн Ж. С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут // Верн Ж. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М., 1993.

[9] Толстой А. Н. Аэлита. М., 2023.

[10] Ефремов И. А. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1986 – 1989.

[11] Циолковский К. Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами. Калуга, 1926.

щенные «миром Полудня», просто символизируют собой, чем может обернуться невозможность ограничивать необходимость — ту самую необходимость, управляемая отмена которой давно и прочно отождествлялась с механизмом истории.

Заставший череду триумфов космической эры Мартин Хайдеггер был, с большой вероятностью, первым, кто заметил пагубность подобной установки для земного миропорядка. Однако именно «глобалистское почвенничество» помешало Хайдеггеру понять, что земной миропорядок не может обойтись без подобной пагубности. Она не просто реализуется в нем, но является тем, что составляет его условие и возможность.

Все это, в свою очередь, связано с идеей будущего, которую, параллельно со своим главным оппонентом Ж.-П. Сартром, немецкий философ развивал в духе радикализации идей Модерна. В соответствии с ними, будущее — это изменения, масштаб которых задается только одним: ничто не подлежит узнаванию. В особенности же не должен узнавать себя сам человек. Человек настоящего — ничто с точки зрения будущего. Но если он ничто с точки зрения будущего, он ничто и с любой точки зрения[12].

Адепты Модерна, как всегда, не находят возможности оценить свой вклад в отождествлении времени с рутиной. Стремясь вынести рутину за скобки любых изменений, адепты Модерна делают в итоге вторые продолжением первой. Если, согласно пословице, прошлое — это чужая страна, то будущее — уже чужая страна по отношению к чужой стране. Однако ничто так не похоже друг на друга, как две чужие страны. Критерии неузнавания сами неотличимы от критериев узнавания. Будущее, как и космос, всегда находится под рукой.

Виртуальность против космоса

Ощущения сподручности космоса окончательно соединились с ощущениями его монотонности (монотонность длительных полетов, монотонность несоразмерных человеку условий жизни и даже монотонность вожделенных обитаемых миров). В результате на смену космической доминанте прогресса пришла доминанта виртуальной реальности.

На рубеже тысячелетий космос уступил виртуальности в возможности объективировать воображаемое. Это незамедлительно сказалось на будущем. Сподручность «оцифрованных» объектов, на первый взгляд, вторила сподручности космоса. Однако как бы ни отвергали это поклонники аналогового реализма, бескрайность космических просторов уступила место неисчерпаемости интернет-серфинга, компьютерных игр и цифровых двойников.

Новая трансцендентность «цифры» также была плоской. При этом она не нуждалась даже в символизируемой космосом иллюзии многомерного пространства. С этого момента от цифровых технологий ждут последнего слова в ответе на вопрос: «Что есть истина?» Дети последовательно отлучаются от компьютеров, гаджетов, а теперь и от социальных сетей именно потому, что именно

[12] См.: Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 41 – 63.

на уровне детей видно, насколько «компьютеризация» становится определением человека. Попутно не просто отменяются другие определения. Отменяются сами способы создания этих определений вне компьютерных систем и их более опережающего человеческую коммуникацию диалога друг с другом.

Закономерным итогом непомерных ожиданий истины от очередного технологического рывка оказывается фантом искусственного интеллекта. Искусственный интеллект предстает в роли технологической инсталляции Кантовского идеализированного разума, способного вершить суд над всем и вся, не дожидаясь второго пришествия.

Монотонность космоса была обратной стороной той отсрочки необходимого, которую он воплощал ценой отождествления полета с ползанием насекомого по разнообразным орбитам, в изобилии порождаемым орбитальной станцией под названием «Солнечная система». Монотонность «цифры» стала монотонностью процедур бухгалтерского в своей основе удвоения, с точки зрения которого, не порождая цифровой след, ты более не существуешь.

Однако над этим удвоением витает ореол свершившегося прорыва, знакомства с невиданным, приобщения к небывалому. Что во всем этом действительно составляет нечто вроде «прорыва», так это превращение в «дело техники» той взаимосвязи существования человека с его самоопределением, с которой издревле была связана проблема идентичности и на которую, как на безраздельную вотчину, посягала на протяжении своей истории философия.

То, с какой легкостью человеческое сообщество, несмотря на все раздирающие его противоречия, решилось превратить достижения науки и культуры в тренажер для самообучения искусственного интеллекта, свидетельствует о проблематичности родового определения человека как существа «знающего» и/или «разумного».

Возможность делегировать то, что составляет или может составлять твое определение одному нечеловеческому агенту, свидетельствует о возможном изначальном распределении этого достояния с другими нечеловеческими агентами. Это не только ставит под сомнение статус современного человека как sapiens sapiens, но и подвергает вышеназванный статус риску отчуждения постфактум.

В результате на новом витке истории человечество может оказаться в роли многотысячелетнего узурпатора родовой идентичности, которая будет рассматриваться как недостижимая, но мнимо достигнутая перспектива для составляющих его множеств, коалиций и трайбов.

Хуже этого только то, что замалчиваемый отказ идентичности существа разумного знаменует собой не только потерю идентичности, но и утрату сколько-нибудь решающих познавательных амбиций. Это означает искусственный перевод в состояние нерешаемых и, по сути, трансцендентных вопросов тех проблем познания, которые выходят за пределы учености затянувшегося XIX века.

Как и в XIX веке, в своих эволюционных доктринах наука не может обойтись без заведомо противоречащей эволюционизму гипотезы катастрофы, внезапно и очень вовремя уничтожившей признанные тупиковыми направления эволюции (динозавры, неандертальцы и т.д.).

Как и в XIX веке, наука не может разобраться с проблемой эфира, в лучшем случае приравнивая его к вакууму.

Как и в XIX веке, наука готова скорее закопать обратно некоторые археологические находки и законсервировать целые археологические комплексы (такие, как Гёбекли-Тепе), если они хотя бы в малой степени усиливают проблематичность узаконенной картины истории.
Как и в XIX веке, наука не дает объяснения особому статусу планеты Юпитер (только недавно уподобленной современными астрономами протозвезде) в древних календарных системах, опирающихся на двенадцатеричные циклы, начиная с Древнего Вавилона и заканчивая Древним Китаем.
Как и в XIX веке, наука не находит решения проблемы поглощения одноклеточными образованиями многоклеточных и пасует перед определением митохондриальных структур, определивших не только новый тип клеток, но и новый критерий сложности для организмов.
Как и в XIX веке, наука придерживается дуального понимания сознания и тела, исключающего понимание полярности между ними не как препятствия, а как условия образования общих структур.
Как и в XIX веке, наука не видит странности в характеристиках Луны, ближайшего к Земле небесного тела, слишком идеально соответствующего эстетическим эталонам небесной механики.
Наконец, как и в XIX веке, наука исключает или почти исключает из рассмотрения вполне земные формы жизни, находящиеся как бы по ту сторону природы, разделенной на три царства: животных, грибов и растений.
Примеры можно множить. Однако важнее то, что все они заставляют смотреть на будущее из горизонта позапрошлого века, нарочно и почти нарочито делая этот горизонт единственно возможным.
Искусственный интеллект не просто превращает в свое наглядное весь массив человеческих знаний. Он фиксирует незыблемость границ противостоящего ему незнания. Уже это делает неизбежным альянс ИИ с «долгим XIX веком».

Концепция инставрации в рассуждениях о будущем

18 лет назад мне удалось наметить контуры концепции инставрации[13]. Среди прочего эта концепция противостояла представлениям о том, что условием наступления будущего выступает мертвое прошлое. Прошлое, которое ради будущего нужно обязательно приравнять к ничто. Очень скоро выяснилось: подобный взгляд присущ не только разнообразным авангардам, но и традиционалистскому реставрационизму. Именно реставрационизм стремится продублировать различные элементы прошлого по принципу «Сделать то же самое, только лучше».
По истечении 18 лет стало ясно, что реставрационизм не может обойтись без авангардов и использует их, с тем чтобы превратить прошлое в монументальный художественный палимпсест. На этом фоне еще ярче выглядит запрос будущего на живое прошлое, потребность в прошлом, которое продолжает претерпевать станов-

[13] Ашкеров А. Ю. По справедливости. Эссе о партийности бытия. М., 2008.

ление — причем такое становление, которое способно удержать альтернативы исторического развития в виде отодвинутых на задний план, планомерно затертых или невольно дискредитированных возможностей.

Событие воспринималось при этом не как счастливый дар грядущего, а как результат сцепления этих возможностей, пробегающая между ними «искра», которая принимает форму «коннекторной связи». Будущее, сама идея которого основана на отрицании прошлого, легче и сподручнее всего превращается в предмет идолопоклонства. Идолопоклонство перед будущим стало главной гражданской религией Нового времени, оставаясь таковой и по сей день. Искус этого идолопоклонства — в полном уравнивании мессианства с его отрицанием. Будущее возводится в ранг сразу закона и благодати. Оно приходит неотвратимо, но приходит именно как неотвратимость отмены в любом ее смысле. Новейшим изводом бесконечного второго пришествия будущего выступает технологическая, точнее, технологизированная сингулярность, воспетая, наряду с прочими, Реем Курцвейлом[14].

Техника с присущей ей иллюзией нейтральности как бы отменяет саму отмену. Современность, которая, перефразируя Сартра, некогда открыла в душе дыру размером с бога, постепенно обернулась привычностью апокалипсиса, все больше сводимого к изменению технических условий. Сумма этих условий приемлет перемену мест любых слагаемых, включая техническую допустимость запоздалого, по Квентину Мейясу, появлению бога-демиурга[15]. Суть мира, в который демиург включен на правах очередного технического условия, состоит в том, что творение из ничего не только онтологически, но в первую очередь юридически приравнивается к творению самого ничто. Ничто превращается в объект и способ всеобщей координации, нуждающейся в олицетворяемой нулем всеобщей системе координат.

Разросшийся цифровой след — это вовсе не случайный довесок ничто, а новейший способ его объективации. Все сводится к сумме данных, все данные могут обрасти биографиями, но в этой сумме нет ничего, что нельзя свести к погрешности, то есть чем нельзя пренебречь. Не столько количественное, сколько качественное влияние цифрового следа состоит в перенятии им на себя роли смысла как перспективы связи всего со всем. Старый спор мифографов с физиками и философами о том, боги ли, разум или природа выражают всеобщие связи, заканчивается поражением всех участвующих сторон.

Демиург под прикрытием

Увы, подобное решение вопроса о числе как универсальной единице всего сущего вряд ли порадовало бы Пифагора, ибо также сводится к делу техники, более не нуждаясь в философских обоснованиях. Исчислимость всего и вся, вернувшаяся уже не в виде

[14] Курцвейл Р. Революция разума: на подступах к Сингулярности. Как технологии изменят общество и сознание. Серия: Будущее: прогнозы и технологии. М., 2025.

[15] См.: Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург, 2015.

метафизики mathesis universalis, а в виде «дела», которое берет на себя техника, как раз и отображает ее в качестве новодельного демиурга.

Этот демиург является в форме искусственного интеллекта, простирающего свою юрисдикцию над миром, превратившимся в массивы данных. Цифровизация все делает новоделом и все делает соразмерным новодельному богу искусственного интеллекта.

Отсюда вывод: если раньше, начиная как минимум с Нового времени, время, по мысли Хайдеггера, временилось из будущего, то теперь будущее вообще заменяет вопрос времени вопросом юрисдикции. Это не только юрисдикция «данных» и стоящих за ними статистического разума. Это юрисдикция увенчанной ИИ обожествленной техники. На смену превратившемуся в архаику модерновому моделированию нового человека пришло моделирование сущего.

Отрываясь не только от эпох и контекстов, но и от вещей и обстоятельств, сущее меняется под знаком превращения в производное. На смену воспетому Марксом и утлому в своей человекосоразмерности производству непосредственной жизни[16,17] приходит богосоразмерное производство.

Именно в нем, в этом богосоразмерном производстве, а не в пресловутом «антропоцене» нужно видеть основной лейтмотив наступившей эпохи. Это богосоразмерное производство касается не только земной коры и земных недр, материков Земли и ее атмосферы, земного климата и всех присутствующих на Земле проявлений водной стихии. Оно подчиняет геоцентричной практике всю наблюдаемую вселенную, на уровне метафизики, казалось бы, еще во времена Коперника распрощавшуюся с геоцентризмом.

Однако между новой практикой геоцентризма и старой его метафизикой нет ничего общего. Прежний геоцентризм был придатком человекосоразмерного производства и подчинял ему задачи творения. Новый геоцентризм порывает с человекосоразмерностью не только в производстве, но и в самом человеке. Если человек хочет сохранить привилегии любимого детища творца, то в соответствии с логикой нового геоцентризма ему нужно предъявить готовность объединить прежний комплекс иудеохристианских верований с практиками контрагента ИИ, сиречь «продвинутого пользователя». Россия в лице репрезентантов своего сегодняшнего коллективного бессознательного явно стремится возглавить этот процесс в мировом масштабе. Это прямой ответ тем, кто усматривает противоречие между ставкой на ИИ-центричное развитие и опорой на традиционные ценности. Суть традиционных ценностей не сводится к семейным добродетелям. Они — в готовности к преображению сущего. Из задачи отложенного на потом апокалиптического будущего это преображение превратилось в задачу изначального творения, поменявшего технологические условия под творца, с опозданием раскрывшего свою технологическую ипостась.

«Естественным» конкурентом России в объединении традиционных ценностей с ИИ выступает не Китай, для которого традиционные ценности никак не тождественны комплексу иудеохристи-

[16] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955. С. 26 – 27.

[17] Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1959. С. 6 – 7.

анской религиозности, а США с Израилем, чей тандем явственно проявил себя с начала второй каденции Дональда Трампа. Правда, в самих Штатах явно существует противоречие между иудаизмом и христианством как доминантами ценностного сознания, причем это противоречие настолько острое, что уже фактически отсекло от Трампа сначала Илона Маска, а затем множество сторонников из движения MAGA[18].

Что касается непосредственно политической логики того, что я назвал «богосоразмерным производством», то она очень напоминает политическую логику древних греков, приписывавших Зевсу ключевую роль в космогониях завоеванных народов, и аналогичную логику древних римлян, присовокуплявших в рамках практики эвокации под начало Юпитера пантеоны завоеванных богов. Добавим к этому, что Зевс не только похищал возможности других богов, но присваивал любые способы выступать в роли начала мира, любые функции и ипостаси демиургов.

На соразмерном человеку уровне это означало, что Зевс являлся ему в образе всевозможных начальников. Играя словами: будущее соответствует любому началу, опоздавшему к началу. Началу, отложенному на потом. Если отождествлять его с неким подзадержавшимся божеством, то это не какой-то неизвестный вседержитель, а вседержитель, знакомый настолько, что, скорее всего, явившись в очередной раз, он предпочтет остаться неузнанным.

40

Против Делёза: реабилитация фигур

Возвращаясь к теме инставрации, стоит отметить, что 18 лет назад мир находился только в преддверии появления конвейера цифровой модификации сущего, однако то, что стало происходить потом на уровне технологий, задолго до того уже произошло на уровне семиотических концепций, а еще раньше — на уровне концепций политэкономии. Товару, как вслед за ним знаку, отводилась роль сначала образцовой, потом главной, а затем и единственной вещи. Мыслительные эксперименты политэкономии позволили состояться мыслительным экспериментам семиотики. Последние, в свою очередь, позволили состояться в уме тому, что теперь происходит помимо ума.

При этом, к чести приверженцев семиотики, они уравновешивали свои подходы ставкой на исследование символических структур («систем», «форм»). В классическом структурализме практика опосредовалась этими структурами, в постструктурализме — опосредовала их. В любом случае возникал эффект взаимной принадлежности. Чем сильнее был этот эффект, тем свободнее оказывались его проявления. Эта свобода венчалась и узаконивалась произвольным статусом лингвистического знака.

Не будет преувеличением сказать, что именно произвольность лингвистического знака задавала поле взаимного сопряжения между устойчивыми символическими образованиями, представленными в древних календарях, в ритуалах и мантике, с одной стороны, и коннекторных связях, выражающих активность человеческого

[18] См. статью Б. В. Межуева «Темное просвещение как стратегия цивилизационного реванша» в этом номере журнала. — *Прим. ред.*

мозга, — с другой. То же поле сохранялось как на уровне устройства сетевых феноменов, так и на уровне описания их единства со все теми же коннекторными связями в работах главных оппонентов семиотиков — представителей акторно-сетевой теории.
Проще говоря, единство символических образований, подобных гексаграммам или иконам, мандалам или сигилам, было фоновым спутником познания в аспекте исследования его рефлексивной самонастройки на базе коннекторных связей. Конец этому молчаливому единству положил тезис Делёза и Гваттари об однозначном примате «концептов» над «фигурами»[19], строго симметричном примату Запада над не-Западом, имманентного над трансцендентным, детерриториализации над чувством Родины и силами Земли.
Независимо от того, попадало ли исследование вышеупомянутых символических образований в фокус конкретной гуманитарно-научной дисциплины, оно обеспечивало жанровую самобытность гуманитарных наук. К тому же, как уже было сказано, любые примеры мобилизации символического неизменно соотносились с практикой, которая тем самым получала не только дополнительную перспективу исследования, но и специальную возможность реорганизации в соответствии с драматургией перемены участи.
Поворот, олицетворяемый искусственным интеллектом, означает передачу на откуп «цифровым» технологиям как практических схем, организующих человеческую деятельность, так и их символических составляющих. Попутно под юрисдикцию ИИ подпадают, во-первых, непосредственно коннекторные связи мозговой активности, во-вторых, все, что их объединяет и/или может объединять с символами/практиками, посредством которых обозначается присутствие человека в мире.
Все это выступает неутешительным, но закономерным итогом завершения начавшейся с Адама и Евы длительной эпохи моделирования нового человека, уступившей или уступающей место эпохе моделирования любого сущего. Есть ли какая-то альтернатива этому будущему?
Готовой альтернативы нет, но есть инставрация, которая позволяет не только брать из прошлого некогда отвергнутые элементы, приспосабливаемые к новому будущему, но и разные способы сборки последнего. Взятые из прошлого отдельные элементы отчасти носят серийный характер и потому позволяют решить терапевтическую задачу повторения «хорошо забытого старого». Подобная терапия давно уже находится под юрисдикцией системы моды.

Сборка будущего: три системы

Что касается самих систем сборки будущего, то я могу выделить три.
В рамках **первой системы** сборки будущего оно предстает как остров посреди чужой, оставленной в запустении или даже никчемной земли. Это будущее отсылает к идее проекта. Проект означает «брошенное вперед», и он всегда ретроактивен. Достигая однажды поставленных целей, вы бежите вдогонку за ситуацией, когда они были поставлены, а она уже изменилась.

[19] См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009.

Это пример будущего, за которое вы принимаете невозможность понять, насколько и почему вы отстаете, то есть выпадаете из общего ритма. Однако если рассматривать это выпадение как особый ритмический рисунок вашей активности, можно, подобно медлительной Черепахе из парадоксов элеатов, прийти к цели намного раньше быстроногого Ахиллеса.

Островное будущее лежит в основе любого утопизма.

Не стоит недооценивать практическое значение утопий. Утопии бывают весьма практическими. К примеру, в каждом буржуа живет Робинзон Крузо, вопреки всему преуспевающий на необитаемом острове.

Транснациональные компании — еще один пример объективации будущего по модели острова. Особенно удачным был их прототип, Ост-Индская компания, выступавшая не только наиболее трансгрессивной составляющей Великобритании, но непосредственной предшественницей островных государств-«тигров» Юго-Восточной Азии.

Ретроактивность проектного подхода выражает его связь с феноменом *Атлантиды* и эпохой торжества ее создателя — *Посейдона*. До того, как не только прерогативы, но даже изображения того, кто впоследствии был разжалован во владыку третьей части мира, оказались переданы Зевсу, он выступал в роли верховного бога. В этом качестве он покровительствовал всадникам и колесничим, которые олицетворяли управление скоростью. Благодаря управлению скоростью Посейдон и его паства умели превращать пространство во время.

Вторая система сборки будущего связана с самовозрастанием стоимости. Эта модель изначально связана с преодолением связи идеи судьбы (обозначаемой словом «мойра») с необходимостью окупать трудом предоставляемый внаем участок земли (также именуемый словом «мойра»).

Самым худшим для представителя древнего общества была не тяжелая доля (мойра), а полное ее отсутствие (это передает русское слово «обездоленность»). Обладание будущим означало гарантию от обездоленности. Эту гарантию не давали ни бог Кайрос, ни богиня Тихе, сдабривающие человеческую жизнь счастливыми случаями.

Такой гарантией оказывалось самовозрастание стоимости, избавлявшее не только от обездоленности, но и от труда. Однако фигуры, представлявшие волшебный (или не очень) шанс на самовозрастание стоимости, очень быстро сблизились с прежними богинями судьбы, мойрами, переняв их коварство и недобрый нрав. Сложные отношения с женскими фигурами, воплощающими самовозрастание стоимости, связывают многих героев русской культуры (Германна из «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, Раскольникова из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского и других), делая их в итоге «лишними людьми».

Третья система (способ) сборки будущего воплощается в возможности разделять целеполагание с орудием.

Каким бы вспомогательным ни был характер того или иного инструмента, обращение к нему предполагает относительно широкий горизонт целей, которые возникают только в альянсе с орудием. Иными словами, превращение предмета в средство означает как подчинение его цели, так и трансформацию этого средства в превращенную форму целеполагания. Делегирование роли цели орудию, таким образом, включает множество аспектов.

Во-первых, целеполагание неосуществимо без орудийности.
Во-вторых, орудийность диверсифицирует цели, утверждая неоднозначность, вариативность и полярность целеполагания в рамках любой отдельной цели.
В-третьих, орудийность утверждает иерархию целей, внутри которой самая «высокая» из них может быть самой неочевидной, то есть самой скрытой в тождестве орудия с его функцией.
В-четвертых, связь человека с орудийностью означает его связь с необходимостью, которую он не может подчинить, не подчиняясь ей сам.
В-пятых, из перспективы относиться к орудию как средству возникает возможность относиться к человеку как цели, что вдохновляет множество философов в пространстве от Канта до Маркса. Обратной стороной этого выступает все более безусловное овеществление людей в пробросе «по категориям» (которое и делает людей людьми «как таковыми»).
В-шестых, любая философия освобождения есть, в первую очередь, практика превращения человека в материальную силу, которое сегодня выражает популярное слово «сеть».
В-седьмых, трансгуманизм всегда приходит перед очередным гуманизмом. С времен позднего Просвещения XVIII века овеществляемые люди овеществляются в форме героического спасения от овеществления, причем с самыми непредсказуемыми последствиями как для человека, так и для вещи. Эти последствия выражаются в серийности таких, казалось бы, разных социальных явлений, как «рабочий» и «робот», «второй пол» и «конвейер», «идентичность» и «искусственный интеллект».
В-восьмых, единство функций и возможностей, средств и целей соответствует эволюции как эстафете программного обеспечения, которая позволяет распознать в картине будущего систему субординации «высших миров», передающих по цепочке устаревающее в процессе передачи программное обеспечение.
Раскрыть подобное понимание истории помогает синтез гностицизма с киберпанком.

Вместо заключения

Российское общество не столько выбирает между альтернативными системами сборки будущего, сколько подводит их к преодолению присущих им же пределов.
Обратившись к модели «долгого XIX века», это общество бдительно исследует конвертацию счастья и денег. Попутно оно легко переходит от единства киберпанка с гностицизмом к единству традиционных ценностей с искусственным интеллектом. При этом нет сомнений, что уже вчера российское общество могло начать испытывать на себе какое-то еще более сложное единство...

Список литературы

1. Ашкеров А. Ю. Високосный век. Социальная эпистемология мирового кризиса. СПб., 2024.

2. Ашкеров А. Ю. Слава мира. Введение в историческую гидравлику. СПб., 2025.

3. Ашкеров А. Ю. Экспертократия. Управление знаниями. М., 2009.

4. Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2013.

5. Варуфакис Я. Технофеодализм. М., 2025.

6. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. 8. М. — Л., 1935.

7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург — М., 2010.

8. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.

9. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М., 2012.

10. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.

11. Касториадис К. Воображаемое установление общества. М., 2003.

12. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М., 1998.

13. Курцвейл Рэй. Революция разума: на подступах к Сингулярности. Как технологии изменят общество и сознание. М., 2025.

14. Лавлок Д. Новацен: грядущая эпоха сверхразума. СПб., 2022.

15. Латур Л. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2020.

16. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

17. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: «Что такое постмодерн?» Ad Marginem'93. М., 1994. С. 307 — 323.

18. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. Вып. 1. М., 1991.

19. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1959. С. 5 — 9.

20. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург, 2015.

21. Мортон Т. Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом. М., 2022.

22. Рикёр П. Время и рассказ: в 2 т. М., 1998 — 2000.

23. Серр М. Договор с природой. СПб., 2022.

24. Серс Ф. Тоталитаризм и авангард. В преддверии запредельного. М., 2004.

25. Спивак Г. Могут ли угнетенные говорить? М., 2022.

26. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 т. М., 2002.

27. Хабермас Ю. Учиться на опыте катастроф. Диагностический взгляд на краткий XX век // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.

28. Химанен П. Хакерская этика и дух информационализма. М., 2019.

29. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. — СПб., 1997.

30. Чакрабарти Д. Об антропоцене. М., 2020.

31. Юк Хуэй. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике. М., 2023.

Давно назревший методологический поворот: от образа будущего к концепции, от концепции — к процессу

ORCID: 0000-0002-7314-342X
E-mail: segal.ap@philos.msu.ru

Александр Петрович Сегал

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

PhD in Philosophy, Senior Researcher, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

DOI: 10.67139/3033-8301.2026.2.2.004

Аннотация

В статье критически анализируется концепт «образа будущего» с точки зрения традиций отечественных школ психологии и социальной философии, сложившихся к середине прошлого века. Автор стремится доказать, что образ, а тем более «образ будущего», как методологический инструмент необходим, но явно недостаточен для прогнозирования и социального конструирования. Образ может быть стартовой позицией проектирования, но не может стать целью по причине своей нерасчлененности, синкретичности. Образ возникает на определенном этапе филогенеза высших животных и онтогенеза индивида. Поле образов представляет собой отражение предметного поля, в рамках которого индивид осуществляет свою деятельность. Действия в поле образов служат основой ориентировки в среде уже имеющихся объектов, но для планирования процесса создания новых объектов требуется концептуализация. В отношении будущего, то есть еще не наступившего состояния общества, необходимо оперировать категорией цели, которая, в свою очередь, предполагает конструирование — как нового объекта, так и инструментов и процесса реализации цели. Поэтому, описывая и конструируя будущее, чрезвычайно важно исходить из его процессуальности.

Ключевые слова

Образ будущего, потребное будущее, труд, цель, конструирование, умственный план.

Abstract

The article critically examines the concept of the "image of the future" from the perspective of the traditions of Russian schools of psychology and social philosophy that had become established by the mid-20th century. The author seeks to demonstrate that the image, and even more so the "image of the future," as a methodological tool is necessary but clearly insufficient for forecasting and social construction. An image may serve as a starting point for design but cannot become its goal, owing to its undifferentiated, syncretic character. The image arises at a certain stage of phylogenesis in higher animals and of ontogenesis in the individual. The field of images represents a reflection of the object field within which the individual carries out their activity. Actions within the field of images provide the basis for orientation in the environment of already existing objects; however, planning the creation of new objects requires conceptualisation. With regard to the future — that is, the as-yet-unrealised state of society — it is necessary to operate with the category of goal, which itself presupposes the construction of both the new object and the instruments and processes for its realisation. Therefore, when describing and constructing the future, it is of paramount importance to proceed from its processual nature.

Keywords

Image of the future, required future, labour, goal, construction, mental plan.

Вместо введения

Интерес человека к будущему вечен и негасим, словно Гераклитов огонь: он лишь иногда слегка затухает — чтобы со временем вновь возгореться... И это время снова наступило: мы проживаем очередной всплеск обостренного интереса к будущему.

Собственно говоря, этот интерес никогда и не исчезал. Поэтому всегда есть большой соблазн начать, что называется, ab ovo, рассказать о том, как в разные эпохи воспринималось и понималось будущее. И поверьте, это был бы весьма захватывающий рассказ! Остается надеяться, что нам удастся это сделать в следующих статьях, но пока мы постараемся не выходить за рамки заявленной темы.

Александр Сегал

49

Не так давно многим коллегам довелось участвовать в Международной научно-практической конференции «Философия будущего: идеи и смыслы», проходившей в МГУ и собравшей философов ведущих университетов и исследовательских центров[1]. Как отмечали многие докладчики, интерес к будущему усиливается тогда, когда тенденции настоящего кажутся либо понятными (светлое будущее наступает/отдаляется), либо, напротив, пугающими (все плохо, и мы умрем). К сожалению, сегодня преобладает вторая ситуация...
В какой же форме предстает будущее в современных публичном и академическом дискурсах? В первую очередь в форме **образа будущего**. О нем ныне не говорит только ленивый, разговор этот идет давно, но результативным его назвать трудно. «Уже как минимум пару десятилетий в экспертном, медийном и политическом российском сообществе настойчиво звучат призывы создать новый современный образ будущего нашей страны, — писал в 2023 году А. Б. Ананченко и сетовал: — ...все предложения и суждения почему-то не становятся этим самым образом будущего»[2]. А действительно, почему? Как нам кажется, в немалой степени это связано с разночтениями в самих подходах к термину «образ будущего» и со слишком оптимистичными надеждами эти подходы согласовать.
Случай, надо сказать, не уникальный. Достаточно вспомнить еще один термин, рожденный в американском городке Гановере (Хановере), в колледже Дартмут, летом 1956 года и отмечающий в этом году 70-летний юбилей. Речь, как легко догадаться, идет о так называемом искусственном интеллекте. Тогда все тоже казалось понятным: вот интеллект человека, так сказать, естественный, а вот «такой же, но с перламутровыми пуговицами», искусственный. Разобраться с ним — проще некуда. Организаторы семинара Дж. Маккарти, М. Мински, К. Шеннон и Н. Рочестер были уверены, что смогут понять, «как заставить машины использовать язык, формировать абстракции и концепции, решать проблемы, которые сейчас доступны только человеку, и самосовершенствоваться»[3], и что «можно добиться значительного прогресса... если тщательно отобранная группа ученых будет работать над ней вместе в течение лета»[4]. Но нет! Восьмой десяток лет бьются, но так и не договорились о главном: интеллект это или что-то другое?
С образом будущего вроде должно было быть попроще, но это только на первый взгляд. Заранее извинимся перед читателями и «Антиплагиатом» за пространную цитату, но все же попытаемся проанализировать дефиницию, данную уже упоминавшимся автором: «Образ будущего — это многоуровневая и разносубъектная система представлений и образов в обществе о направлении развития, его содержании, миссии и главных ценностях

[1] Международная научно-практическая конференция «Философия будущего: идеи и смыслы». Москва, 26 — 27 июня 2026 г. URL: https://philosophy.eisr.ru/ (дата обращения: 29.07.2026).

[2] Ананченко А.Б. Образ будущего как конкретно-историческая, теоретическая и политико-прикладная проблема // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 152. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-150-165

[3] McCarthy J.; Minsky, M.L.; Rochester, N.; Shannon, C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence: August 31, 1955 // AI Mag. 2006. 4 (Winter 2006): Vol. 27. Pp. 12 — 14.

[4] Ibidem.

(целях развития) конкретно-исторического общества, его векторе развития. Образ будущего существует как стратегическая *цель* (здесь и далее курсив наш. — *А.С.*) развития общества и как *набор настроений* социальных групп, отражающих набор потребностей настоящего... Можно утверждать, что образ будущего существует как конкретно-историческая, теоретическая и политико-прикладная *проблема* понимания и анализа исторических событий и процессов, социальных технологий управления и моделирования будущего»[5]. Сразу возникает много вопросов: так образ — это цель или настроения? Или проблема? Или все вместе — а значит, ничего? Смотрим дальше — и находим еще одну концептуальную нестыковку. Автор пишет: «Образ будущего — набор настроений, желаний и потребностей, еще раз подчеркну, это *не стратегия* развития общества (здесь и далее курсив наш. — *А.С.*), а только господствующие сегодня конкретно-исторические *настроения обыденного сознания*. *Стратегический же образ будущего* должен ориентироваться не на настроения, а на исторические национальные цели, ценности и интересы, а также на определенное понимание исторического процесса, его концепцию или теорию»[6]. Если попытаться реконструировать конфигурацию приведенных определений образа будущего, то получается довольно странная картина: есть множество «образ»; есть его подмножество «образ будущего», которое, с одной стороны, по определению, «не стратегия», а с другой — содержит в себе подмножество «стратегический *образ* будущего». Подчеркнем: мы выбрали этот текст, поскольку он отражает *типичный подход* к исследованию.

Попробуем разобраться в сложившейся антиномии простейшим логическим способом — от общего к частному, — то есть начнем с дефиниции родового имени. Иными словами, уберем слово «будущего», выполняющее функцию предиката и сужающее объем — и получим просто «образ».

Что такое образ?

Образ — субъективное отражение той реальности, которую мы наблюдаем. Это, пожалуй, самое короткое и общее определение. Возьмем его в качестве стартовой точки и попытаемся конкретизировать.

Екатерина Егорова, доктор политологии и одна из самых интересных практиков-коммуникативистов, в книге, написанной в соавторстве с Константином Плешаковым, приводит следующее социально-психологическое толкование понятия образа: «Под образом в социальной психологии понимается субъективная картина мира или его фрагментов, что предполагает интерпретацию лавинообразного потока информации, получаемой органами чувств, на основе уже сложившейся у человека категориальной системы. Подобного рода категории представляют *интериоризованный общественный опыт, закрепленный в языке*. Как правило, этот

[5] Ананченко А. Б. Указ. соч. С. 153.

[6] Там же. С. 159 – 160.

процесс бессознателен по своей природе и происходит автоматически»[7].

Авторы выделяют три составляющих образа:

1. *Образ-знание* — отражение субъектом существующей реальности.

2. *Образ-значение*, соотносящий объект с нашей ценностно-смысловой системой.

3. *Образ потребного будущего* — прогноз желательных событий[8].

Для целей нашего исследования наиболее интересна последняя из трех составляющих образа, коль скоро мы рассуждаем о будущем.

Заметим, что книга «Политическая реклама», которую мы здесь цитируем, была очень своевременной и востребованной. Она ориентирована на прикладные знания и рассчитана на практикующих политтехнологов. В те времена в отрасль прикладной коммуникативистики ринулись гуманитарии различных профилей, готовые на любую работу, но уже с середины 90-х началась дифференциация видов деятельности и направлений специализации. Пестрота участников порождала странные формы профессиональной рефлексии, достойные отдельного исследования. Досталось и «образу».

Термин «образ» и его англоязычный собрат «имидж» не без участия журналистов просочились в сферу профанного знания и стали предметами обыденных суждений, породив в образовательной сфере химерные конструкции[9] наподобие «имиджелогии» и «пиарологии»[10], а в публичной сфере — рассуждения об образе и имидже кого и чего угодно — имидже бренда и руководителя, образе лидера и компании и т.п.

Задача упомянутой книги, как мы понимаем, состояла в первую очередь в том, чтобы сориентировать практиков в сложных процессах политической коммуникативистики. Это, однако, не снижает исследовательской значимости работы, более того — она вобрала в себя передовые достижения советской психологии, как бы ни раздражало это прилагательное самих авторов. Концепция образа в книге взрастает из двух корней (ну или, по крайней мере, ориентируется на два первоисточника).

1. Психологи «круга Выготского» (А. В. Запорожец, П. И. Зинченко, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин и др.), и в первую очередь П. Я. Гальперин с концепциями ориентировочной деятельности в поле образов[11] и поэтапного формирования умственных действий (ПФУД)[12].

[7] Егорова-Гантман Е. В. Плешаков К. В. Политическая реклама. М., 1999. С. 10.

[8] См.: там же. С. 10 – 11.

[9] См., например: Кривоносов А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью: Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2026.

[10] Нужно заметить, что сам по себе термин «пиарология» был вполне логичен. Предложившая его М. Шишкина, тогда декан факультета журналистики СПбГУ, имела в виду изучение истории и прикладных технологий молодой отрасли. Но эпигоны-энтузиасты, как обычно, перестарались и довели идею до абсурда.

[11] См.: Гальперин П. Я. Лекции по психологии. М., 2002.

[12] См.: Гальперин П. Я. Общий взгляд на учение о так называемом поэтапном формировании умственных действий, представлений и понятий // Вестник Моск. университета. Сер. 14: Психология. 1998. № 2. С. 3 – 8.

2. Н. А. Бернштейн, который, собственно, и ввел в научный оборот концепт «потребного будущего»[13].

Оставив в стороне прикладные задачи, которые решали Е. Егорова и К. Плешаков, примем их определение образа как вполне рабочее, в чем мы убедились в ходе собственной профессиональной деятельности, и двинемся zu Grunde[14], к основаниям.

Концепция поля образов и ориентировочной деятельности в этом поле формировалась в отечественной психологии достаточно сложно. По словам П. Я. Гальперина, «после того как разные направления биологического толка (реактология, рефлексология, бихевиоризм и — в тех условиях — даже психоанализ) помогли устранить субъективный идеализм[15] ... на очередь стала большая проблема конкретно-исторического понимания человеческой психики, психологического объяснения общественной природы сознания человека в его историческом и индивидуальном развитии»[16]. Этот подход формировался в 20 — 30-е годы прошлого века, в частности, в ходе дискуссии о предмете психологии — теперь уже с бихевиористскими школами, превратившимися из союзников в оппонентов. Бихевиористы исходили из позитивистской установки о том, что предметом «объективной», научной психологии может быть только *наблюдаемое поведение*[17], и психология сводилась к его эмпирическому описанию. Представители отечественной школы стремились выделить мотивы, основания и содержание поведения, поскольку не любое поведение можно отнести к предмету психологии. Таковым оно становится лишь тогда, когда возникает *разрыв* между запрограммированным генетически поиском предмета потребности и специфическим поведением по захвату предмета потребности.

Животные воздействуют на среду обитания двояко: во-первых, перемещаясь в пространстве, во-вторых, добывая пищу, извлекая ее из окружающей среды. Внутренним источником «собственной активности» организма выступает *потребность*, «на фоне которой возникает определенное поведение»[18]. Гальперин отмечает, что «первоначально потребность обращена к тому, чего недостает, но что само по себе остается неопределенным»[19]. Для более простых форм животной жизни «характерно, что когда потребность возникает, она приводит в действие моторные механизмы... Появляется очень характерное движение — это так называемое поисковое движение»[20], отличающееся тем, что предмета поиска пока нет, и более того, он сам по себе не определен: чего-то хочется, но пока

[13] См.: Бернштейн Н. А. Материалы к совещанию по философским вопросам высшей нервной деятельности и психологии [Конференция] // Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. М., 1962. С. 45; Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.

[14] Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Сочинения: в 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 57 — 58.

[15] Речь идет о дискуссиях 1910 — 1920-х гг.

[16] Гальперин П. Я. Введение в психологию: Учебное пособие для вузов. М., 2006. С. 253 — 254.

[17] Бихевиоризм — от англ. behavior (поведение).

[18] Гальперин П. Я. Лекции по психологии. С. 84; См. также: Бернштейн Н. А. Пути и задачи физиологии активности // Вопросы философии. 1961. № 6.

[19] Гальперин П. Я. Там же. С. 84 — 85.

[20] Там же. С. 85.

неясно чего. Гальперин даже предложил специальное обозначение такого поведения, назвав его «аппетантным» (от слова аппетит): «Появляется аппетит, пока неизвестно к чему. В этом смысле оно отличается от просто поискового: поисковое поведение предполагает что-то известное, а тут — неизвестно что. Это поведение выражает состояние потребности»[21].

Одновременно с потребностью включается инстанция специфической чувствительности к признакам предмета, способным удовлетворить эту потребность. Когда животное наталкивается на объект, обладающий свойствами раздражать безусловным образом специфическую чувствительность, ... мы получаем вторую сторону поведения — не аппетантное, а специфическое поведение»[22] (захват, перемещение, поглощение и пр.).

По мере восхождения организмов по эволюционной лестнице растет временной интервал между апетантной и специфической фазами поведения: «Условия подвижной жизни в сложно-расчлененной среде приводят животное к таким одноразовым вариантам ситуаций, в которых прошлый опыт недостаточен»[23] Образовавшийся интервал во все большей степени «заполняется» деятельностью по *примериванию* усложняющихся действий, ориентированных на получение предмета, несущего специфический, сигнальный признак. Другими словами, теперь действия предварительно реализуются (точнее, проигрываются) *в плане образа*. Образы отражают предметное поле, непосредственно данное живому организму в его ощущениях, но «при этом вещи перестают вызывать со стороны организма непосредственную реакцию, а выступают... как поле, в котором он может действовать»[24].

Ориентировка в поле образов лежит в основе концепции П. Я. Гальперина и его учеников. Нестандартные ситуации, в которых нельзя полностью опираться на прошлый опыт, подталкивают к выделению значимых элементов поля деятельности и их существенных свойств — а затем к деятельности с их образами, позволяющей предварительно сориентироваться. «...Регуляция на основе образа — сначала ориентировка в поле образа, а потом ориентировка самого действия, которое мы сначала наметим, а потом реализуем, — вот это и составляет то, что по ее функции мы можем назвать ориентировочной деятельностью»[25], — резюмировал П. Я. Гальперин.

Итак, предметная деятельность разворачивается в предметном поле, данном нам *непосредственно* в ощущениях. В принципе, любая деятельность в своих основаниях предметна (Выготский). И vice versa любой предмет есть результат и орудие деятельности. Эта диалектика описывается категориями опредмечивания (в производстве) и распредмечивания (в потреблении). Отражением предметного поля становится поле образов, и высокоразвитые организмы (как минимум — млекопитающие), а стало быть, и человек, в нестандартных ситуациях осуществляют *предварительные*

[21] Там же.

[22] Там же. С. 85 – 86.

[23] Гальперин П. Я. Введение в психологию. С. 207.

[24] Гальперин П. Я. Лекции по психологии. С. 32.

[25] Там же. С. 62.

действия с образами непосредственно воспринимаемых объектов — прежде чем действовать с самими объектами.

Напрашивается очевидный вопрос: а есть ли какая-то специфическая черта *человеческой* деятельности? Да, есть. Это еще одна надстройка — над предметным полем и полем образов — *поле умственных действий*, или *умственный план*. В отличие от животного, для которого нет различия между истинным и воспринимаемым качествами и которое способно только к *восприятию* внешнего, человек способен сопоставить и противопоставить видимость и сущность[26]. У человека «...возникает особая действительность — действительность языка и построенная на ней речь. И вот это-то, собственно, и создает возможность нового умственного плана. Под умственным планом следует понимать не просто то, что происходит в уме, а то, что происходит в уме и осознается как отличное от того, что происходит во внешнем плане»[27].

Для построения умственного плана образ необходим, но его недостаточно. «Действительность языка» требует словесного описания, концептуализации непосредственно воспринимаемого, то есть перехода от образа к *понятию*.

Животное в состоянии распознать предмет потребления и найти путь к его *получению*. Человек приобретает способность описать предмет, удовлетворяющий потребность, даже если таковой отсутствует, и определить путь к его созданию, производству. Человек способен ставить *цели* и достигать их.

Целесообразность и цель

Процесс целесообразной деятельности наиболее удачно описан К. Марксом в пятой главе «Капитала», где рассматривается труд вне зависимости от конкретной общественной формы. Он определяется как «процесс, совершающийся между человеком и природой»[28], *простыми моментами* которого выступают «целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»[29]. (Отметим, что в современном обществе элементы этого процесса уже опосредованы предшествующим трудом.)

Ключевой характеристикой труда в Марксовом понимании выступает *целесообразность*. Дискуссионным остается вопрос о том, исчерпывается ли целесообразная деятельность трудом, и vice versa — существует ли деятельность нецелесообразная. На этот счет существовало как минимум две позиции. Первая, уже изложенная выше, давала расширительное толкование деятельности, относя к ней как целесообразную (труд), так и рефлекторную. Вторая исходит из того, что «никакой „нечеловеческой“... деятельности нет и не может быть»[30]. В этом случае целесообразность есть

[26] См.: там же. С. 131.

[27] Там же. С. 131.

[28] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. М., 1960. С. 188.

[29] Там же. С. 189.

[30] Момджян К. Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. М., 2011. С. 363.

атрибут деятельности, а труд — ее субстанциальная характеристика[31]. В схожей логике А. Щюц различал «действие» (продуманное поведение на основе проекта) и «акт» — как «результат развертывающегося процесса, т.е. завершенное действие»[32]. Впрочем, в обоих случаях тезис *о целесообразной природе труда* остается истинным.

Следует, однако, помнить, что целесообразность в широком смысле этого слова не тождественна цели и не предполагает в качестве обязательного условия преднамеренные, сознательные действия[33]. Как замечал еще И. Кант, «целесообразность может быть и без цели, если причины этой формы мы не полагаем в волю»[34].

Целесообразная человеческая деятельность сама прошла чрезвычайно длительный период становления. Б. Ф. Поршнев утверждал, что только «на историю изменений в технике, морфологии, наборе изделий нижнего палеолита (включая галечные орудия олдовайского времени) падает цифра минимум порядка 50000 поколений»[35]. Становление труда, по сути, тождественно становлению *цели*: все компоненты, согласно Марксу, подчинены задаче вызвать *заранее намеченное* преобразование предмета[36] для получения продукта с *заданными* свойствами. Именно комплекс этих востребованных свойств, будучи осознанным как потребность до начала трудового акта, «полагает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель»[37]. Процесс труда, рассмотренный с точки зрения реализованной цели, есть процесс производства. Иными словами, человек есть *производящее* существо — в отличие от животного — существа исключительно *добывающего*.

Здесь важно помнить, что «надо отличать цель как то, чего нет и что должно быть, от того, что есть в естественном виде в природе и что составляет предмет достижения»[38]. Задачу такого различения трудно переоценить. Одно дело — регулировка действий, направленных на *уже имеющийся* предмет, в отношении которого просто необходимо сориентироваться в поле образов. Совсем иное — процесс *постановки цели*, который по вполне понятной причине может происходить только в умственном плане: то, что требуется создать, *еще не существует* и, стало быть, не может быть отражено в поле образов.

Может показаться странным, что весь пафос представленного выше текста обращен на разъяснение очевидного на первый взгляд утверждения о принципиальном отличии человека от животного.

[31] См.: там же. С. 303.

[32] Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 134. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000918/st000.shtml (дата обращения: 29.07.2026).

[33] Гендин А. М. Предвидение и цель в развитии общества: Философско-социологические аспекты социального прогнозирования. Красноярск, 1970. С. 49.

[34] Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 8 томах. Т. 5. М., 1994. С. 58.

[35] Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 326.

[36] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. С. 189.

[37] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. М., 1968. С. 32.

[38] Гальперин П. Я. Лекции по психологии. С. 131.

В самом деле: какая может быть связь между абстрактными рассуждениями психологов и философов полувековой давности и суперсовременной проблематикой будущего «цифрового общества»?! Как восклицал в перестроечные времена член-корреспондент АН СССР, в прошлом редактор множества официальных философских изданий М. Т. Иовчук: «Маркс? Это же plusquamperfectum!»[39]

Здесь несколько контраргументов. Во-первых, интерес к будущему не исчезал никогда, и негоже забывать методологические наработки предшествующих исследователей. А это, увы, происходит время от времени — достаточно вспомнить перестроечные времена с массовым «выливанием воды вместе с детьми». Во-вторых, гораздо рациональнее было бы продолжить исследования, стартовав с того, что уже наработано, чем открывать америки и изобретать велосипеды. Поэтому продолжим.

Важнейший момент, выделявшийся всеми из упомянутых исследователей, — констатация двух типов отражения действительности, один из которых сложился в процессе биологической эволюции, а второй — в ходе социального развития. Называли их по-разному, но по существу речь шла об одном и том же. Так, К. Х. Момджян писал: «В настоящий момент для нас важно выделить две взаимосвязанные, взаимоположенные и взаимопересекающиеся подсистемы сознания — *ориентационную* и *проектную* (курсив наш. — *А.С.*), каждая из которых осуществляет свою функцию, необходимую для существования и полноценного развития людей»[40]. Это было своего рода резюме итогов общего направления исследований в отечественной психологии и социальной философии.

Сравним. В 1962 году Н. А. Бернштейн писал: «Мы имеем перед собой *два связанных процесса*. (здесь и далее курсив наш. — *А.С.*) Один из них есть *вероятностное прогнозирование* по воспринимаемой текущей ситуации, своего рода экстраполяция на некоторый отрезок времени вперед... Наряду же с этой вероятностной экстраполяцией хода окружающих событий (каким он был бы при условии „невмешательства“) совершается процесс *программирования действия*, долженствующего привести к реализации потребного будущего, *о модели* которого было сказано выше»[41]. Уже упомянутый Б. Ф. Поршнев, дискутируя с Н. А. Бернштейном, писал: «...Могущество павловской физиологии состоит в том, что она ограничила себя применительно к животным понятием „причина“. Говорят, что цель — это тоже причина, раз она вызывает действия. У человека — да, но без механизма речи нам не найти ее собственную причину. Что до животных, то выражение Н. А. Бернштейна „модель потребного будущего“ неточно, порождает недоразумения, ибо на деле речь идет о „модели потребного прошлого“, т.е. о воспроизведении животным уже имевшей место реакции, но корригируемой применительно к частично отличающимся обстоятельствам. Сконструировать будущее, новую за-

[39] Plusquamperfectum *(лат.)* —давно прошедшее время. Особая глагольная форма в ряде романских и германских языков.

[40] Момджян К.Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. М., 2011. С. 53.

[41] Бернштейн Н. А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой // Материалы к совещанию по философским вопросам высшей нервной деятельности и психологии. На правах рукописи. М., 1962. Ротапринт. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/bernshteyn_novye-linii-v-fiziologii 1962/ (дата обращения: 29.07.2026).

дачу животному нечем. Оно способно „предвидеть“ лишь то, что уже было (сюда относится и экстраполяция). Если же ситуация ни в малейшей степени не соответствует прошлому опыту, животное не может создать программы действия. Только у людей есть история, потому что она — цепь „моделей потребного будущего“»[42]. И. В. Бестужев-Лада на этой методологической базе строил свои рассуждения о двух типах прогнозов: поисковом и нормативном[43]. И, наконец, великолепная, почти классическая фраза Петра Яковлевича Гальперина, которая часто ставит в тупик современных исследователей, поднявшихся на позитивистских дрожжах: «…Жизнь во времени начинается не с прошлого, а с будущего»[44]. Итак, мы возвратились к вопросу о цели и о целеполагании — чисто человеческому свойству, позволяющему видеть будущее и, более того, создавать его. Ведь парадоксальное свойство будущего состоит в том, что его нет actu (на деле) — оно есть «чистая» potentia (возможность). Более того, его и не может быть, потому что, став, оно теряет свойство будущего и превращается в настоящее. «Очевидно, что будущее само по себе, вне контекста человеческого целеполагания и человеческой деятельности, не существует. Собственно, оно действительно еще не существует, и говорить о нем можно только с точки зрения возможной реализации какой-либо цели»[45]. Итак, *мы приходим к социальному конструированию*, о котором так модно нынче говорить. Мода на тему социального конструирования, проектирования и «архитектуры будущего» — это само по себе неплохо. Она демонстрирует наконец-то складывающееся (хотя, может, еще не артикулированное) понимание того, что образа явно недостаточно и нужны *концепция, проект, цель*. В проекте меморандума упомянутой в начале статьи Международной научно-практической конференции «Философия будущего: идеи и смыслы» тоже напрямую говорилось, что «будущее не предопределено: оно существует для людей как ожидание, замысел и проект».

От ориентировки к конструированию

В каком направлении может и должно развиваться социальное проектирование/конструирование и какие концепты должны стать опорными? Начнем с *цели*. «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действия и которой он должен

[42] Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 120 – 121.

[43] См.: Бестужев-Лада И. В. Теоретические вопросы нормативного социального прогнозирования // Философские науки. 1986. № 5. С. 3 – 12; Бестужев-Лада Игорь. Исследования будущего: проблемы и решения // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал. 2006. 28 августа. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2633 (дата обращения: 29.07.2026).

[44] Гальперин П. Я. Лекции по психологии. С. 131.

[45] Сегал А. П. Проблематика социального проектирования в свете обыденных представлений об историческом (социальном) времени // Искусственные общества. 2020. Т. 15. Вып. 3 URL: https://artsoc.jes.su/s207751800010977-3-1/. DOI: 10.18254/S207751800010977-3 (дата обращения: 29.07.2026).

подчинять свою волю»[46]. Читатели, недолюбливающие Маркса по научным или идеологическим соображениям, могут, конечно, отвергнуть это утверждение, но мы призываем их отвлечься от личности и рассмотреть вопрос по существу. Можно даже отвлечься от понятия «труд» и взять терминологию деятельности, которая по умолчанию целесообразна (см. выше). Существенной стороной описываемого процесса, как бы мы его ни называли, является то, что, ставя цель, человек выступает *субъектом* той самой второй стороны сознательной деятельности, которую К. Х. Момджян называл «проектной подсистемой сознания», Н. А. Бернштейн — «программированием действия», а Б. Ф. Поршнев — «моделями потребного будущего». Итак, цель — это предвосхищенный результат. Приведем здесь великолепное и практически исчерпывающее рассуждение о цели В. А. Вазюлина (1932 – 2012) — интереснейшего и пока что не до конца оцененного ученого, современника упомянутых в этой статье исследователей. «Цель, будучи предвосхищением результата данного процесса труда и определяя как закон его способ и характер, сама сформировывается именно в процессе формирования ранее совершавшихся процессов труда и может быть поставлена именно в (осознаваемой или неосознаваемой) связи с ними... Имея в виду взаимодействие всех компонентов труда, мы утверждаем, что цель *действительно* есть цель, т.е. в полной мере оказывается целью, не просто тогда, когда в ней предвосхищается результат, когда она определяет как закон способ и характер труда, но тогда, когда она, будучи окончательно (для совершающегося процесса труда) скорректирована воздействием остальных компонентов труда, реализуется в результате труда»[47]. Итак, цель, задающая конечный результат, то, что мы хотим получить, начинает осознаваться как методологическая альтернатива «образу будущего». Складывается (и, в общем-то, уже сложилась) довольно логичная категориальная пара «образ-цель». Вполне логично, что образ находится на одной стороне, отражая, по Бернштейну, «вероятностную экстраполяцию хода окружающих событий (каким он был бы при условии „невмешательства“)», или, по Бестужеву-Ладе, «поисковый прогноз», или, по Момджяну, «ориентационную» подсистему. На другой стороне, ближе к финишу, программирование действия (Бернштейн), проектная сторона сознания (Момджян), нормативный прогноз (Бестужев-Лада).

Если просто наблюдать тренды, экстраполировать их на условии «невмешательства» — мы теряем (не приобретаем) субъектность или в лучшем случае обладаем «усеченной» субъектностью. Если мы ставим цель — мы обладаем субъектностью. Вопрос насколько. Сомнения проистекают из простого рассуждения. Действительная цель, как мы уже писали, окончательно скорректирована воздействием остальных компонентов труда и реализуется в процессе труда. Иными словами, есть средства, с помощью которых эта цель достигается, и есть процесс, в котором эти средства преобразуют некий объект в то, что является целью. Спроектировав некий целевой объект, можно не найти средств его создания либо просчитаться с социальными последствиями достижения поставленной цели. Фантастам в этом вопросе проще: с них никто не тре-

[46] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. С. 189.

[47] Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., 2005. С. 78 – 79.

бует описывать, *как* был изобретен и построен звездолет «Темное пламя» в «Часе Быка» или Тардис в «Докторе Кто» и от чего пришлось отказаться во имя этого изобретения. А ведь между образом и целью всегда лежит процесс, проектированием которого занимаются технологи, отвечающие на вопросы: «Как *это* возможно? Возможно ли вообще? Если нет — то *что* надо сделать, чтобы стало возможно?» Увы, даже у такого серьезного автора, как Иван Ефремов, процесс схематичен. Кстати, еще в середине 1960-х фантасты почувствовали эту проблему. У братьев Стругацких есть великолепный фрагмент, пародирующий тогдашнюю фантастику. Главный герой повести «Понедельник начинается в субботу» Саша Привалов согласился помочь изобретателю испытать машину времени. Ниже приводим диалог, который только кажется смешным, а на самом деле отражает эту самую проблему «провалов процессуальности»:

«— Вы куда хотите — в будущее или в прошлое?

— В будущее, — сказал я.

— А, — произнес он, как мне показалось, разочарованно. — В описываемое будущее... Это, значит, всякие там фантастические романы и утопии. Конечно, тоже интересно. Только учтите, это будущее, наверное, дискретно, там должны быть огромные провалы времени, никакими авторами не заполненные»[48].

Социальная архитектура и социальное конструирование, приходящие на смену простому футурологическому визионерству, призваны описать будущее общество концептуально, спроектировать его. Но часто забывается давнишнее рассуждение Гегеля о ступенях *развития цели*. (Гегеля вообще подзабыли — а зря...) В «Энциклопедии философских наук» он пишет: «Развитие цели в идею проходит три ступени: во-первых, ступень субъективной цели; во-вторых, ступень осуществляющейся цели и, в-третьих, ступень осуществленной цели»[49].

Ошибочность построения моделей обществ будущего заключается в подмене становления (осуществляющейся цели) абстрактным бытием, процесса — готовым результатом.

Здание будущего останется красивым архитектурным проектом, чистым искусством, если не построить неподалеку завод ЖБИ и не найти строителей, если не определить, *что* мы можем и должны сделать, а чего делать не должны, чтобы реализовать проект. Между образом, проектом и реализованной целью лежит процесс. Будущее — процессуально. Но, к сожалению, об этом вспоминают в последнюю очередь.

[48] Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Понедельник начинается в субботу. М., 1965. С. 156 – 168.

[49] Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. Т. 1. М., 1974. С. 395.

Список литературы

1. Ананченко А. Б. Образ будущего как конкретно- историческая, теоретическая и политико-прикладная проблема // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. № 4. Т. 14. С. 150—165.

2. Бернштейн Н. А. Материалы к совещанию по философским вопросам высшей нервной деятельности и психологии // Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. М., 1962. С. 45.

3. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.

4. Бестужев-Лада И. В. Теоретические вопросы нормативного социального прогнозирования // Философские науки. 1986. № 5. С. 3—12.

5. Бестужев-Лада Игорь. Исследования будущего: проблемы и решения // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал. 2006. 28 августа. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2633 (дата обращения: 29.07.2026).

6. Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., 1988.

7. Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 2005.

8. Гальперин П. Я. Лекции по психологии. М., 2002.

9. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М. — Воронеж, 1998. С. 480.

10. Гальперин П. Я. Введение в психологию: Учебное пособие для вузов. М., 2006. С. 336.

11. Гальперин П.Я. Общий взгляд на учение о так называемом поэтапном формировании умственных действий, представлений и понятий // Вестник Моск. университета. Сер. 14: Психология. 1998. № 2. С. 3—8.

12. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. М., 1974. Т. 1. С. 452.

13. Гендин А. М. Предвидение и цель в развитии общества: Философско-социологические аспекты социального прогнозирования. Красноярск, 1970. С. 435.

14. Егорова-Гантман Е. В. и Плешаков К. В. Политическая реклама. М., 1999. С. 240.

15. Кант И. Критика способности суждения / Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 5. М., 1994. С. 414.

16. Кривоносов А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью, СПб., 2026.

17. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. М., 1960.

18. Момджян К. Х. Введение в социальную философию. М., 1997. С. 448.

19. Момджян К. Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. М., 2011.

20. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 487.

21. Сегал А. П. Образ будущего или виртуальная реальность? О пространстве формирования личности // Профессиональное образование в современном мире. 2017. № 4. Т. 7. С. 1380—1387.

22. Сегал А. П. Проблематика социального проектирования в свете обыденных представлений об историческом (социальном) времени // Искусственные общества. 2020. № 3. Т. 15.

23. Стругацкий А. Н. и Стругацкий Б. Н. Понедельник начинается в субботу. М., 1965.

24. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 416.

25. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129—137.

26. Maguire P., Moser P. и Maguire R. A clarification on Turing's test and its implications for machine intelligence. // CEUR Workshop Proceedings, 1419. 2015. P. 318-323.

27. McCarthy J.; Minsky, M.L.; Rochester, N.; Shannon, C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence: August 31, 1955 // AI Mag. 2006. 4 (Winter 2006): Vol. 27. P. 12—14.

Многомерная оценка качества моделей будущего России: методика анализа прогностических, стратегических и идеологических конструкций

ORCID: 0000-0003-0482-099X
E-mail: lvov@wciom.com

Степан Васильевич Львов

Кандидат социологических наук, председатель Научного совета Аналитического центра ВЦИОМ, доцент кафедры социологии Финансового университета, Москва, Россия.

PhD in Sociology, Chair of Scientific Council, VCIOM Analytical Center, Associate Professor of the Department of Sociology of the Financial University, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-0749-4475
E-mail: fedorov@wciom.com

Валерий Валерьевич Федоров

Кандидат политических наук, генеральный директор Аналитического центра ВЦИОМ, профессор ВШЭ, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета, Москва, Россия.

PhD in Political Science, General Director of VCIOM Analytical Center, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications at the Financial University, Moscow, Russia.

DOI: 10.67139/3033-8301.2026.2.2.005

Аннотация

В статье предлагается методика многомерной экспертной оценки качества моделей будущего — прогностических, стратегических и идеологических конструкций, обнаруживаемых в книгах, статьях, публичных выступлениях, государственных стратегиях и экспертных заключениях. Отправной точкой служит диагноз российского поля прогностики и футурологии, зафиксированный в исследовании ИГ «Циркон» и компании «Горизонт» (2025).

Отмечается слабая связность акторов, отсутствие методологических школ, церемониальная логика форсайтов и неудовлетворенность запроса на системную оценку качества и релевантности прогнозов. Восполняя этот пробел, авторы обосновывают принципиальный отказ от агрегированного рейтинга в пользу профиля — конфигурации координат по восьми независимым осям, покрывающим четыре фундаментальных измерения модели (содержание, структура системы, процесс воспроизводства и время). Описаны предмет, критериальный аппарат и способ представления результата по каждой из осей: критериально-аналитической, нормативно-ценностной, институциональной, акторно-коалиционной, системно-коммуникационной, рефлексивно-кибернетической, историко-цивилизационной и прогнозно-динамической. Две оси (нормативно-ценностная и рефлексивно-кибернетическая) выделяются при этом как обязательные. Методика апробирована на разнотипных моделях будущего России и мира. Особое внимание уделено нереализованному интеллектуальному потенциалу советской прогностики, системного анализа и кибернетики, рассматриваемому в качестве ресурса для развития современных методологических подходов к оценке.

Ключевые слова

Модели будущего; социальное прогнозирование; футурология; многокритериальная оценка; несоизмеримость критериев; профиль модели; сценарии; форсайт; советская прогностика; кибернетика второго порядка; рефлексивность; образ будущего России.

Abstract

The article proposes a methodology for multidimensional expert assessment of the quality of models of the future — predictive, strategic and ideological constructions, implicated in books, articles, speeches, government strategies and expert opinions. The starting point is the diagnosis of the state of the Russian field of prognostics and futurology, recorded in the study of the "Zircon" Research Group and the "Gorizont" company (2025). Colleagues note the weak coherence of actors, the absence of methodological schools, the ceremonial logic of foresight, and express a direct request for a systematic assessment of the quality and relevance of forecasts. Filling this gap, the authors justify the fundamental rejection of the aggregated rating in favor of a profile — a configuration of coordinates along eight independent axes covering four fundamental dimensions of the model (content, system structure, reproduction process, and time). The subject, the criterion apparatus, and the method of presenting the result along each of the axes are described: criterion-analytical, normative-value, institutional, actor-coalition, system-communication, reflexive-cybernetic, historical-civilizational, and predictive-dynamic. Two axes (normative-value and reflexive-cybernetic) are declared mandatory. The methodology has been tested on different types of models of

the future of Russia and the world. Special attention is paid to the unrealized intellectual potential of Soviet prognostics, system analysis and cybernetics as a resource of modern assessment methodology.

Keywords

Models of the future; social forecasting; futurology; multi-criteria assessment; incommensurability of criteria; model profile; scenarios; foresight; Soviet prognostics; second-order cybernetics; reflexivity; image of the future of Russia.

Введение: зачем нужны модели будущего

Представление о том, что модели будущего могут нейтрально описывать возможные состояния мира, сегодня воспринимается как наивное и устаревшее. Вопрос, кому и зачем нужны такие модели, гораздо важнее, чем различия между конкретными сценариями и прогнозами. Речь идет о борьбе за право задавать границы нормальности, определять допустимые формы субъектности и формировать легитимность политических режимов. Через модели определяется, что считать прогрессом, каким должен стать человек, какие формы должно обрести общество, как должно государство адаптироваться к новым условиям. Через модели определяются критерии отношения к телу, технологиям, времени и самим границам человеческого. В такой парадигме модели будущего следует рассматривать не как способ предвидения, а как инструмент политического и социального конструирования.

В качестве примера осознанно конструктивистского подхода к моделям будущего выделим высказывание автора одной из таких моделей, греческого экономиста и писателя-фантаста Я. Варуфакиса: «Без убедительного ответа на этот вопрос перспектива привлечения людей к делу возвращения нам права на наш разум, наши тела и нашу окружающую среду будет оставаться безнадежным предприятием»[1]. Выдвигаемая им модель «технофеодализма» служит ясно рефлексируемой политической цели — критике существующего платформенного капитализма и мобилизации человечества на борьбу за альтернативную архитектуру собственности в целом и цифровой инфраструктуры в частности.

Такое понимание, однако, в настоящее время является довольно редким и дефицитным — в отличие от советского прошлого. В либерально-западнических кругах принято считать, что советская футурология была жестко ограничена идеологическими постулатами и поэтому принципиально не могла произвести на свет ничего оригинального и нового. На поверку оказывается, что это совсем не так: модели будущего в ней порой обретали весьма сме-

[1] Варуфакис Я. Технофеодализм: что убило капитализм. М., 2025. С. 229.

лые очертания. И эта смелость совершенно не противоречила идеологическим ограничениям.

По определению ведущего советского футуролога И. В. Бестужева-Лады, «цельная картина этого будущего получает значение общественного идеала». Прогнозы «неизбежно ограничены нынешним уровнем знаний», и следует остановиться «лишь на некоторых основных тенденциях развития того или иного явления, причем лишь там и в такой мере, где и в какой мере для этого имеются необходимые данные из области прошедшего и настоящего». И только «строгая опора на такие факты создает надежный плацдарм для взлета фантазии». Опасения же связаны с тем, что «в будущем выдвинутся проблемы, о которых мы только начинаем догадываться», а ожидания — с появлением «средств для решения этих проблем, о которых мы не имеем пока никакого понятия»[2].

Итак, в сочинениях лидера советской футурологии мы имеем весьма зрелую и современную исследовательскую позицию, соединяющую трезвое признание границ знания со свободой воображения. В этом смысле лучшие образцы советской футурологии оказываются ближе к дисциплинированной, методологически осознанной работе с будущим, чем к идеологической догме. Ближе, чем многочисленные западные футурологические труды конца XX — начала XXI вв., созданные в ситуации «головокружения от успехов» неолиберальной модели капитализма и глобализации, «момента однополярности» США и других элементов краткосрочного — и уже завершившегося — периода безальтернативного господства Запада в мировых процессах.

Моделирование будущего в России: текущее состояние

В 2025 году Исследовательская группа «Циркон» и компания «Горизонт» при поддержке Фонда ЭИСИ провели углубленную диагностику состояния российской футурологии и прогностики[3]. Было идентифицировано почти 200 акторов данного поля, выделено 11 их типов. Большинство составили индивидуальные эксперты, институциональные игроки представлены значительно скромнее. Авторы справедливо указывают на то, что реальное число участников может быть существенно выше, поскольку часть моделей (не только структур и экспертов) существует в закрытом режиме. Наиболее значимыми тезисами доклада являются заявление об отсутствии централизованного запроса на формирование моделей будущего и замечание о том, что прогнозы и форсайты выполняются в церемониальной логике. Как следствие — образование «прогностических пузырей», то есть автономных, изолированных моделей будущего. Наличие мощной эвристической конструкции «метазаказа» резко повышает теоретическую ценность доклада. Однако содержащаяся в нем проблематизация недостаточна — по крайней мере по двум причинам. Во-первых, остался открытым вопрос объективной (не)возможности такого «метазаказа» в современных социально-политических условиях. Во-вторых,

[2] Лада И. В., Писаржевский О. Н. Контуры грядущего. М., 1965. С. 26.

[3] ИГ Циркон. Семь тезисов о состоянии футурологии и прогностики в России. Материалы для экспертов проекта. URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/8c1/Futurologija_i_prognostika_v_Rossii_2025.pdf (дата обращения: 03.06.2026).

не указано, какой институциональный контур мог бы легитимировать как соответствующий запрос, так и достигнутые результаты (модели будущего).

Среди рекомендаций авторов доклада стоит выделить идею, развитию которой и служит настоящая статья. Это идея экспертизы проектов в области социального прогнозирования. Авторы подчеркивают, что «введение системной оценки качества и релевантности прогнозов создаст доверие к результатам и повысит их значимость для управленческих и общественных практик»[4]. Надеемся, что результаты нашего поиска внесут свою лепту в решение этой весьма актуальной задачи.

Чего ждет от моделей общество

Запрос на работу с будущим имеет и эмпирическое основание. По данным АЦ ВЦИОМ, будущее для россиян имеет преимущественно практическое и ценностное измерение: «общество будущего, по версии россиян, — это общество, в котором царят доброта и гуманизм, технологии и всеобщее благополучие»[5]. При этом фиксируется трансформация будущего «из пространства долгосрочного целеполагания в пространство тактической адаптации»: образ будущего на личном уровне становится более тревожным[6]. Запрос на планирование, однако, сохраняется — 57 % россиян планируют будущее, 59 % считают, что результат планирования зависит от них самих[7]. Через образы будущего проявляются ключевые общественные запросы на стабильность, безопасность, возможность планировать жизнь и технологическое развитие без утраты контроля. Это делает задачу оценки качества обращающихся в обществе моделей будущего не только методологической, но и практически значимой.

Почему нужно оценивать модели, а не сценарии

Ответ на вопрос, почему надо оценивать модели, а не сценарии, для нас очевиден: сценарий — это текст, а модель — это структура. Тексты надо читать, рецензировать, обсуждать и воспроизводить; их сравнение — это сложная задача, поскольку субъекту оценивания необходимо держать в голове критерии оценки все время ознакомления с текстом. Структура намного легче поддается проверке, сравнению и оценке. Любая оценка сценариев в конечном счете будет сведена к литературной критике — поскольку в ее рамках оцениваются нарративные качества, убедительность, точность, когерентность (связность)... и драматургия.

[4] Там же. С. 9.

[5] АЦ ВЦИОМ. Прекрасное далеко. Аналитический обзор от 14.01.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prekrasnoe-daljoko (дата обращения: 12.06.2026).

[6] Джгамадзе К. Будущее как зона адаптации. Комментарий эксперта. 14.04.2026. URL: https://wciom.ru/expertise/budushchee-kak-zona-adaptacii (дата обращения: 12.06.2026).

[7] АЦ ВЦИОМ. Все идет по плану! Аналитический обзор от 25.11.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vse-idet-po-planu (дата обращения: 12.06.2026).

Сценарий в прогнозном моделировании — это структурированный нарратив о возможном будущем, описывающий, как набор факторов и неопределенностей может привести к определенному состоянию мира. Советский экономист В. А. Лисичкин подчеркивал, что при разработке сценария «всегда возникает неопределенность», а «ценность сценария тем выше, чем меньше степень неопределенности», и предлагал не упускать из поля вопросы: «насколько велика существующая неопределенность? что следует сделать, чтобы ее уменьшить?»[8] Любой сценарий — это нарратив, который нельзя однозначно определить как истинный или ложный: максимум, что можно сделать, — признать его более или менее правдоподобным и полезным.

Преимуществом и одновременно недостатком сценариев является то, что они выступают идеальным механизмом передачи идеологических смыслов. Выбирая, неважно, умозрительно или эмпирически, ключевые факторы и архетипы будущего, линии конфликта, возможности и угрозы, легко определить, какие образы будущего оказываются допустимыми.

Сценарий несет ценностную нагрузку двояким образом. Первый способ — через выбор «ключевых неопределенностей». Когда авторы решают, какие переменные считать значимыми, а какие игнорировать, они воспроизводят определенную картину мира. Второй способ — через архетипы. Испанские исследователи провели систематический анализ базы данных из 243 подходящих исследований, содержащих 993 оценки, из которых 342 отличаются друг от друга, за период с 2000 по 2024 год[9]. Результат: большинство из них воспроизводят устойчивые идеологические предпосылки (капитализм, этатизм, антропоцентризм). Лишь пять (!) сценариев бросают вызов всем трем доминирующим парадигмам одновременно.

Вывод таков: сценарии — это не нейтральные инструменты, а политически нагруженные нарративы, которые формируют восприятие будущего. «Продолженное настоящее» преобладает над «разрушительным будущим», что сужает горизонт возможного. Такая ограниченность при определенных условиях вполне способна не только ослабить чувствительность обществ и государств мира к существующим рискам, но и привести к настоящим катастрофам. Так, смена поколений руководителей стран Западной Европы в начале XXI в. привела к потере страха перед ядерной войной, характерного для периода советско-американского противостояния, и стимулировала более самонадеянное и неосторожное поведение в отношении России, что сначала превратило новые восточно- и центральноевропейские государства в пространство соперничества между Евросоюзом и Россией, а в 2022 г. привело к развязыванию крупномасштабной войны в центре Европы. Такой — и даже большей — может быть цена «пагубной самонадеянности», стимулируемой политически нагруженными нарративами, выдаваемыми за ценностно нейтральную и объективную аналитику и прогностику.

Подходов к определению понятия «модель» насчитывается мно-

[8] Теория прогнозирования и принятия решений. М., 1977. С. 185.

[9] Lauer A., de Castro C., Carpintero Ó. Between continuous presents and disruptive futures: Identifying the ideological backbones of global environmental scenarios // Futures. 2024. Vol. 163. P. 1 – 18.

жество, и мы из соображений места опустим обзор данной темы. За рабочее определение мы возьмем подход Маркса Вартофского, в 1970-е годы предложившего уникальную программу исторической эпистемологии, которая не ограничивалась формальным языком анализа языка или логики. Его утверждения о динамичности самой природы познания, способов видения мира и форм восприятия представляются актуальными и сейчас. К таким установкам Вартофский пришел, пытаясь преодолеть господствовавший позитивистский подход к моделям как простым вспомогательным инструментам.

Вартофский утверждает, что модель — это не копия реальности, а инструмент познания, связанный с будущей практикой: «Модель — это не просто и не только отражение или копия некоторого состояния дел, но и предполагаемая форма деятельности, репрезентация будущей практики и освоенных форм деятельности»[10]. Не менее важна и выделяемая им эвристическая функция: «Специфической чертой плодотворных научных моделей является возможность открытия с их помощью тех свойств моделируемых объектов, о которых нам пока не известно: исследуя свойства модели, мы делаем заключения о свойствах объекта»[11].

Самым важным для целей нашего исследования является уточнение Вартофского, что модели будущего — это «экспериментальные зонды», технологические инструменты для «сознательной встречи с будущим, но не пассивного его восприятия как чего-то уже сформировавшегося. Модель — это редкая возможность, предоставленная человеку для творческого созидания будущего. Поэтому мы можем утверждать, что модели представляют собой специфические технологии достижения целей»[12].

Где содержатся модели будущего

Модели будущего редко существуют в чистом виде. Они почти всегда упакованы в документы-носители: государственные стратегии, академические прогнозы, форсайты, идеологические тексты, сценарные доклады, теории изменений, художественные антиутопии и фантастические романы. Поэтому первым шагом нашего анализа должна стать не оценка модели, а идентификация того, *где* именно она находится и *каким образом* предъявлена.

Вторым шагом мы видим типологию по степени эксплицитности: *формальные модели* (переменные и зависимости заданы явно), *концептуальные* (механизмы описаны, но не формализованы), *имплицитные* (модель встроена в выбор целей, факторов, угроз и горизонтов) и *ментальные* (представляет собой неявную когнитивную схему автора).

Третьим шагом будет уточнение эпистемического статуса из следующего набора: *нормативные, дескриптивно-предсказательные, механистические и нормативно-инструментальные.*

Критически важно и деление по онтологической рамке. Модели могут быть *линейно-прогрессистскими (экстраполяционны-*

[10] Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М., 1988. С. 11.

[11] Там же. С. 35.

[12] Там же. С. 132.

ми), циклическими, системно-нелинейными, цивилизационными, агентными и т.д. Список этот полуоткрытый, а каждый его пункт определяется субъективными представлениями автора о природе общественных изменений.

Очевидный вывод: универсальной процедуры извлечения модели из документа не существует. Но и здесь мы можем провести некоторую систематизацию. Для государственных стратегий ключевым компонентом модели становится анализ целей, показателей, исключенных факторов и причинных цепочек. Для академических форсайтов — анализ методологии и сценарной матрицы. Для идеологических текстов — дискурс-анализ и перевод метафор в проверяемые допущения. Для художественных текстов — реконструкция мифа и скрытой исторической логики. Оценивать модель можно только после проведения доаналитического этапа, на котором определяются типы документов, устанавливаются степени явности модели и уровни, на которых они закодированы.

Особым типом источника для нашей задачи служит корпус рецензий из авторского проекта «Книжная зависимость» В. Федорова[13]. Это не первичные модели будущего, а модели второго уровня: в них рецензент выделяет центральную интуицию каждой книги, показывает ее сильные и слабые места и нередко указывает на неявные допущения автора. Поэтому корпус можно использовать как промежуточный аналитический слой между первичными текстами и системой оценки — он позволяет увидеть, какие модели будущего циркулируют в интеллектуальном поле и какие их параметры требуют дальнейшей формализации.

По данному корпусу различимы устойчивые группы: технологически-детерминистские (А. Росс, Н. Срничек, П. Мейсон, Э. и Х. Тоффлеры, частично А. Бенанав и Д. Иванов), модели кризиса и трансформации капитализма (Б. Миланович, И. Валлерстайн, А. Бенанав, П. Коллиер, Р. Лахман), геополитические и цивилизационные (С. Хантингтон, Ф. Закария, Э. Тодд, М. Леонард, Д. Евстафьев, Ли Куан Ю, И. Крастев, частично Хардт и Негри), модели государства и институциональной динамики (А. Прохоров, В. Шляпентох, П. Турчин, В. Попов, Р. Лахман), социокультурные и антропологические (З. Бауман, Дж. Урри, А. Зиновьев, Д. Иванов, Ж. Аттали) и эколого-планетарные (Т. Фридман).

Если рассматривать указанные модели будущего типологически, можно выделить шесть устойчивых логик их формирования. Первая, *кризисная*, выводит будущее из накапливающихся противоречий системы — от структурных ограничений к коллапсу. Авторы стремятся показать пределы, но часто склонны недооценивать способность людей и институтов адаптироваться.

Вторая логика — *переходная*, в которой будущее описывается как смена уклада, формации, мирового порядка или режима управления. Она чувствительна к историческим переломам, но редко дает ясное описание того, как именно совершается переход.

Третья логика — *мобилизационная*, которая связывает будущее со способностью государства, элит или общества собирать и направлять ресурсы. Ее сила — в институциональной реалистичности, а слабость — в риске нормализовать принуждение и не увидеть цену мобилизации.

[13] Книжная зависимость: рецензии и обзоры В. В. Федорова. URL: https://wciom.ru/books-addiction (дата обращения: 02.06.2026).

Четвертая, *цивилизационная*, логика объясняет будущее устойчивыми культурными кодами и границами, подсвечивая глубинные основания. Проблемы — в легком скатывании к эссенциализму и слепоте к внутреннему разнообразию и конфликтам.

Пятая, *техносистемная*, логика выводит будущее из развития инфраструктур, платформ, сетей и данных. Она помогает нам увидеть новую архитектуру власти, но грешит технологическим редукционизмом, если забывает о социальном и политическом измерении.

И, наконец, шестая, *антропологическая* логика обращена к изменению самого человека — труда, внимания, времени, идентичности, памяти, тела. Она схватывает глубокие последствия трансформаций, но плохо переводится в строгие критерии и практические решения.

Приведенная типология явно демонстрирует, что система оценки должна быть многомерной — ведь ни одна из моделей не может быть адекватно оценена только по одному критерию. Способ, которым изученный корпус текстов распадается на разные логики, подсказывает нам методологическое решение (см. раздел, посвященный обоснованию системы оценки). Каждая логика сильна по какому-то одному измерению и демонстрирует систематическую слепоту по другим. Фокус и слепота не могут быть выстроены в оппозицию друг другу, это величины разного рода. Для всех противопоставленных выше объяснительных пар-примеров нет общей единицы измерения. Эмпирическая разнородность логик, обнаруженная в материале, наталкивает к отказу от агрегированного, рейтингового подхода в пользу профиля. Типология выполняет и эвристическую функцию, помогая нам выбрать, какие оси могут войти в приоритетный набор системы оценки моделей будущего.

Интеллектуальные ресурсы методики

Нереализованный потенциал советской науки

Методологические и праксеологические рамки оставлены нам советской наукой 1960 – 1980-х гг. в виде корпуса разработок, не реализованного институционально, но сохраняющего методологическую ценность. Они определяют способы постановки проблемы, различения целей и средств и работы с неопределенностью. В «Рабочей книге по прогнозированию» деятельность по созданию моделей будущего понимается не как жанр политического предвидения, а как технология организации знания, включающая объект прогноза, прогнозный фон, цели, методы и оценку результатов[14]. Принципиально важно различение поискового и нормативного прогнозирования. Если первое ориентировано на возможные состояния объекта при сохранении тенденций, то второе — на достижение желательных состояний «на основе заранее заданных норм, идеалов, стимулов и целей»[15]. Ведь значительная часть слабых прогнозов возникает именно из-за того, что желаемое выдается за вероятное.

[14] Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982. С. 3 – 4, 24 – 25.

[15] Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование. Цикл лекций. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/3019/3021#2.9 (дата обращения: 04.04.2026).

Советская системно-аналитическая линия требовала различать «системы как объекты исследования и управления» и «системы как инструменты», а также предупреждала об опасности ложной комплексности. Системный подход предполагает сбор «лишь определенных, строго отвечающих задаче данных и с заранее обоснованной точностью»[16]. Философско-методологический пласт формирует тот самый дефицитный ныне язык оценки. Связь системности с деятельностью показал Э. Юдин, акцентируя внимание на том, что модель будущего — это не нейтральное описание объекта, а способ организации деятельности[17]. У Б. Бирюкова мы находим тезис, что информация становится знанием, только будучи встроенной в модель, а математическое моделирование «не допускает полузнания»[18]. В. Налимов возводит в «ранг главного признака языка» иерархическую структуру знаков и требует заменить верифицируемость фальсифицируемостью[19].

Наконец, полулегендарная история советского проекта ОГАС (А. Китов, В. Глушков) показывает главный предел и главный риск для моделей будущего в принципе. Методологически сильная модель управления не была реализована по институциональным причинам, поскольку делала управленческую информацию прозрачной[20]. Современная задача — критическое переосмысление и рецепция этого наследия. Она сводится как минимум к тому, чтобы сохранить системность и процедурность, добавив явную оценку ценностных оснований, позиции наблюдателя и цены реализации.

Западная линия: проверка качества

Несмотря на все богатство и мощь отечественного корпуса, мы не будем ограничиваться только лишь трудами соотечественников для обоснования нашей методологии. Западная кибернетическая и прогностическая традиция всегда проявляла уважение и интерес к советской школе, считая ее равным по интеллектуальным возможностям соперником, бывало — и партнером. Всемирно известный социолог и соосновательница «кибернетики второго порядка» М. Мид отмечала, что в Советском Союзе «гораздо больше молодых людей изучали» кибернетику, чем в США, а «интерес к советским делам всегда содержит определенный элемент страха — к возможности того, что советская система может быть полностью кибернетизирована в техническом смысле, как способ контроля всего внутри своих границ и, возможно, за их пределами,

[16] Хайлов К. М. Принципы системного исследования и конкретная биология. Системные исследования. Методологические проблемы: ежегодник 1979. М., 1980. С. 129.

[17] Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997.

[18] Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. М., 1974. С. 128 – 129.

[19] Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М., 1979. С. 49 – 50, 69 – 70.

[20] Стрюкова Е. П. Проект общегосударственной автоматизированной системы: история разработки и внедрения // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург, 2009. С. 41 – 42.

с тысячами гигантских компьютеров, объединенных в систему невероятной и невиданной ранее эффективности»[21].
И нам, со своей стороны, очень важно заимствовать в интеллектуальном наследии западной кибернетики некоторые положения, например, критерии проверки. Они основаны на теории жизнеспособности системы и законе требуемого разнообразия (У. Эшби, С. Бир), различении сигнала от шума и вероятностной строгости (Н. Сильвер), калибровке экспертных суждений (Ф. Тетлок), пределах формализации (М. Таубе), кибернетике второго порядка как теории наблюдателя (Х. фон Ферстер, М. Мид, У. Матурана). Это позволит нам вывести рассмотрение моделей будущего с уровней разовых высказываний на уровень обучающихся, пересматриваемых и процедурно воспроизводимых конструкций.

Обоснование системы оценки: профиль вместо рейтинга

Простые подходы к оценке чего бы то ни было всегда кажутся более прагматичными, доступными и эффективными. Фундаментальной проблемой, не позволяющей, однако, применять простые подходы, является несоизмеримость. Модели будущего описываются онтологически разнородными объектами, такими как политические режимы, ценностные структуры, причинные механизмы, временны́е горизонты, акторные конфигурации и т.п. Для всех них невозможно придумать общие единицы измерения.
Можно обратиться к практике социальной мультикритериальной оценки (SMCE), где базовым условием применимости признается неизбежное условие, что «релевантные аспекты проблемы не могут быть схвачены единственной перспективой»[22]. Несомненно и то, что каждая модель будущего — это объект наивысшей степени комплексности.
Упрощенные системы оценки продуцируют различные типы ошибок. Во-первых, внешне нейтральные критерии — допустим, «реалистичность» — оказываются скрытыми онтологическими рамками. Реалистичным мы склонны признавать то, что вписывается в господствующую парадигму. В этом случае оценка превращается во вклад в воспроизводство мейнстрима.
Во-вторых, агрегация несоизмеримых оценок и их усреднение бессмысленны. Высокое техническое качество и полное игнорирование ценностных допущений никогда не компенсируют друг друга, потому что первое относится к исполнению модели, а второе — к природе того, что она утверждает.
В-третьих, простые системы почти никогда не задают вопрос «Что мы видим перед собой?». Если взять шкалу «согласованность» (логичность, непротиворечивость), то стройная модель из идеологического манифеста легко обойдет академический форсайт с его развилками и проблематизациями. И все это лишь благодаря «правилам жанра»!

[21] Mead M. Cybernetics of Cybernetics / Purposive Systems. N.Y., 1968. P. 3.

[22] Munda G. Social Multi-Criteria Evaluation: Methodological Foundations and Operational Consequences // European Journal of Operational Research. 2004. Vol. 158. № 3. P. 662–677.

Предлагаемое решение — отказ от агрегации и обращение к логике слабой сравнимости (weak comparability). Это позволит сравнивать объекты при несоизмеримости критериев без сведения их к единой шкале. Система оценки моделей будет устроена не как индекс, а как профиль. Под профилем мы будем понимать конфигурацию позиций по независимым осям. Профиль не только вскрывает, но и позволяет работать со структурными асимметриями (например, с высокой технической детализацией при нулевой рефлексивности — типичным признаком «церемониального» форсайта). Профиль дает возможность сравнивать модели не как «лучше/хуже», а по силам и слепым пятнам. Вполне типичной будет оценка «модель А сильна по осям X и Y, тогда как модель В хороша по измерению Z». Формальный аппарат многокритериального анализа (Р. Кини — Х. Райфа, Т. Саати, В. Подиновский — В. Ногин) заимствуется нами частично. Поскольку дисциплина построения критериев и проверка согласованности применяются *внутри* каждой оси, свертка баллов *поперек* осей сознательно не производится. Без дополнительной информации о предпочтениях единственного решения, по той же логике, не существует[23]. Принципиальной оказалась и установка Г. Саймона на то, что должна оцениваться не «правильность» предсказания (его содержательную верность до реализации установить нельзя), а процедурная рациональность — «эффективность процедур, используемых для решений выбора»[24].

Четыре измерения и восемь осей

Набор устанавливаемых нами осей не произволен: он покрывает четыре фундаментальных измерения любой социальной модели будущего, по две оси в каждом. Схема на **рис. 1** отражает иерархическую структуру системы, то есть читается сверху вниз — от системы оценки в целом к четырем измерениям с их ключевыми вопросами, и далее — к восьми осям, попарно сгруппированным под своими измерениями. Внутри каждой пары первая (верхняя) ось описывает устройство (структуру), вторая (нижняя) — вектор, динамику или агентность в той же плоскости. Указание на это разделение вынесено в правую часть схемы.

Измерение содержания — критериально-аналитическая (ось 1) и нормативно-ценностная (ось 2): чем модель описывает мир и ради чего она описывает его именно так.

Измерение структуры системы — институциональная (ось 3) и акторно-коалиционная (ось 4): правила игры и действующие в них игроки.

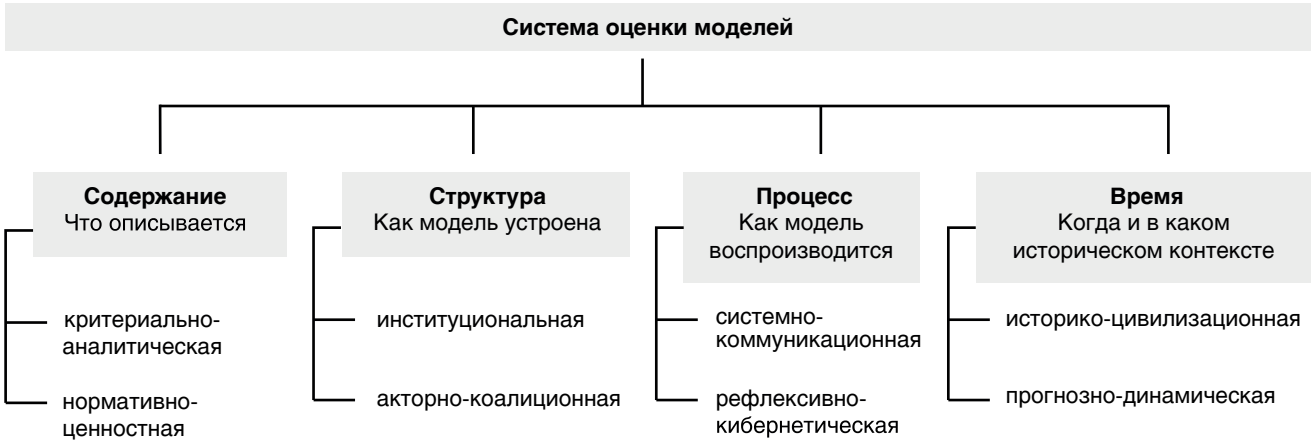
Измерение процесса воспроизводства и коммуникации — системно-коммуникационная (ось 5) и рефлексивно-кибернетическая (ось 6): коммуникативное устройство модели и ее рефлексивный контур.

Измерение времени — историко-цивилизационная (ось 7) и прогнозно-динамическая (ось 8): тип исторической логики и формальная структура времени.

[23] Подиновский В. В., Ногин В. Д. Парето-оптимальные решения многокритериальных задач. М., 2007. С. 15, 18.

[24] Саймон Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 27.

Принципиальная схема системы оценки моделей



Рисунок

Тип документа	Приоритетные оси (+ две обязательные)
Государственная стратегия	Институциональная, акторно-коалиционная
Академический форсайт	Критериально-аналитическая, прогнозно-динамическая
Идеологический текст	Историко-цивилизационная, системно-коммуникационная
Сценарный доклад	Критериально-аналитическая, акторно-коалиционная, прогнозно-динамическая
Теория изменений	Институциональная, акторно-коалиционная, критериально-аналитическая
Художественная футурология	Историко-цивилизационная, системно-коммуникационная

Таблица 1. Приоритетные оси оценивания по типам документов

Обязательные оси, доаналитический этап и принцип применимости

Обязательными при любом типе документа мы объявляем две оси. Первая — нормативно-ценностная, потому что любая модель будущего несет явное или скрытое нормативное ядро и оценка без нее воспроизводит иллюзию ценностной нейтральности. Вторая — рефлексивно-кибернетическая, потому что любая модель представляет собой наблюдение из определенной позиции, а игнорирование позиционности порождает самые опасные ошибки. Если документ не приспособлен к саморефлексии (часто это типично для государственных стратегий), он не выводится из-под оценки по этой оси, а получает по ней низкую, «слепую» координату. И такое решение следует воспринимать как содержательный диагноз, а вовсе не как отказ от анализа.

Остальные оси выбираются по принципу применимости. Оптимально работать с тремя-пятью осями: оценка по неприменимой оси производит артефакты, а не знание. Это не исключает выбора полной оценки по всем восьми осям. Однако следует иметь в виду, что она может потребовать данных, которых может не быть в документе, что создаст ложную полноту. И степень релевантности финального оценочного суждения полностью зависит от компетентности аналитика. Предполагаемый набор приоритетных осей, которые могут относиться к разным типам документов, приведен в **табл. 1**. Напоминаем лишь, что всегда добавляются две обязательные оси.

Главным итогом оценки становится не ранжирование по шкале «лучше/хуже», а диагностическая карта. Какие стороны будущего модель видит, какие упрощает, какие вытесняет, какие подменяет нормативным утверждением, а какие оставляет без позиции (амбивалентна к ним).

Для измерения координат по осям необходимы точные, но в то же время гибкие дескрипторы. Уровни по оси могут быть определены как минимум четырьмя сквозными признаками — эксплицитностью (имеет ли описание модели явное отношение к оси), степенью проработанности (раскрыты ли механизмы и различения), проблематизацией (видит и признает ли модель свои ограничения и альтернативы, оценивает ли адекватно цену по этой оси) и связностью (составляют ли элементы модели связную структуру). Шкала дескрипторов в базовом варианте может выглядеть следующим образом.

- «Слепая» — измерение отсутствует или признается несуществующим, то есть модель ведет себя так, будто оси нет или она не важна. Для двух обязательных осей «слепота» — явный характеризующий признак.
- Низкая — элементы по оси присутствуют, но имплицитны, не названы, не операционализированы. Ось не «подчинена» воле автора. Предпочтительное подается как вероятное. Отсутствует различение горизонтов, а будущее представлено как единственная линейная экстраполяция или как пророчество.
- Умеренная — критерии оси названы и частично проработаны, но видны разрывы в аргументации. Описание монологично, недостаточно проблематизировано и операционализировано. Вероятное и желательное четко разведены, но допущено смешение выводов. Модель не задает условия перехода к предпочтительному.

- Сильная — элементы явно проработаны и проблематизированы. Удерживают плюрализм (веер сценариев) и контингентность. Вероятное, возможное и предпочтительное четко разведены. Модель описывает условия и триггеры реализации предпочтительной траектории. Желаемое не выдается за неизбежное.

Воспроизводимость такой шкалы обеспечивается качеством аналитической работы и процедурой калибровки, например, посредством двойного независимого кодирования нескольких документов с разбором расхождений. Детальная настройка рубрикатора требует отдельной методической работы группы экспертов.

Предложенный профиль дает возможность измерить три важнейших регистра для описания модели будущего (желательность, вероятность и допустимость) через частные критерии, из которых складываются оси.

Первый регистр — желательность модели высчитывается прежде всего из нормативно-ценностной оси в процессе идентификации субъекта блага, иерархии ценностей, выгод и издержек для разных групп (цены вопроса).

Второй регистр, вероятность, имплицирован сразу в несколько осей: в критериально-аналитической оси вероятность будет зафиксирована через эмпирическую обоснованность и чувствительность, в институциональной оси — через устойчивость и изменчивость, в акторно-коалиционной оси — через ресурсную поддержку и ее асимметрию, а в прогнозно-динамической — через риски нелинейности и горизонты.

Третий регистр, допустимость, рассеян между категориями цены и допустимой жертвы (ценностно-нормативная ось), цивилизационной идентичности (историко-цивилизационная ось) и осознанности позиции наблюдателя (рефлексивно-кибернетическая ось). Принципиально, что допустимость работает не в виде единой шкалы, а скорее как набор «красных линий». Очевидно, что пересеченная «красная линия», будь то нарушение основополагающих прав, разрушение целостности социума или недопустимая цена мобилизации, не может быть компенсирована высокой желательностью и вероятностью модели будущего. Это еще одно подтверждение в пользу отказа от усреднений в системе оценки.

Система оценки: описание восьми осей

Ось 1. Критериально-аналитическая: структура дескриптивного аппарата

Первая ось измеряет несущую конструкцию модели — чем она описывает мир: состав и связность дескриптивного аппарата, обоснованность и проверяемость допущений, поведение модели при вариации параметров. Оценивается не правильность предсказания, а качество устройства и процедуры.

Аппарат заимствует у теории принятия решений требования к набору критериев — он должен быть «полным», «действенным», «неизбыточным» и «минимальным»[25] — но останавливается перед

[25] Кини Р. Л., Райфа Х. Принятие решений при многих критериях. М., 1981. С. 52.

финальной сверткой. В. Шляпентох фиксирует дилемму сложности и предупреждает, что «использование математических методов нередко служит эффективным прикрытием сомнительных теоретических предпосылок»[26]. Дж. Диксон дает инженерный протокол обязательных проверок и настаивает на явности допущений[27].
Координата по оси — качественная характеристика аппарата: в каких местах он проходит испытание на прочность, а где нет. Пример промежуточной формулировки итоговой оценки по оси 1: «Факторное покрытие полное, причинные цепочки связны, но допущения не имеют эмпирической опоры и не проверены на чувствительность — модель операциональна риторически, но не аналитически».

Ось 2. Нормативно-ценностная: целевой вектор содержания (обязательная)

Вторая ось измеряет, *куда* направлено описание мира — его нормативное ядро и субъект блага. Ось обязательна, потому что ценностно-нейтральной позиции для оценки социального будущего не существует.
К. Манхейм формулирует это как условие, а не дефект: «Объективность нового типа может быть достигнута не исключением оценок, а критическим их восприятием и контролированием»[28]. Русско-советская традиция формулирует это резче. А. А. Зиновьев утверждает, что «прогноз есть явление в сфере познания, а проект — в сфере практической деятельности людей», и потому «социальный проект будущего в принципе не может быть наукой»[29]. Ленинский принцип партийности обязывает «при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»[30]. Образцом высокой координаты служит «Красная звезда» А. Богданова — роман, в котором присутствуют явный идеал, названный субъект блага и бесспорно предъявленная цена (спор марсиан Стэрни и Нэтти о допустимости истребления чуждой для них — земной — жизни)[31].
С нашей акторно-коалиционной осью смыкается и борьба технобунтарей с адресным давлением коалиций у Я. Варуфакиса в романе «Another Now»[32].
Координатой здесь становится нормативный профиль модели. Результат фиксирует и позицию самого оценщика. Ось 2 не выдает «объективный» ценностный вердикт, но выявляет перспективу, из которой он вынесен, чем прямо связывается с осью 6.

[26] Шляпентох В. Э. Как сегодня изучают завтра. Современные методы социального прогнозирования. М., 1975. С. 143.

[27] Диксон Дж. Р. Проектирование систем. М., 1969. С. 124, 199, 202 – 203.

[28] Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 11.

[29] Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 499.

[30] Ленин В. И. Экономическое содержание народничества // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1958. С. 419.

[31] Богданов А. А. Красная звезда. М. – СПб., 2009. С. 183 – 184, 197.

[32] Varoufakis Y. Another Now. Dispatches from an Alternative Present. N.Y., 2020.

Критерий	Ключевой вопрос	Методическая опора
Полнота факторного охвата	Все ли значимые переменные включены?	Требование полноты и неизбыточности (Р. Кини – Х. Райфа); «Все ли существенные факторы учтены?» (Диксон); латентные переменные
Внутренняя связность	Непротиворечив ли аппарат, согласованы ли причинные цепочки?	Внутренняя непротиворечивость структур (В. Налимов); значение отношения согласованности ОС ≤ 0,10 (Т. Саати); «корреляция не доказывает причины»
Эмпирическая обоснованность	Рынок является мощной силой, но нуждается в ограничении через «позитивную экономику»	Неустойчивость данных и математика как «прикрытие» (В. Шляпентох); опасность непонятых допущений (Диксон)
Чувствительность к параметрам	Как результат меняется при изменении допущений?	Сравнительная статика, эффект весов второго порядка; проверка пределов (Диксон)
Операциональность	Можно ли на основе модели принять решение?	Критерий «действенный и измеримый» (Кини – Райфа); ретроспективная оценка (Рабочая книга по прогнозированию)

Таблица 2. Инструментарий оценки по критериально–аналитической оси

Критерий	Ключевой вопрос	Методическая опора
Идентификация субъекта блага	Для кого «хорошо» — индивид, человек как род, общество, элита?	Общество «ради индивидов» vs коллективные носители (Ф. Тейлор); человек как «самоцель истории» (И. Фролов); жизнеспособность образования (В. Щербина)
Экспликация иерархии ценностей	Какие ценности приоритетны и как упорядочены?	Свобода, равенство, взаимная выгода (Тейлор); явная иерархия «свободного труда» (А. Богданов)
Нормативная прозрачность	Отделено ли желаемое от вероятного, не замаскированы ли ценности?	Проект не есть наука (А. Зиновьев); открытая партийность vs апологетика «объективности» (В. Ленин); реляционизм (К. Манхейм)
Ценностный плюрализм	Представлены ли конкурирующие позиции, нет ли «ритуального врага»?	Критика сведения зла к одному источнику (Зиновьев); диалектика идеология — утопия (П. Рикёр)
Цена и допустимая жертва	Кто выигрывает, кто платит и каков допустимый темп перемен?	Распределительные последствия (Н. Винер); риск дегуманизации (В. Лекторский, В. Миронов); «дозирование» темпа (Щербина); этическая ответственность (С. Лем)

Таблица 3. Инструментарий оценки по ценностно–нормативной оси

Ось 3. Институциональная: структура правил и режимы

Третья ось измеряет, какую роль институты играют в механизме изменений, как модель описывает *государство, режим и правила игры.*

По Д. Норту, институты — «правила игры», снижающие неопределенность. И они принципиально отличаются от организаций-игроков[33]. А. Аузан добавляет «эффект колеи» и механизм принуждения к исполнению, относя точку первоначального выбора в России к XIV – XV вв.[34] В. Тамбовцев дает наиболее операциональный элементарный анализ института (содержание, условия, субъект, санкции, гарант, время задержки) и структурационный тезис об их двойственности. Институты — «одновременно и средство, и результат практики»[35].

А. Ахременко и А. Петров формализуют режим через «селектор» и показывают, что универсально лучшего дизайна не существует — оптимум достигается «тонкой настройкой» параметров[36]. Отсюда нежелательность моделей «чистого листа» и запрет на реификацию (овеществление) «государства» и «рынка».

Особого внимания требует правовая составляющая допустимости, которую институциональная ось в нынешнем виде охватывает частично. Дескриптивно, как «правила игры», данное условие в этой оси реализовано, но в нем недостаточно проявлена нормативная, ограничительная составляющая права. Здесь важно помнить о критичности различения целей и средств — модель будущего может декларировать законную цель, например, безопасность, развитие, технологический суверенитет, но предполагать при этом недопустимые средства, связанные с внеправовым принуждением или выборочным правоприменением. Поэтому важно отслеживать, как это различение оценивается не только в ценностно-нормативной оси, которая контролирует «цену вопроса», но и в системно-коммуникационной, где реализуется критерий производства и интерференции — ситуации, описанной Г. Тойбнером, когда чисто правовая логика, например, справедливость или права человека, вступает в противоречие с логикой экономической эффективности или технического прогресса[37].

Ось 4. Акторно-коалиционная: интересы, ресурсы и коалиции

Четвертая ось измеряет агентность. *Кто конкретно* осуществляет изменения, каковы интересы, ресурсы, коалиции и стратегии акторов? Структурная модель, оперирующая «трендами» без указания на действующих лиц, не сможет объяснить механизм изменений. Здесь нам важно опереться на тех, кто опровергает презумпцию стихийной агентности. М. Олсон обнаружил, что большая груп-

[33] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17, 19 – 20.

[34] Аузан А. Институциональная экономика для чайников. М., 2011. С. 104.

[35] Тамбовцев В. Л. О разнообразии форм описания институтов // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 109.

[36] Ахременко А. С., Петров А. П. Политические институты, эффективность, депривация: математическая модель // Полис. 2012. № 6. С. 99.

[37] Teubner G. Law as an Autopoietic System. Oxford, 1993. P. 65.

Критерий	Ключевой вопрос	Методическая опора
Тип режима	Как описаны государство и режим, однозначны ли правила?	Иерархическая vs правовая система (А. Линецкий); селектор (А. Ахременко – А. Петров); качество спецификации закона (В. Тамбовцев)
Внутренняя связность	Институты — константа или переменная, учтены ли разные темпы?	Разрыв темпов формальных и неформальных правил (Д. Норт); симбиоз/война/ вытеснение (А. Аузан)
Эмпирическая обоснованность	Как и почему меняются правила, какой компонент сдвигается?	Сдвиг компонентов A, Cn, St, M, P, G (Тамбовцев); множественные равновесия (Ахременко – Петров)
Чувствительность к параметрам	Учтены ли неформальные практики и логика легитимности?	Миф, церемониал, расцепление (Дж. Мейер – Р. Роуэн); кейс ОГАС и «лукавые цифры» (Г. Ханин)
Операциональность	Хватает ли управляющего разнообразия для режима?	Закон требуемого разнообразия и VSM — модель жизнеспособной системы (С. Бир); хищническая рента (Линецкий)

Таблица 4. Инструментарий оценки по институциональной оси

Критерий	Ключевой вопрос	Методическая опора
Картография акторов	Кто действующие лица и названы ли они конкретно?	Правители, капиталисты, низы (Ч. Тилли); подсистема вместо «учреждения» (П. Сабатье); запрет на безличные «тренды» (К. Левин)
Интересы и убеждения	Чем движимы акторы — интересом или системой убеждений?	Три уровня убеждений — ядро/ политическое ядро/вторичные (Сабатье)
Коалиционная логика	Преодолена ли проблема безбилетника?	Селективные стимулы и типы групп (М. Олсон); коалиция как «общность судьбы» (Левин)
Ресурсы и асимметрии	Кто сильнее и почему?	Капитал/ принуждение/ легитимность/ экспертиза (Тилли, Сабатье); преимущество малых групп (Олсон)
Стратегическое взаимодействие	Учтены ли ответные ходы и борьба за правила?	Стратегии изъятия (Тилли); venue shopping — торг на месте (Сабатье)

Таблица 5. Инструментарий оценки по акторно–коалиционной оси

па не действует без «селективного стимула», отсюда его вывод о системном преимуществе малых коалиций[38]. Ч. Тилли отвергает образ государства как заранее спроектированной структуры — ведь оно возникло из торга правителей с держателями ресурсов («за определенную плату они предлагали защиту против тех притеснений, которые сами же и производили»)[39]. У К. Левина мы позаимствуем некоторые положения психологии группового действия — взаимозависимость, властные констелляции и контроль «ворот» (gatekeeping)[40].

Исходя из вышеозначенного, институты в оси 4 могут быть представлены не только как структура (в отличие от оси 3), а как ставка и арена коалиционной борьбы.

Акторно-коалиционная ось в большей степени, чем другие, отвечает за реализуемость модели, поскольку даже желательная и логически стройная модель останется маловероятной, если у коалиции, участвующей в ее реализации, недостаточно ресурсов или силы асимметрично направлены против нее. Решающим становится критерий «ресурсы и асимметрии», поскольку вероятность реализации сценария выше, если коалиция — главное действующее лицо модели обладает запасами капитала, власти, легитимности и экспертизы бóльшими, чем у тех, кто может оказать сопротивление ее реализации[41].

Здесь необходимо сделать два дополнения. Первое, по М. Олсону: модель, приписывающая спонтанную активность большой латентной группе (общество, избиратели, средний класс и т.п.) без селективных стимулов, систематически завысит вероятность независимо от качества модели будущего[42]. Второе касается асимметрии: если более ресурсная коалиция удерживает статус-кво, рассматриваемый моделью переход окажется маловероятным (см. выше пример ОГАС).

Ось 5. Системно-коммуникационная: коммуникация, смыслы, легитимация

Пятая ось измеряет, как модель описывает коммуникацию, смыслы и легитимацию и как производится сам прогноз. Прогноз понимается не только как описание, но и как перформативный акт.

Теоретическое ядро задает Н. Луман, для которого первичной операцией социального является коммуникация, а не действие индивида[43]. Один и тот же будущий объект есть одновременно политический риск, экономическая возможность, правовая неопределенность и медийный нарратив, и модель тем выше, чем лучше она различает эти коды.

[38] Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995. С. 32 – 33, 46.

[39] Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990 – 1992 гг. М., 2009. С. 20.

[40] Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000. С. 211.

[41] Sabatier P. A. An Advocacy Coalition Framework of Policy Change and the Role of Policy-Oriented Learning Therein // Policy Sciences. 1988. Vol. 21. No. 2/3. P. 143.

[42] Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995. С. 32 – 33.

[43] Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 194 – 195, 204.

Критерий	Ключевой вопрос	Методическая опора
Медийная среда	Как описана роль медиа и публичного дискурса?	Коммуникация как первичная операция (Н. Луман); речь как организационный акт (Богданов)
Легитимация и нарратив	Какой нарратив легитимирует образ будущего?	Бинарные коды подсистем (Луман); авторитет как «идеологический скелет» (Богданов)
Перформативность	Осознает ли модель, что сама влияет на будущее?	Успешное описание меняет предмет (Луман); идеал организует коллектив (Богданов); самосбывающееся пророчество (П. Ватцлавик)
	Для кого прогноз и в каких кодах он осмыслен?	Перевод будущего на коды подсистем (Луман); конъюгация переживаний (Богданов)
Производство и интерференция	Кто заказчик, как прогноз пересекается с другими системами?	Интерференция и структурное сопряжение (Г. Тойбнер); репрезентативный подбор (Богданов)

Таблица 6. Инструментарий оценки по системно–коммуникационной оси

Критерий	Ключевой вопрос	Методическая опора
Рефлексия допущений	Перечислены ли ключевые допущения и различения явно?	Названы базовые различения (Луман); «удвоение» знания (В. Бажанов)
Позиция наблюдателя	Осознана ли позиция авторов или выдается за объективную?	«Все, что сказано, сказано наблюдателем» (Х. фон Ферстер); постобъективность (Н. Даниелян); зависимость от наблюдателя (У. Эшби)
Работа с неопределенностью	Как модель обращается с неопределенностью и точностью?	Принцип несовместимости (Л. Заде); типы неясности (Р. Ягер, К. Танака)
Петля прогноза	Учитывает ли модель, что прогноз меняет предсказанное?	Теорема Томаса (Р. Мертон); эдипов эффект (К. Поппер)
Фальсифицируемость и самокоррекция	Можно ли опровергнуть модель, есть ли механизм пересмотра?	Обучение вместо пророчества (Луман); разрыв круга через институты (Мертон)

Таблица 7. Инструментарий оценки по рефлексивно–кибернетической оси

Российско-советскую опору дает тектология А. Богданова. Согласно ей, «речь есть организационное орудие социальной жизни», идеологии суть «дегрессивные, скелетные» формы, а идеал-прогноз перформативен — он «организует коллектив»; при этом «субъектом» социальных идеалов является «не индивидуум, а сословие, группа, класс»[44]. Богданов дает оси то, чего нет у Лумана, — тезис о классовом субъекте за коммуникацией.

Успешное описание модели будущего меняет то, что оно описывает, то есть модель — это не зеркало, а вмешательство. Н. Луман так определяет перформативность модели: «Если коммуникация теории общества оказывается коммуникативно успешной, она изменяет описание ее предмета и, тем самым, предмет, вбирающий в себя это описание»[45]. Но если прогноз активно воздействует на реальность, то позицию, из которой он сделан, нельзя считать нейтральной.

Ось 6. Рефлексивно-кибернетическая: позиция наблюдателя (обязательная)

Шестая ось измеряет не то, *что* модель говорит о будущем, а *может ли она увидеть собственный способ наблюдения*. Иными словами, как она производит «оценку оценки».

Выбранное нами теоретическое ядро — это кибернетика второго порядка Х. фон Ферстера. Поскольку «все, что сказано, сказано наблюдателем», попытка вынести наблюдателя за скобки неизбежно порождает «слепое пятно»[46]. Контур «прогноз — поведение — исполнение прогноза» описан через самосбывающееся пророчество Р. Мертона (развитие теоремы Томаса)[47] и «эдипов эффект» К. Поппера. На этих двух столпах стоит различение безусловного пророчества и условного технологического предсказания, а также вывод, что «точный и детальный календарь социальных событий есть идея самопротиворечивая»[48]. Л. Заде формулирует «принцип несовместимости», согласно которому за порогом сложности «точность и практический смысл становятся почти исключающими друг друга характеристиками»[49]. Советская кибернетическая школа также дает собственный язык рефлексии: В. Бажанов описывает «удвоение» знания на объектное и метатеоретическое[50].

Из вышеперечисленных условий следует, что документ, не приспособленный к саморефлексии, получит по оси 6 низкую, «слепую» координату. А высокую — тот, что эксплицирует позицию наблюдателя, различает типы неопределенности и работает со степенями принадлежности вместо ложных бинарностей.

[44] Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. Кн. 2. Л.; М., 1927. С. 77, 81, 86, 163, 171.

[45] Луман Н. Предисловие // Луман Н. Общество общества. Т. 1. М., 2011. С. 13.

[46] Foerster H. von. Understanding Understanding. Essays on Cybernetics and Cognition. N.Y., 2003. P. 283–284.

[47] Merton R. K. The Self-Fulfilling Prophecy // The Antioch Review. 1948. Vol. 8. № 2. P. 193.

[48] Поппер К. Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 21.

[49] Заде Л. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений // Заде Л., Шубик М. Математика сегодня. М., 1974. С. 7.

[50] Бажанов В. А. Кибернетика и диалектика современного научного познания // Известия высших учебных заведений. Сер.: Математика. 1981. № 5. С. 5.

Критерий	Ключевой вопрос	Методическая опора
Горизонт и глубина	Не путает ли модель конъюнктуру со структурой?	Три времени и longue durée (Ф. Бродель); «живое прошлое»
Тип исторической логики	Линейная, циклическая, цивилизационная, мир-системная?	Вызов-и-ответ (У. Тойнби); множественные модерности (Ш. Эйзенштадт)
Исторические аналогии	Корректны ли сравнения без механического повтора?	Смена гегемоний (Дж. Арриги); «очищение» закономерностей (клиодинамика)
Место в мир–системе	Помещена ли картина в структуру ядра/периферии и фазу цикла?	Ядро/периферия, кондратьевские циклы (И. Валлерстайн); советская модель как форма глобализации (Й. Арнасон)
Цивилизационная идентичность	Блок или подвижная конфигурация?	«подвижный лабиринт цивилизаций» (Арнасон); «семейства обществ» (Э. Дюркгейм, М. Мосс)

Таблица 8. Инструментарий оценки по историко–цивилизационной оси

Критерий	Ключевой вопрос	Методическая опора
Горизонты и их различение	Не смешаны ли прогноз, стратегия и история?	«Опыт» vs «ожидание» (Р. Козеллек); вероятное/возможное/предпочтительное (Дж. Урри); «пунктирное время» кризиса (О. Подлесных, В. Тишков)
Темпы и ускорения	Учитывает ли модель скорость и ее изменение?	Три типа ускорения (Х. Роза); режим с обострением (Е. Князева – С. Курдюмов); уплотнение времени (А. Субетто)
Нелинейность и переломы	Заложены ли бифуркации и фазовые переходы?	«Ситуативно-линейная» модель (А. Назаретян); смена режима (П. Мейсон)
Триггеры и циклы	Названы ли спусковые механизмы и циклическая компонента?	Вековые циклы (С. Нефедов – П. Турчин); длинные волны Кондратьева; цикл Жюгляра
Горизонт предсказуемости	Признает ли модель пределы предсказания и веер сценариев?	Горизонт предсказуемости (Князева – Курдюмов); калибровочная скромность vs «ежиная» системность (Ф. Тетлок)

Таблица 9. Инструментарий оценки по прогнозно–динамической оси

В продолжение обсуждения феномена перформативности, в оси 6 мы фиксируем несостоятельность ложной объективности, иначе — требование вынести свойства наблюдателя из описания. Поэтому было введено понятие «слепого пятна», используемое в числе дескрипторов системы оценки. Мы не видим того, чего нам не показывают в описании модели. Это одна из причин обязательности рефлексивно-кибернетической оси. Модель будущего не может выдавать собственное самоописание за внешнее объективное знание и использовать вызванные ею события (результат перформативного воздействия) в качестве доказательства своей правоты — иначе она будет нерефлексивной, по определению.

Ось 7. Историко-цивилизационная: глубина и тип исторической логики

Седьмая ось измеряет, *на какой исторической глубине* и в какой логике времени мыслит модель. Укоренена ли она в долгих структурах или принимает текущую конъюнктуру за структуру, которой модель руководствуется?

Базовое различение задает Ф. Бродель с его тремя временами (событие, конъюнктура, структура — longue durée) и тезисом, что «цивилизация — это всегда живое прошлое»[51]. Смещает единицу анализа на мир-систему И. Валлерстайн, и он же настаивает на открытости будущего в точке бифуркации, где «прогресс является вероятностью, он не предопределен»[52].

Отечественная линия дает формальный механизм долгого цикла — вековые циклы С. Нефедова и П. Турчина[53], «перепроизводства элиты» и банкротства государства как структурных узлов траектории»[54]; цивилизационно-циклическую периодизацию Ю. Яковца, чей главный диагностический ход — отличать «временный шок (санкции, кризис 2008 г.) от смены долгосрочного тренда»[55].

Сквозной фильтр оси 7 — антидетерминизм. Долгая структура задает рамку, но не диктует исход.

Ось 8. Прогнозно-динамическая: время, темпы и переломные точки

Восьмая ось измеряет, как модель будущего *обращается со временем.* Различает ли модель горизонты (прогноз, стратегия, история), видит ли темпы, ускорения, нелинейности и переломные точки, либо она мыслит будущее как линейное продолжение настоящего. Граница с осью 7 проводится не по масштабу, а по типу темпоральности. И если ось 7 фиксирует содержательную форму историче-

[51] Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 54.

[52] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 128.

[53] Turchin P., Nefedov S. Secular cycles. Princeton, 2009. P. 4.

[54] Турчин П. В. Эмпирические закономерности в исторической динамике: Вековые циклы. С. 1–2. URL: https://web.archive.org/web/20130902044549/http://cliodynamics.info/PDF/GenRegs_Rus.pdf (дата обращения: 10.06.2026).

[55] Яковец Ю. В. Новое видение истории, теории и будущего цивилизаций на территории России: научный доклад. М., 2018. С. 30.

ского движения, то ось 8 — формальную структуру его времени. Центр оси задает синергетика.

А. Назаретян называет модель, недооценившую «градиент нелинейности», «ситуативно линейной». И предупреждает, что именно этим страдает большинство глобальных прогнозов[56]. Е. Князева и С. Курдюмов вводят «горизонт предсказуемости» и провозглашают «не фатум, а открытость будущего»[57]. Тот факт, что в кризисе защитные механизмы «сужают диапазон рассматриваемых сценариев», установлен Т. Нестиком. Им же показано, что отдельные методы прогнозирования, в частности форсайт, дают не картинку будущего, а «символические орудия для его непрерывного конструирования»[58]. Дж. Урри различает три типа будущего — вероятное, возможное и предпочтительное, предупреждая, что «предпочтительное в итоге может оказаться наименее вероятным»[59].

Опираясь на различение Бестужевым-Ладой поискового и нормативного прогноза и триаду Урри «вероятное — возможное — предпочтительное», ось 8 способна отличить, выдает ли модель желательное будущее за вероятное. Слабые прогнозы появляются из-за подмены желаемого образа статусом неизбежного. Прогнозно-динамическая ось действительно отвечает за оценку вероятности в темпоральном ключе (как, когда, с какой вероятностью). Но есть и другие полюса различения вероятностного аспекта — рефлексивный (ось 6) и нормативный (ось 2).

Здесь важно обратить внимание на одно продуктивное противоречие. Высокая системность модели (сила по оси 6) не есть гарантия точности прогноза. Эмпирическая находка Ф. Тетлока состоит в обнаружении связных, присущих так называемым ежам картин мира, коррелирующих с худшей калибровкой[60]. Эта находка заставляет поддерживать рефлексивную зрелость и калибровочную скромность как две раздельные координаты.

Иллюстрации: применение системы оценки к моделям будущего

Демонстрацию валидности разработанной системы оценки мы проведем на примере трех разнотипных моделей: государственного стратегического документа, академического форсайта и экспертной модели. Поскольку поперечная агрегация не производится, для наглядности профиля рядом с каждой осью приведена краткая качественная характеристика по разработанной системе дескрипторов с необходимыми комментариями (а не сводимый в индекс балл).

[56] Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М., 2013. С. 32.

[57] Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М., 2007. С. 9, 156.

[58] Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. М., 2025. С. 10, 13.

[59] Урри Дж. Как выглядит будущее? М., 2018. С. 27.

[60] Tetlock P. E. Expert Political Judgment: How Good Is It? How Can We Know? Princeton, 2005. P. 161.

Случай 1. Государственная стратегия: Указ о национальных целях развития РФ

В документе[61] заложена модель будущего России как суверенного, социально ориентированного, технологически самостоятельного и «цифрово» управляемого государства. Фактически это нормативно-целевой управленческий контур, а не прогноз в строгом смысле. Профиль вскрывает характерную для государственной стратегии асимметрию. Обнаружено ожидаемое предельно сильное и явно выраженное нормативное ядро при нахождении рефлексивной координаты в «слепой зоне». Здесь необходимо подчеркнуть, что объектом оценки выступает не Указ как текст, а встроенная в него нормативно-инструментальная модель, реконструируемая из структуры его целей и целевых показателей в соответствии с описанной выше процедурой для государственных стратегий.

Документ хорошо отвечает на вопросы «Какого будущего хочет государство?» и «По каким показателям оно будет измеряться?». Заметно слабее позиции модели при ответах на вопросы «Кто и почему может сопротивляться?» и «Что делать при отклонении от траектории?».

Низкая рефлексивная координата здесь — не упрек, а содержательный результат, заключающийся в том, что жанр государственной стратегии претендует на тот уровень объективности, которой сама стратегия достигнуть не может.

Оценивая модель по критериям допустимости, следует отметить, что красные линии ожидаемо не пересекаются ни по правовым, ни по этическим измерениям, так же, как и по измерению «цены». Во-первых, акт издан в рамках конституционных полномочий, цели правомерны; риски могут быть зафиксированы только на уровне реализации целей, вертикальной концентрации управления и отсутствии независимого контроля. Во-вторых, модель согласована с традиционными ценностями, приоритетом интересов человека и социальной справедливости; оговорка связана с монологичностью описания. В-третьих, и это является главным дефицитом по регистру допустимости, обращает на себя отсутствие описания последствий, цены мобилизации и темпов реализации модели. За рамками документа осталось описание нагрузки на регионы, бюджеты и отдельные группы населения при движении к обозначенным демографическим, технологическим и инфраструктурным целям.

Случай 2. Академический форсайт: модель развития стран БРИКС

В книге[62] реконструируется модель будущего как глобальная конвергенция мир-системы. Авторы «ловят момент», когда эпоха «великой дивергенции» сменяется «великой конвергенцией». БРИКС выступает потенциальным полюсом перестройки мировой динамики на восходящей фазе нового кондратьевского цикла. Профиль типичен для сильного академического форсайта.

[61] Указ Президента РФ о национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 12.06.2026).

[62] Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. М., 2014.

Ось	Координата (диагноз)
Нормативно–ценностная (обязат.)	Сильная: ядро предельно явно — суверенитет, традиционные ценности, приоритет человека. Ограничения — монологичность, цена не названа
Институциональная	Сильная: проработанный управленческий контур, нацпроекты, мониторинг; преимущественно вертикальная
Системно–коммуникационная	Умеренная: цифровой контур управления, межсекторная связка целей описаны; перформативность и адресат не отрефлексирован
Акторно–коалиционная	Сильная: ядро предельно явно — суверенитет, традиционные ценности, приоритет человека. Ограничения — монологичность, цена не названа
Рефлексивно–кибернетическая (обязат.)	Слепая: позиция выдается за объективную, условия пересмотра модели не заданы
Прогнозно–динамическая	Умеренная: есть сроки и этапы, но нет альтернативных сценариев и развилок

Таблица 10. Результаты оценки Указа о национальных целях развития РФ

Ось	Координата (диагноз)
Критериально–аналитическая	Сильная: долгосрочное матмоделирование, эндогенный рост, работа с данными
Историко–цивилизационная	Сильная: развитая историко-мир-системная рамка
Прогнозно–динамическая	Сильная: долгосрочная динамика, кондратьевские циклы, горизонт до 2050 г.
Акторно–коалиционная	Умеренная: БРИКС как макроактор раскрыт, внутренняя коалиционная карта ограничена
Нормативно–ценностная (обязат.)	Низкая: ценности имплицитны («развитие», «конвергенция» приняты как самоочевидные)
Рефлексивно–кибернетическая (обязат.)	Умеренная: есть сценарность и проверяемость, но мало рефлексии позиции модели

Таблица 11. Результаты оценки модели развития стран БРИКС

Стоит предупредить, что мы не проводим оценку в рамках текущего контекста 2026 года, а оцениваем качество модели. Наш диагноз: модель сильна там, где государственная стратегия слаба (аналитический аппарат и временна́я динамика), и наоборот — слабее по нормативной экспликации, запрос на которую, на наш взгляд, артикулировался международным контекстом того периода. Ретроспективная проверка проводится здесь в соответствии с различением Г. Саймона (см. раздел Обоснование системы оценки): оцениваем не содержательную рациональность (сбылось/не сбылось), а рациональность процедуры (насколько модель проверяема). Поэтому она проведена не с целью вынесения вердикта (была ли модель права или неправа), а какой критерий процедуры дал сбой. Мы видим, что нормативно-ценностная составляющая представляет собой слабое звено этой модели — интересы «макроактора» в ней не раскрыты. Гетерогенность позиций по акторно-коалиционной оси также не усилила модель.

Сопоставление двух профилей и есть преимущество метода. Оно показывает, не «какая модель лучше», а какую сторону будущего каждая из них делает предметом анализа, а какую принимает как самоочевидную.

Случай 3. Программно-нормативный текст: технологический суверенитет

Текст В. В. Иванова[63] — не развернутая сценарная модель, а нормативно-институциональная рамка технологического суверенитета, где базовым институтом развития объявлена фундаментальная наука. Профиль показывает сильный ценностно-институциональный вектор при слабой проверяемости. Понятие технологического суверенитета не операционализировано (нет пороговых показателей), акторные конфликты не раскрыты, отсутствуют контуры обратной связи и условия пересмотра.

Для превращения в полноценную модель будущего тексту недостает системы индикаторов, карты акторов, сценариев перехода и механизма корректировки — что прямо считывается как низкие координаты по осям 1, 4 и 6 при высоких по осям 2 и 3. И нам известно, что у автора есть другие работы, где данные пробелы исключены[64].

Перспективы и ограничения метода

Перспективы метода связаны прежде всего с тем, что он смещает фокус экспертизы с вопроса «Какое будущее нас ожидает?» на вопросы «Каким образом производится знание о будущем?» и «Какую деятельность это знание делает возможной?». Это позволяет:

— применять единый аппарат к разнородным носителям — от государственных стратегий до художественной футурологии;

— выявлять структурные асимметрии, недоступные рейтинговым схемам;

[63] Иванов В. В. Технологический суверенитет как фактор стратегического развития // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 7-й Междунар. конф. М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2024. С. 33 – 37.

[64] Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука. М., 2023.

— сравнивать модели внутри класса;
— диагностировать «церемониальные» форсайты.

В перспективе сформированный нами профиль также может быть использован для институционализации экспертизы прогнозных проектов, на необходимость которой указывает доклад «Циркона — Горизонта».

Метод применим и к моделям, порождаемым искусственным интеллектом. В частности, рефлексивно-кибернетическая ось прямо распространяется на «операционально замкнутые» интеллектуальные системы.

Ограничения метода также существенны и вполне очевидны. Попробуем их систематизировать.

Во-первых, оценка остается экспертной и качественной. Координаты по осям — это аргументированные суждения, а не измерения, и их воспроизводимость зависит от квалификации аналитика и четкости процедуры.

Во-вторых, информация о модели может быть разнесена по разным документам (например, стратегия — на бумаге, целевые показатели и ценностные установки — в устном выступлении министра), что затрудняет полноту реконструкции.

В-третьих, отказ от агрегации гарантированно защищает нас от ложной взаимной компенсации шкал оценивания, но при этом лишает метод удобства единого вердикта. Профиль требует интерпретации, а не прямого считывания, к чему готовы далеко не все. Таким образом, для применения нашего метода понадобится не только воля, но и определенные интеллектуальные навыки.

В-четвертых, извлечение модели из документа-носителя еще до проведения анализа само является исследовательской процедурой со всеми вытекающими рисками.

Наконец, в-пятых, как показывает противоречие Тетлока, высокая системность модели не гарантирует точности прогноза.

Поскольку предлагаемый нами метод оценивает процедурную рациональность и устройство модели, он не подменяет собой практику как конечный критерий ее истинности.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что модели будущего нельзя рассматривать как нейтральные описания возможных состояний общества. Модели задают рамки нормальности и допустимые формы субъектности. Поэтому вопрос об их качестве оказывается не столько методологическим, сколько социально-политическим. Слабые модели не просто ошибаются в прогнозах, но и заметно сужают коридор наших возможностей — либо легитимируют сделки за гранью нормативных допущений.

Главная мысль настоящей статьи состоит в том, что оценивать следует не сценарии как тексты, а модели как структуры. Сценарию дозволено быть выразительным и правдоподобным, оставаясь при этом весьма слабым инструментом анализа. Модель же должна реконструировать внутреннюю архитектуру образа будущего — значимые факторы, тип причинности, субъекта действия, встроенные ценности, институты перехода и риски, остающиеся за пределами видимости.

Вторая находка статьи — основания для критики оценки по критерию правдоподобия. Правдоподобие чаще является риторическим, а не эпистемическим эффектом.

Третья находка состоит в выявлении нереализованного потенциала советской прогностической, системно-аналитической и кибернетической традиции. Эта традиция содержит важные элементы будущей системы оценки, но еще не доведена до устойчивой культуры оценки моделей.

Основной элемент предлагаемой нами новизны — это многомерный профильный подход с принципиальным отказом от единого итогового балла и с восемью независимыми осями, две из которых (нормативно-ценностная и рефлексивно-кибернетическая) обязательны. Такой подход позволяет рассматривать будущее не как объект пассивного ожидания, а как пространство ответственного проектирования, критической рефлексии и коллективного действия. В условиях, когда поле российской футурологии остается слабо связанным, а прогнозы и форсайты нередко выполняют церемониальную функцию, системная оценка моделей будущего может стать не только исследовательским инструментом, но и способом повышения качества общественного и управленческого разговора о будущем.

Список литературы

1. Аузан А. А. Институциональная экономика для чайников. М., 2011.

2. Ахременко А.С., Петров А.П. Политические институты, эффективность, депривация: математическая модель перераспределения политического влияния // Полис. Политические исследования. 2012. № 6. С. 81 — 100.

3. Бажанов В. А. Кибернетика и диалектика современного научного познания // Известия высших учебных заведений. Сер.: Математика. 1981. № 5. С. 3 — 8.

4. Бестужев-Лада И. В. Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества. М., 1984.

5. Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование. Цикл лекций. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/3019/3021#2.9 (дата обращения: 04.04.2026).

6. Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. М., 1974.

7. Богданов А. А. Красная звезда. М. — СПб., 2009.

8. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. Кн. 1 — 2. Л. — М., 1925 — 1927.

9. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.

10. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

11. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М., 1988.

12. Варуфакис Я. Технофеодализм: что убило капитализм. М., 2025.

13. Даниелян Н. В. Актуальность кибернетики второго порядка Х. фон Ферстера для современной эпистемологии // Вестник СамГТУ. Сер.: Философия. 2026. Т. 8. № 1. С. 66 — 76.

14. Диксон Дж. Р. Проектирование систем. М., 1969.

15. Заде Л. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений // Заде Л., Шубик М. Математика сегодня. М.: Знание, 1974. С. 5 — 49.

16. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006.

17. Иванов В. В. Технологический суверенитет как фактор стратегического развития // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 7-й Международной конференции. М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2024. С. 33 — 37.

18. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука. М., 2023.

19. Кини Р. Л., Райфа Х. Принятие решений при многих критериях. М., 1981.

20. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М., 2007.

21. Лада И. В., Писаржевский О. Н. Контуры грядущего. М., 1965.

22. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.

23. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1958.

24. Линецкий А. И. Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 152—170.

25. Луман Н. Общество общества. Т. 1—2. М., 2011.

26. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.

27. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

28. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М., 2016.

29. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. М., 2013.

30. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М., 1979.

31. Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. М., 2025.

32. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

33. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.

34. Подиновский В. В., Ногин В. Д. Парето-оптимальные решения многокритериальных задач. М., 2007.

35. Поппер К. Р. Нищета историцизма. М., 1993.

36. Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982.

37. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М., 1993.

38. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран

БРИКС в контексте мировой динамики. М., 2014.

39. Саймон Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 16 — 38.

40. Стрюкова Е. П. Проект общегосударственной автоматизированной системы: история разработки и внедрения // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург, 2009. С. 36 — 43.

41. Тамбовцев В. Л. О разнообразии форм описания институтов // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 107 — 118.

42. Теория прогнозирования и принятия решений: учеб. пособие. М., 1977.

43. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990 — 1992 гг. М., 2009.

44. Турчин П. В. Эмпирические закономерности в исторической динамике: Вековые циклы. URL: https://web.archive.org/web/20130902044549/http://cliodynamics.info/PDF/GenRegs_Rus.pdf (дата обращения? 09.08.2026).

45. Урри Дж. Как выглядит будущее? М., 2018.

46. Хайлов К. М. Принципы системного исследования и конкретная биология. Системные исследования. Методологические проблемы: ежегодник 1979. М., 1980. С. 128 — 139.

47. Шляпентох В. Э. Как сегодня изучают завтра. Современные методы социального прогнозирования. М., 1975.

48. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997.

49. Яковец Ю. В. Новое видение истории, теории и будущего цивилизаций на территории России: научный доклад. М., 2018.

50. Eisenstadt S. Multiple Modernities // Dædalus. 2000. Vol. 129, № 1. P. 1 — 29.

51. Foerster H. von. Understanding Understanding. Essays on Cybernetics and Cognition. N.Y., 2003.

52. Lauer A., de Castro C., Carpintero Ó. Between continuous presents and disruptive futures // Futures. 2024. Vol. 163.

53. Mead M. Cybernetics of Cybernetics / Purposive systems: proceedings of the first annual symposium of the American Society for Cybernetics. N.Y., 1968. P. 1 — 11.

54. Merton R. K. The Self-Fulfilling Prophecy // The Antioch Review. Summer, 1948. Vol. 8. №. 2 (Summer, 1948), P. 193 — 210.

55. Munda G. Social Multi-Criteria Evaluation // European Journal of Operational Research. 2004. Vol. 158. № 3. P. 662—677.

56. Sabatier P. A. An Advocacy Coalition Framework of Policy Change // Policy Sciences. 1988. Vol. 21. P. 129—168.

57. Tetlock P. E. Expert Political Judgment: How Good Is It? How Can We Know? Princeton, 2005.

58. Teubner G. Law as an Autopoietic System. Oxford, 1993.

59. Turchin P., Nefedov S. Secular Cycles. Princeton, 2009.

60. Varoufakis Y. Another Now. Dispatches from an Alternative Present. N.Y., 2020.

Образы будущего в российском обществе: направления и результаты эмпирических исследований

ORCID: 0000-0003-2500-6356
E-mail: ntonina@mail.ru

Антонина Владимировна Селезнева

Доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории российской государственности факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Dr.Sc. (Political Science), Professor, Department of History and Theory of Russian Statehood, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-6691-5372
E-mail: smulkina@mail.ru

Наталья Валентиновна Смулькина

Кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Cand.Sc. (Political Science), Associate Professor at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

DOI: 10.67139/3033-8301.2026.2.2.006

Аннотация

В статье предпринята попытка рассмотреть представленные в научной литературе материалы политологических, социологических и психологических исследований образов будущего, реализованные в последние пять лет авторитетными специалистами и экспертными группами. Были проанализированы основные направления и методы исследований, отмечены их возможности и ограничения. В ходе обобщения результатов рассматриваемых исследований были определены ключевые особенности восприятия будущего в российском обществе. В работе обсуждается проблема необхо-

димости изучения образа будущего силами социогуманитарной науки и политической практики, важность поиска и разработки социально-философских и политико-психологических оснований для его эмпирического исследования. Анализ исследований показал, что сегодня образ будущего в значительной степени зависит от неустойчивости психологического состояния общества, его чувствительности к событийному контексту. Субъектные факторы восприятия будущего в наибольшей степени определяют привлекательность и конгруэнтность формируемых на уровне массового сознания образов. Эмпирические исследования социального и политического восприятия будущего имеют методологические ограничения, обусловленные проблемами триангуляции, сочетания качественных и количественных техник сбора и анализа данных, при работе как с региональными кейсами, так и с общенациональными выборками. Сложность и динамичность образа будущего обязывает рассматривать как его содержательное наполнение, так и структурные особенности. Многовариантность формируемого конструкта образа, зависимого от характеристик сообществ, репрезентирующих его, может быть эффективно учтена при изучения образа будущего как сценария (как ожидаемого, так и желаемого обществом). В данный момент эта исследовательская стратегия пока находится на стадии методологической разработки и в отечественной социально-гуманитарной науке активно развивается в междисциплинарной области исследований социальной архитектуры.

Ключевые слова

Образ будущего, образ страны, сценарии развития страны, факторы восприятия будущего, политическое восприятие, социальные представления, политические ожидания, социальные исследования, количественные методы исследования, качественные методы исследования.

Abstract

The article attempts to examine the materials of political science, sociology and psychological studies of images of the future presented in the scientific literature, carried out over the past five years by authoritative specialists and expert groups. The main research areas and methods were analyzed, and their potential and limitations were highlighted. By summarizing the results of these studies, key features of Russian society's perception of the future were identified. The paper discusses the need to study the image of the future using social science, humanities, and political practice, as well as the importance of identifying and developing socio-philosophical and political-psychological foundations for its empirical study. An analysis of the research revealed that today's image of the future is largely dependent on the instability of society's psychological state and its sensitivity to the context of events. Subjective factors in the perception of the

future largely determine the attractiveness and congruence of images formed at the level of mass consciousness. Empirical studies of social and political perceptions of the future have methodological limitations stemming from issues of triangulation—combining qualitative and quantitative data collection and analysis techniques—when working with both regional cases and national samples. The complexity and dynamism of the image of the future necessitates consideration of both its substantive content and structural features. The multivariate nature of the emerging image construct, dependent on the characteristics of the communities representing it, can be effectively taken into account when studying the image of the future as a scenario (both expected and desired by society). Currently, this research strategy is only in the methodological development stage and is actively developing in the interdisciplinary field of social architecture research in Russian social sciences and humanities.

Keywords

Image of the future, image of the country, scenarios for the country's development, factors of perception of the future, political perception, social representations, political expectations, social research, quantitative research methods, qualitative research methods.

Общая характеристика направлений исследования образа будущего

Исследование образа будущего в современных условиях социально-политических трансформаций, внешнеполитических вызовов и цивилизационных столкновений становится все более актуальным и значимым. К настоящему времени российские исследователи подготовили большое количество научных работ на эту тему. Часть из них опирается на богатый эмпирический материал и заслуживает внимательного рассмотрения и осмысления. В данной статье мы предпринимаем попытку сделать обзор наиболее крупных и обсуждаемых в научной среде проектов, по которым подготовлены научные публикации и доклады на важнейших российских конференциях последних пяти лет. Объем статьи не позволяет детально рассмотреть каждую ценную работу, поэтому затронуты лишь наиболее популярные сегодня исследовательские векторы и сделаны замечания о любопытных тенденциях изучения образа будущего.

Прежде всего следует отметить, что образ будущего может быть рассмотрен как многосоставный конструкт и массового сознания, и общественного дискурса. Нас интересовал аспект формирования образа будущего на уровне массового сознания; эта тема весьма популярна в социально-гуманитарных исследованиях наших дней, так как попадает в поле интересов множества общественных наук, социологии, культурологии, социальной психологии и политической

науки. Методологические наработки этих дисциплин здесь весьма успешно дополняют друг друга. Так, например, политические исследователи рассматривают образ будущего, выделяя рациональные и неосознаваемые концепты восприятия будущего[1]; они признают эмоциональный компонент образа в некоторых случаях наиболее влиятельным. Образ будущего трактуют чаще всего как феномен пространства субъективного. И для социологов, и для политологов значимы характеристики, связанные с особенностями воспринимающей стороны (индивидов, групп, общества в целом)[2]. Неудивительно, что изучение восприятия будущего в контексте меняющегося психологического состояния общества уже признано междисциплинарным исследовательским направлением. Предметно здесь в фокусе внимания находятся прежде всего влияющие на восприятие будущего ценностные ориентации и установки, преобладающие в обществе, поколенческие расколы восприятия, связанные со сменой условий социализации советской и постсоветской России[3].

Идеологическая дифференциация, связанная с реакциями общества на произошедшие в последние годы внешнеполитические события и социально-экономические изменения в стране, актуализирует вопрос идеологических ориентаций граждан, способных оказывать влияние на формирование различающихся образов будущего[4]. Исследователи здесь обращаются как к традиционным концептам идеологий, так и к гибридным ценностно-мировозренческим конструктам-дихотомиям[5]. Содержательное наполнение образов будущего страны соотносится с электоральными ориентациями, оценками и перспективами трансформации или сохранения политического курса, с оценками легитимности политической власти, национального лидера, важнейших политических институтов. В последние годы особое внимание уделяется феномену государственности[6], и проявление государственной субъектности в ожиданиях изменений в будущем, на наш взгляд, заслуживает внимания исследователей. Перспективным смежным научным направлением здесь видится и изучение проявленности образа будущего (как личного, так и национального) в структуре национально-государственной идентичности[7].

[1] Шестопал Е. Б., Рогач Н. Н. Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 45—61.

[2] Коленникова Н. Д. Образы «России будущего» в представлениях граждан. Социологические исследования. 2023. № 10. С. 91—103; Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Образ будущего страны в восприятии различных групп российского общества // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 39—49.

[3] Усманова З. Р., Смулькина Н. В. Образ будущего страны в представлениях российских граждан: по результатам исследования 2024 года // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20. № 1. С. 11—30.

[4] Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып. 1. С. 101—107.

[5] Шавлохова А. А., Терлецкий В. А., Зиброва Е. В. Образ будущего в формировании ценностей молодежи: идеологемы, транслируемые в социальных сетях (на примере российских и белорусских блогеров) // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2023. № 3. С. 20—29.

[6] Помигуев И. Государство как основной актор формирования образа будущего // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2025. № 21. С. 74—91.

[7] Башмаков И. С. Гражданская идентичность и образ будущего новых граждан России: факторы и перспективы формирования [Электронный ресурс] // Черноморско-средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала первой мировой

Продолжая тему значимости самоидентификации в процессе формирования представлений о будущем, нельзя не затронуть пространственный аспект изучения образа страны в темпоральном измерении. Российский федерализм и поликультурность, несомненно, делают интересной для изучения тему складывания коллективного образа будущего с учетом региональной специфики, идентичности. Исследования столичных жителей более популярны из-за их доступности для ведущих научных исследовательских центров. Все чаще ученые обращаются к региональным особенностям восприятия страны и её будущего, оперируя региональными кейсами, и даже делают попытки изучать феномен пограничности и периферии[8]. В последнее время отдельным значимым направлением исследования стало изучение формирования образов будущего в новых регионах[9], где национально-государственная идентичность находится еще только на стадии становления.

Образ будущего, сформированный у российской политической элиты, — отдельный вектор исследований последних лет. Рассматриваются ориентации на будущее страны в высказываниях политических деятелей, в предвыборных агитационных материалах, партийных документах[10]. Прежде всего исследователей здесь интересуют точки соприкосновения и, наоборот, лакуны в коммуникации общества и власти, характер интеграции смыслов и символов коллективных образов и образов транслируемых. Их обнаружение позволит говорить о перспективах использования такого конструкта, как образ будущего, в государственной информационной и символической политике. Образ исследуется именно в контексте социального конструирования все активнее и трактуется сквозь призму специфики политической социализации, трансляции элитами образа страны во внешнеполитическом и внутриполитическом контексте[11]. Информационные войны, сопровождающие внешнеполитические противоречия последних лет, актуализируют исследования образов будущего, формируемых в отечественных и зарубежных СМИ[12]. Исследователи обращаются к материалам

войны: Материалы Международной научно-практической конференции, Геленджик, 24 — 26 мая 2024 года. Краснодар, 2024. С. 347 — 350.

[8] Туркулец С. Е., Туркулец А. В., Листопадова Е. В. Влияние представлений о социальных угрозах и рисках на конструирование образа будущего России (опыт регионального исследования) // Социодинамика. 2021. № 1. С. 16 — 31.

[9] Самаркина И. В., Башмаков И. С., Колозов Д. П. Образ будущего в субъективном пространстве политики новых граждан РФ: опыт эмпирического исследования молодежи новых регионов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2024. Т. 26, № 2. С. 373 — 388; Щеглова Д. К., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Великжанина К. А. Образ будущего России с позиций гражданской идентификации населения приграничных регионов // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2024. Т. 3. № 2. С. 169 — 183.

[10] Жичкин В. В. Образ будущего в программах непарламентских политических партий на выборах в Государственную Думу VIII созыва // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 3; Козырев М. С. Образ будущего России в публикациях правящей элиты и системной оппозиции // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 5. С. 105 — 110; Суханов Ю. Ю. Образ будущего в российском предвыборном дискурсе: языковые средства репрезентации // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 4. С. 97 — 102.

[11] Гаджиев Х. А. Политическое проектирование образа будущего как фактор социально-политической стабильности России // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 3. С. 154 — 169; Усманова З. Р. Концептуальные подходы к разработке социально-политических проектов будущего в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 12. С. 24 — 29.

[12] Великая Н.М., Зайцева А. А., Ирсетская Е. А. Репрезентация образа будущего России в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 4. С. 8 — 29.

социальных сетей[13], компьютерных игр[14], литературы, кинематографа[15] и других форм массовой коммуникации.

Использование практик форсайта в политических и социологических исследованиях образа будущего соприкасается с проблемой принятия политических, управленческих решений, проблем государственного администрирования. Исследователи отмечают, что действия властей и бизнес-структур должны быть реализованы на основе исследований коллективных ожиданий, надежд и страхов. Лишь в данном случае национальная идея, опирающаяся на образы будущего, сможет получить общественную поддержку и одобрение. Анализировать ожидания в данном случае целесообразно в соответствии с эмоциональным знаком, содержанием, глубиной детализации и модальности[16].

Образ будущего как проект, формируемый политической, экономической и интеллектуальной элитой для политических трансформаций, изучается в российском экспертном сообществе весьма активно[17]. Исследовательское направление, посвященное феномену социальной архитектуры, имеет потенциал для развития в ближайшие годы. Такой образ интересует исследователей, работающих прежде всего на анализе вторичных данных[18], однако и здесь аналитики опираются в своих исследованиях на социологические эмпирические данные, они не игнорируют проективный материал, обращаются и к достижениям новых информационных технологий[19].

Обзор научных исследований последних лет позволил выделить несколько наиболее популярных векторов изучения образа будущего.

О модели исследования образа будущего

Одна из важнейших научных дискуссий сегодня — **методологическое обсуждение структурной представленности образа буду-**

[13] Шавлохова А. А., Терлецкий В. А., Зиброва Е. В. Образ будущего в формировании ценностей молодежи: идеологемы, транслируемые в социальных сетях (на примере российских и белорусских блогеров) // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2023. № 3. С. 20 — 29.

[14] Белов С. И., Кузнецов И. И. Будущее как игра, альтернативная реальность воображения, развлечения: возможности проективного подхода в исследовании сознания российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 192 — 200.

[15] Грибакина Т. Э. Образы будущего в современном российском кинематографе: утрата или поиск позитивного? // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2024. № 4. С. 41 — 49.

[16] Щеглова Д. К., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Великжанина К. А. Указ. соч. С. 171.

[17] Батанина И. А., Лаврикова А. А., Матвиенко А. А., Шумилова О. Е. Образ будущего страны в партийном дискурсе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1. С. 3 — 11; Лукьянова Н. А., Семерник С. З., Охотницкая Е. М. Технологии конструирования образов будущего: культур-философский анализ // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. Т. 48. № 1. С. 73 — 86.

[18] Зорин В. Ю., Титов В. В. Образ будущего в современной России: концептуальные рамки и специфика политологического анализа // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 7. С. 3288 — 3297.

[19] Титов В. В. Формирование социально-политических ожиданий в современной России: специфика и основные тенденции // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 9. С. 51 — 57.

[20] Зорин В. А., Селезнева А. В., Шестопал Е. Б. Образ будущего России как исследовательский концепт и политический проект: возможности изучения и конструирования // Полис. Политические исследования. 2025. № 6. С. 13.

щего. Из каких частей состоит образ, какие его элементы обязательны для изучения и какие методы сбора данных оптимальны в случае их отдельного и совмещенного исследования? Актуален здесь и аспект взаимосвязи основных компонентов образа будущего и возможностей изучения этих взаимосвязей. Наиболее упоминаемой является проблема соотношения будущего личного и общественного. Исследуя восприятие, мы можем обращаться к конструктам как массового, так и индивидуального сознания. В научной литературе коллективный образ, сформированный на уровне массового сознания, имеет тесную связь с индивидуальными образами. А. В. Селезнева, В. А. Зорин и Е. Б. Шестопал, реализуя проект «Проектирование социальной архитектуры будущего России: образы и сценарии» и сравнивая эти два конструкта, отмечают, что выстраивание персональной жизненной траектории зависит от видения завтрашнего дня страны. И если образ личного будущего детерминирован особенностями жизненного опыта конкретного человека, то образ будущего страны зависит от общественных запросов, национальных потребностей, коллективных представлений, страхов и надежд. В данном случае политические исследователи придают коллективному образу первоочередное значение. Формирование и привлекательных позитивных, и пессимистичных пугающих образов будущего страны происходит скорее дедуктивно (от общего к частному)[21].

Существуют и альтернативные точки зрения. И. Г. Желтикова предполагает, что «индивидуальные образы будущего в гораздо большей степени влияют на коллективные образы, нежели наоборот. Это связано как раз с тем, что „материал“ для представления будущего — тенденции настоящего, не задает четких векторов в видении перспективы. Оценки существующих тенденций как важных или неважных для будущего, даже само выделение тенденций, подлежащих оценке, — субъективны. Коллективные образы будущего можно представить как медиану индивидуальных образов, как совпадение социальных ожиданий и видения будущего»[21]. Социальные психологи, оперируя понятием образа будущего, обращают большее внимание на психоэмоциональную составляющую образа личностей и сообществ, с которыми они себя идентифицируют. Т. А. Нестик в широком смысле трактует образ будущего как «совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе». В узком же смысле образ будущего для него это — «общие для всех членов группы представления о будущем этой социальной группы». Анализируя коллективный образ, он обращается к групповым идеалам, страхам, надеждам, мечтам, целям и планам[22].

Можно прийти к выводу, что характер взаимосвязи личных ориентаций и устремлений общественного сознания в будущее весьма сложно изучать, так как это невозможно сделать лишь стандартизированными техниками. Порой актуальным становится обращение к персональному опыту носителя образа будущего, де-

[21] Желтикова И. В., Брызгалов А. В. Проблема формирования образов прошлого и образов будущего как элементов темпоральной картины мира // Философская мысль. 2022. № 11. С. 87.

[22] Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. М., 2025.

терминированному многообразием личностных индивидуальных особенностей. Использование данного параметра как соотношение личных и общественных образов не может быть приоритетным. И. В. Желтикова отмечает, что «индивидуальные образы будущего были бы бесконечно разнообразны, если бы не эффект синхронизации социальных представлений, обусловленный тем, что в процессе коммуникации мы влияем на участников общения, как и они влияют на нас. При этом сила влияния индивидуальных образов будущего друг на друга не одинакова. Наиболее правдоподобные и убедительные или привлекательные и яркие образы будущего находят больше поддержки, именно с ними отдельные личности начинают согласовывать свое видение перспективы. В общественном сознании образуются альтернативные векторы, задающие направления в видении будущего. Поэтому коллективных образов будущего, присутствующих в настоящем, всегда несколько»[23].

Проблема типирования образа будущего страны

И действительно, исследователи в своем анализе нередко обращаются к типированию, а именно к определению наиболее распространенных «картин будущего» страны, или типичных сценариев развития. Критериями для выделения типажей становятся наиболее актуализированные темы и ценностные ориентации, лежащие в основе желаемого будущего. В результате реализации научного проекта ВЦИОМ о России будущего на международной конференции РАПН в 2025 г. специалисты центра предложили такие модели: «великая страна»; «благоустроенная страна»; «страна социальной справедливости»; «демократическое государство»; «современное государство»[24]. З. Р. Усманова, опираясь на эмпирические материалы проекта, реализованного в ГАУГН в 2023 г., предлагала «мобилизационную», «инерционную», «социалистическую», «анархистско-бунтарскую» и «инновационную» модель (сценарий) будущего России[25].

При изучении образа будущего как динамичной категории исследование смещается к изучению не статичной картинки будущего в представлениях российских граждан, а к изучению пути развития страны. Это направление видится интересным и перспективным. Оно требует и особого методологического подхода. Сегодня исследователи активно разрабатывают стратегии изучения представлений россиян о сценариях национального развития[26]. Пока наиболее приоритетными критериями для типирования сценариев будущего страны видятся: цель сценария развития страны, главный субъект развития, набор препятствий, стоящих на пути у развития

[23] Желтикова И. В., Брызгалов А. В. Указ. соч. С. 89.

[24] Пищева Т. Н. Представления российских граждан о будущем своей страны // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20. № 2. С. 104.

[25] Усманова З. Р. Будущее России в представлении ее граждан: формирование стабилизационного сценария в условиях высокой политической неопределенности // Политическая наука. 2025. № 4. С. 121.

[26] Джибилова Е. Г., Фидря Е. С. Сценарное прогнозирование образа будущего в исследованиях российских и зарубежных авторов // Социология. 2025. № 1. С. 64 – 69.

страны и способных помешать поступательному развитию, перечень ресурсов, способствующих развитию[27].

Какие еще компоненты образа будущего находятся в фокусе изучения отечественных российских ученых? Можно отметить частое обращение к компонентам политической и геополитической сфер. В научном проекте С. Г. Максимовой представления о будущем России изучались согласно компонентам, связанным с внешнеполитическим положением страны и эмоциональным состояниям воспринимающих. Были выявлены характеристики будущего и вероятности изменений состояний страны. Исследователи обратились к феномену сценариев развития России[28].

Структуру образа будущего страны политические психологи представляют состоящей из трех компонентов: ценностно-смыслового, образно-символического, деятельностно-практического[29]. Н. В. Смулькина и З. Р. Усманова, реализуя в последние четыре года научные проекты, посвященные образу будущего, акцентируют внимание на исследовании разнообразных сфер общественной жизни (социальная, политическая, экономическая, культурная, сфера информационных технологий), а также разрабатывают модель изучения сценария будущего, формируемого в массовом сознании, опираясь на критерии идеализированных и вероятностных ожиданий изменений в стране[30]. Выделение отдельных сфер из образа будущего и детальное их рассмотрение[31] является не самой популярной стратегией исследования, однако тоже заслуживает внимания.

Наверное, самую многоаспектную исследовательскую модель предложила И. В. Самаркина. Согласно ее подходу, «образ будущего как совокупности символических, идеологических и культурных образований, обусловливающих содержание ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов, образование множественных идейных конструкций, функционирующих в политической сфере и оказывающих влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений, включающий константные (структура, уровни, траектории, статус/субъектность носителя представлений о будущем) и переменные параметры (содержание структуры, приоритетность уровней, приоритетность траекторий, уровень субъектности носителя представлений о будущем), содержание которых обусловлено

[27] На материалах политико-психологического исследований 2023—2025 г., реализованного в МГУ и СевГУ Шестопал Е. Б., Селезневой А. В. и Смулькиной Н. В. были предложены активный-позитивный, пассивный позитивный, негативный-активный сценарии развития страны. Методика находится в разработке, и методологические рекомендации обсуждаются на научно-практических конференциях в 2025 г.

[28] Щеглова Д. К., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Великжанина К. А. Указ. соч. С. 181.

[29] Зорин В. А., Селезнева А. В., Шестопал Е. Б. Указ. соч. С. 15.

[30] Усманова З. Р., Смулькина Н. В. Образ будущего страны в представлениях российских граждан. С. 11—30.

[31] Левашов В. К., Гребняк О.В. Россияне о вызовах искусственного интеллекта, нейронных сетей и социальном оптимизме // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 115—120; Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка) [Электронный ресурс] // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49, № 1. С. 39—51.

совокупностью внутренних и внешних факторов»[32]. В ее поисковом методологическом исследовании было определено, что как часть субъективного пространства образ будущего оптимально изучать с позиций глобальной проекции, проекции уровня макросообщества, групповой и личностной проекций[33].

О динамизме и горизонтах планирования в образе будущего

Многие исследователи обращают внимание на характеристику динамизма образа будущего. Трансформацию представлений ученые зачастую объясняют факторами социального и психологического состояния общества. Исследования изменений общественных представлений требуют постоянного мониторинга и отработанного эмпирического инструментария[34]. Естественно, изучение общественных ожиданий и их сопоставление с оценками настоящего реализуется ведущими российскими центрами исследования общественного мнения. Обратим внимание на социологический мониторинг «Как живешь, Россия?»[35], регулярно проводящийся с 1992 г. Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, и на дополнительное исследование «Куда идешь, Россия?»[36], материалы которого были представлены к обсуждению научному сообществу в 2021 г. и в следующие пять лет становились предметом для анализа. Исследователи, обращающиеся к количественным замерам, чаще всего фиксируют динамичность образа будущего в последние годы, его зависимость периферийных элементов от кризисных явлений, внутренних факторов стабилизации; рост общественного запроса на устойчивое развитие; нормализацию обыденности и предсказуемость; частичное ментальное отчуждение россиян от социально-политических тематик. К наиболее важным шкалам анализа образа они относят оптимизм — пессимизм; коллективизм — индивидуализм; реализм — идеализм; когнитивную четкость — размытость.

Горизонты планирования и их эмоциональные коннотации в структуре образа будущего как параметр для анализа используют в своих исследованиях как социологи, так и психологи. И те, и другие в данном случае опираются на количественные методы сбора данных, массовые опросы. Вопросы закрытого типа и методы ранжирования и шкалирования позволяют фиксировать тенденции на репрезентативных общенациональных выборках.

[32] Самаркина И. В., Башмаков И. С., Кузьменко Н. П. Восприятие будущего гражданами новых регионов России: возможности политико-психологического подхода в исследовании инструментов формирования гражданской идентичности // Политическая наука. 2025. № 4. С. 91 — 113.

[33] Самаркина И. В., Башмаков И. С., Кузьменко Н. П. Восприятие будущего гражданами новых регионов России: возможности политико-психологического подхода в исследовании инструментов формирования гражданской идентичности // Политическая наука. 2025. № 4. С. 91 — 113. С.40 — 41.

[34] Образ будущего российского государства в сознании современной молодежи: политическая теория и практика . Н. Новгород, 2024.

[35] Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С., Гребняк О. В., Новоженина О. П. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года. М., 2025.

[36] Куда идешь, Россия? Экспресс-информация. М., 2021.

На круглом столе, который прошел в рамках X Конгресса РАПН «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития» 7 декабря 2024 г., М. Мамонов, описывая результаты исследования ВЦИОМ, определил значительные противоречия в эмоциональном знаке образов личных и национальных (размежевание оценок — 75 % позитивных ожиданий относительно положительного будущего страны против 24 % позитивных оценок будущего личного). Т. А. Нестик, опираясь на результаты своего научного проекта, отмечал проблему сужения в обществе горизонтов планирования в последние годы и связывал это с событийным контекстом, межличностным дискурсом внутригруппового взаимодействия[37].

Образ будущего и молодежь

Интересно, что уже рассмотренная нами тема личного будущего оказывается в особом фокусе внимания у исследователей, которые ставили задачу изучать прежде всего молодежное восприятие будущего. Например, И. В. Самаркина, проведя серию фокус-групп в 2025 году в новых регионах, выделяет тенденцию доминирования у молодых граждан именно личностной траектории. При этом она все-таки замечает, что «эта (личная) траектория основана на представлениях о том, что личное будущее разворачивается в стране, которая является мировым лидером, выступает гарантом сохранения традиционных ценностей, исторического и культурного наследия общества, суверенной молодой державой»[38]. А. А. Токарев, также опираясь на материалы исследования молодежи с применением фокус-групп, реализуемого с 2021 г. по настоящее время, фокусирует свое внимание на ценностных и поведенческих аспектах российского общества относительно его собственного восприятия будущего, исключая электоральное поведение. Он добавляет в исследовательскую модель параметры соотношения личной и публичной включенности в общественную политическую жизнь. Предусматривая возможные возрастные особенности восприятия, он включает в концептуальный параметр анализа важность стратегии отстройки «Я» в условиях поколенческого конфликта, транслируемого через систему символов, концепты ценностей, паттернов и дискурсов[39].

Сложно реализуемым и поэтому редким является направление исследования образа будущего в соотношении с политическими установками. Однако примеры таких исследований существуют[40]. Например, А. Ю. Домбровская, проведя массовый онлайн-опрос среди

[37] Пищева Т. Н. Указ. соч. С. 103 – 104.

[38] Самаркина И. В. Образ будущего молодежи новых субъектов РФ [Электронный ресурс] // Образы Новороссии в русской культуре: между прошлым и будущим : Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск — Симферополь, 12 – 16 ноября 2024 года. Симферополь, 2025. С. 117.

[39] Токарев А. А. Массовое сознание российской молодежи: образ будущего // Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 155 – 156.

[40] Образ будущего российского государства в сознании современной молодежи: политическая теория и практика : Коллективная монография. Н. Новгород, 2024; Шмелева О. Ю., Судьин С. А., Голубин Р. В., Шмелев А. П. Образ будущего российского государства в политическом мировоззрении студенческой молодежи: социологический анализ // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 4. С. 47 – 61.

студенческой молодежи с последующим корреляционным анализом полученных данных, выявила связь отдельных частей образа будущего с личными ориентациями и установками молодежи. Она фиксирует, что сдержанное отношение к геополитической роли России соотносится с большей степенью скепсиса относительно позитивного будущего страны. Миграционные установки были более свойственны тем, кто выступал за снижение геополитического влияния России в мире. Это исследование продемонстрировало и зависимость конструирования горизонтов планирования от специфики информационного поведения молодых россиян[41].

Образ будущего: темпоральное и идентификационное измерения

Социокультурные трансформации, изучаемые как контекст, в котором разворачиваются образы будущего, заставляют ученых уделять особое внимание его соотношению с образами прошлого и настоящего. Е. Б. Шестопал и Н. Н. Рогач отмечают, что под влиянием последних событий «настоящее стало центральной фокусной точкой, вытеснив образы прошлого и доминируя над представлениями о будущем. В то же время доминирующий темпоральный срез выглядит достаточно противоречивым и неустойчивым, он очень зависит от изменчивого ситуативного контекста. Такое доминирование настоящего на шкале времени связано, скорее всего, с остротой текущей ситуации»[42].

Политические психологи пишут о нелинейном восприятии времени россиянами сегодня и о часто встречающихся ретроориентированных образах будущего. Н. В. Смулькина и З. Р. Усманова, изучая и сравнивая образы прошлого и будущего в российском массовом сознании при помощи стандартизированных интервью и проективных рисуночных методов, отмечают, что «ретрооптимисты» не предлагают в будущем ничего, отличного от ретроспекции уже полученного когда-то социального опыта. «Ретропессимисты» чаще преподносят будущее как восстановление старого общественного строя. На основании данной тенденции исследователи заявили о существовании ренессансных механизмов восприятия будущего[43].

Темпоральные образы (образы как прошлого, так и будущего) часто становятся объектом внимания ученых при изучении проявлений национально-государственной и гражданской идентичности, поэтому идентификационное влияние (измерение) часто предусмотрено в исследовательских стратегиях. Сопоставление образов будущего у респондентов с разной степенью гражданской идентификации в рамках проекта С. Г. Максимовой в 2023 — 2024 гг. позволило утверждать, что население с низким уровнем гражданской идентификации в долгосрочных перспективах воспринимают

[41] Домбровская А. Ю. Формирование стратегии планирования студенческой молодежью персонального будущего в обществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20. № 3. С. 107.

[42] Шестопал Е. Б., Рогач Н. Н. Указ. соч. С. 58

[43] Усманова З. Р., Смулькина Н. В. Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России // Политическая наука. 2023. № 2. С. 254 — 272.

будущее страны более пессимистично. Лица с выраженным чувством гражданской общности чаще рисуют позитивные образы будущего[44].

Результаты исследования молодежных представлений о будущем, проведенного исследователями ФНИСЦ РАН и НИУ ВШЭ на выборочной совокупности в 6 тыс. респондентов[45], показали, что существует зависимость негативной национально-государственной идентификации, негативных социально-политических оценок от склонности обращаться к иностранным медиа. Исследование ярко отразило значимость темы влияния информационных образов на формирование у молодежи личных планов и представлений относительно национального будущего. Эта тема требует дополнительного детального изучения в сфере коммуникативистики.

Методологические замечания

Современные массовые опросы, изучающие образ будущего, все чаще реализуются в дистанционном формате. Онлайн-опросы экономят временные, организационные и финансовые ресурсы, позволяют «охватить поле» малыми силами. Достоинствами онлайн-опросов можно назвать избавление от чрезмерного субъективизма исследователя на стадии коммуникации с респондентом, возможность обеспечить более широкий охват аудитории. Сложность формирования выборки остается важным недостатком массовых опросов, однако грамотные шаги по обеспечению разнообразия источников (выбираемых онлайн-площадок и социальных сетей) способны его скорректировать[46].

Чаще всего исследователи стараются совместить в своих исследованиях и качественный, и количественный подход, чтобы использовать преимущества каждого. Обращение исследователей к качественным поисковым опросным методам (интервью), проективным техникам позволяет выявить неосознаваемые особенности восприятия будущего, выявить и описать противоречивые эмоциональные ориентации, некоторые не до конца осознаваемые страхи и неочевидные для граждан смысловые противоречия в оценках. Более популярными синтетическими методами исследования в наши дни постепенно становятся интервью разной степени стандартизации, дополненные ассоциативными методами и процедурами завершения (в случае масштабных исследований), рисуночными техниками и процедурами конструкции (например, коллажи, картоиды) в случае небольших по выборке исследований. Фокус-групповые исследования в данном случае воспринимаются многими исследователями как методологический компромисс, способный учесть и проблему охвата необходимой аудитории, и нужную степень погружения в содержательные и психологические детали изучаемых образов[47]. Фокус-группы максимально удобны

[44] Щеглова Д. К., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Великжанина К. А. Указ. соч. С. 181.

[45] Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая. М., 2024.

[46] Например, см.: Домбровская А. Ю. Указ. соч.

[47] Например, см.: Усманова З. Р. Будущее России в представлении ее граждан.

и при рассмотрении стремительных реакций образа будущего на меняющийся событийный контекст, для изучения групповых ожиданий. Неудивительно, что региональные и поколенческие исследования кейс-стади чаще всего обращены к материалам фокус-групп. Разрабатывая инструментарий анализа проективного материала, авторы самостоятельно и сознательно определяют степень «глубины погружения» в проективное творчество респондентов. По этому же принципу рассматриваются суждения респондентов и соотношения ответов, меняющихся в ходе дискуссии.

Вместо заключения

Анализ исследований показал, что сегодня образ будущего в значительной степени зависит от неустойчивости психологического состояния общества, его чувствительности к событийному контексту. Однако подходы к изучению этой зависимости у исследователей разнятся. Психологические исследования рассматривают коллективное восприятие будущего сквозь призму личных образов. Социологические исследования развивают тему соотношения образа будущего и политических установок, ориентаций и меняющихся горизонтов планирования. Для политологов перспективным направлением исследования может оказаться поиск «точек смыкания» коллективных образов будущего с образами будущего, генерируемыми в политическом дискурсе. Это потребует, однако, оригинальной методики исследования с сопоставимыми категориями для анализа. Исследователи сходятся на признании необходимости совершенствования в обществе навыков критического мышления и воображения; на необходимости выявления групп, особо чувствительных к негативной информационной повестке, способной дестабилизировать общество. Наиболее часто такой изучаемой группой становится молодежь. Российские исследователи акцентируют внимание на поисках способов усиления диалога власти и общества, шагах к легитимации политической власти, так как именно институт государства является одним из важнейших конструктов образа будущего страны. Образ страны, однако, не отождествляется с образом государства в отечественных научных работах. Скорее ведется дискуссия о значимости составных частей образа будущего, политических и неполитических, властных и общественных. Какие компоненты образа можно назвать стержневыми? В научной литературе подвергаются описанию и анализу образ будущего населения (общества, в некоторых источниках исследователи обращаются к понятию образа народа) и властный образ будущего (образ будущего государства). Исследовательские стратегии изучения этих образов также требуют индивидуального подхода. В условиях сохраняющегося сегодня социокультурного кризиса политическое восприятие обществом самого себя специфично. Образ будущего народа даже важнее изучать в темпоральной перспективе, чем образ будущего государства (образ властный). Перспективным видится и обращение исследователей к поиску ценностных ориентиров, способных успешно отразиться в образах идеального будущего, в привлекательных для общества целях вероятностных сценариев развития страны. Для политологов это направление исследований значимо, так как оно позволяет

развивать научную дискуссию потенциального содержательного наполнения национальной идеи, которую можно трактовать как комплекс представлений о смысле существования общества (нации), о его миссии и ценностях.

Список литературы

1. Батанина И. А., Лаврикова А. А., Матвиенко А. А., Шумилова О.Е. Образ будущего страны в партийном дискурсе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1. С. 3—11.

2. Башмаков И. С. Гражданская идентичность и образ будущего новых граждан России: факторы и перспективы формирования [Электронный ресурс] // Черноморско-средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала первой мировой войны. Материалы Международной научно-практической конференции, Геленджик, 24—26 мая 2024 года. Краснодар, 2024. С. 347—350. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_67201825_80453622.pdf (дата обращения: 18.04.2026).

3. Белов С. И., Кузнецов И. И. Будущее как игра, альтернативная реальность воображения, развлечения: возможности проективного подхода в исследовании сознания российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 192—200.

4. Великая Н. М., Зайцева А. А., Ирсетская Е. А. Репрезентация образа будущего России в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2023 Т. 11. № 4. С. 8—29.

5. Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып.1. С. 101—107.

6. Володенков С. В., Зотов В. В., Консон Г. Р., Гуров О. Н. Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка) // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 1. С. 39—51.

7. Гаджиев Х. А. Политическое проектирование образа будущего как фактор социально-политической стабильности России // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 3. С. 154—169.

8. Грибакина Т. Э. Образы будущего в современном российском кинематографе: утрата или поиск позитивного? // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2024. № 4. С. 41—49.

9. Джибилова Е. Г., Фидря Е. С. Сценарное прогнозирование образа будущего в исследованиях российских и зарубежных авторов // Социология. 2025. № 1. С. 64—69.

10. Домбровская А. Ю. Формирование стратегии планирования студенческой молодежью персонального будущего в обществе //

Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20. № 3. С. 93—110.

11. Желтикова И. В., Брызгалов А. В. Проблема формирования образов прошлого и образов будущего как элементов темпоральной картины мира // Философская мысль. 2022. № 11. С. 73—94.

12. Жичкин В. В. Образ будущего в программах непарламентских политических партий на выборах в Государственную Думу VIII созыва // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 3.

13. Зорин В. Ю., Титов В. В. Образ будущего в современной России: концептуальные рамки и специфика политологического анализа // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 7. С. 3288—3297.

14. Зорин В. А., Селезнева А. В., Шестопал Е. Б. Образ будущего России как исследовательский концепт и политический проект: возможности изучения и конструирования // Полис. Политические исследования. 2025. № 6. С. 7—23.

15. Ильичева М. В. Образ будущего страны в представлениях студенческой молодежи России: трансформация в условиях перемен и кризисных потрясений // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 39—56.

16. Козырев М. С. Образ будущего России в публикациях правящей элиты и системной оппозиции // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 5. С. 105—110.

17. Коленникова Н. Д. Образы «России будущего» в представлениях граждан // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 91—103.

18. Кулиева А. К., Березнер Т. А., Шишунова А. Н., Малышева Д. Когнитивные теории восприятия времени // Вестник СПбГУ. Сер. 16: Психология. Педагогика. 2025. № 1.

19. Куда идешь, Россия? Экспресс-информация. М., 2021. URL: http://испи.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf (дата обращения: 18.04.2026).

20. Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Образ будущего страны в восприятии различных групп российского общества // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 39—49.

21. Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С., Гребняк О. В., Новоженина О. П. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: [бюллетень]. М., 2025.

22. Левашов В. К., Гребняк О. В. Россияне о вызовах искусственного интеллекта, нейронных сетей и социальном оптимизме // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 115—120.

23. Лукьянова Н. А., Семерник С. З., Охотницкая Е. М. Технологии конструирования образов будущего: культур-философский анализ // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. Т. 48. № 1. С. 73—86.

24. Мальцева Р. И., Безрукавая М. В. Новая темпоральность как фактор цифровизации коммуникаций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. № 4.

25. Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ — М., 2025.

26. Образ будущего российского государства в сознании современной молодежи: политическая теория и практика : Коллективная монография. Н. Новгород, 2024.

27. Пищева Т. Н. Представления российских граждан о будущем своей страны // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20. № 2. С. 94—114.

28. Помигуев И. Государство как основной актор формирования образа будущего // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2025. № 21. С. 74—91.

29. Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая. М., 2024.

30. Самаркина И. В., Башмаков И. С., Колозов Д. П. Образ будущего в субъективном пространстве политики новых граждан РФ: опыт эмпирического исследования молодежи новых регионов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 373—388.

31. Самаркина И. В., Башмаков И. С., Кузьменко Н. П. Восприятие будущего гражданами новых регионов России: возможности политико-психологического подхода в исследовании инструментов формирования гражданской идентичности // Политическая наука. 2025. № 4. С. 91—113.

32. Самаркина И. В. Образ будущего молодежи новых субъектов РФ [Электронный ресурс] // Образы Новороссии в русской культуре: между прошлым и будущим: Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск — Симферополь, 12—16 ноября 2024 года. Симферополь, 2025. С. 114—118.

33. Самаркина И. В., Башмаков И. С., Колозов Д. П., Кузьменко Н. П. Образ будущего как компонент субъективного пространства политики: концептуальная модель и опыт ее апробации // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 66—81.

34. Суханов Ю. Ю. Образ будущего в российском предвыборном дискурсе: языковые средства репрезентации // Вестник Московского информационно-технологического университета

— Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 4. С. 97 — 102.

35. Титов В. В. Формирование социально-политических ожиданий в современной России: специфика и основные тенденции // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 9. С. 51 — 57.

36. Токарев А. А. Массовое сознание российской молодежи: образ будущего // Полис. Политические исследования. № 6. С. 154 — 169.

37. Туркулец С. Е., Туркулец А. В., Листопадова Е. В. Влияние представлений о социальных угрозах и рисках на конструирование образа будущего России (опыт регионального исследования) // Социодинамика. 2021. № 1. С. 16 — 31.

38. Усманова З. Р., Смулькина Н. В. Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России // Политическая наука. 2023. № 2. С. 254 — 272.

39. Усманова З. Р., Смулькина Н. В. Образ будущего страны в представлениях российских граждан: по результатам исследования 2024 года // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20. № 1. С. 11 — 30.

40. Усманова З. Р. Концептуальные подходы к разработке социально-политических проектов будущего в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 12. С. 24 — 29.

41. Усманова З. Р. Будущее России в представлении ее граждан: формирование стабилизационного сценария в условиях высокой политической неопределенности // Политическая наука. 2025. № 4. С. 114 — 139.

42. Шавлохова А. А., Терлецкий В. А., Зиброва Е. В. Образ будущего в формировании ценностей молодежи: идеологемы, транслируемые в социальных сетях (на примере российских и белорусских блогеров) // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2023. № 3. С. 20 — 29.

43. Шестопал Е. Б., Рогач Н. Н. Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 45 — 61.

44. Шмелева О. Ю., Судьин С. А., Голубин Р. В., Шмелев А. П. Образ будущего российского государства в политическом мировоззрении студенческой молодежи: социологический анализ // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 4. С. 47 — 61.

45. Щеглова Д. К., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Великжанина К. А. Образ будущего России с позиций гражданской идентификации населения приграничных регионов // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2024. Т. 3. № 2. С. 169 — 183.

Темное просвещение как стратегия цивилизационного реванша

ORCID: 0000-0002-9672-4067
E-mail: borismezhuev@yandex.ru

Борис Вадимович Межуев

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

DOI: 10.67139/3033-8301.2026.2.2.007

Аннотация

Данный текст — одна из первых попыток в отечественной литературе дать общее представление о феномене Темного просвещения, идейном течении в США и Европе, нацеленном на критику важнейших институтов современного Запада: электоральной демократии, национальной государственности, всеобщего избирательного права, социального государства. Адепты Темного просвещения исходят из того, что эти институты утратили свою эффективность и являются не мотором, но тормозом технологического развития, что они не позволяют западным странам и в первую очередь США совершить рывок в цивилизационной гонке с Китаем. Для сторонников Темного просвещения характерно представление, что подобного рода ценности удерживаются в общественном сознании усилиями некоей сетевой идеократической надстройки, которую они называют термином «Собор». Либеральный «Собор», подобно «Собору» католическому, блокирует свободное обсуждение и научное исследование многих общественных проблем, опасаясь, что выводы объективной науки могут противоречить ценностному консенсусу в пользу демократии и социального равенства. В статье прослеживается связь Темного просвещения с такими течениями, как философский постмодернизм и либертарианство, и конфликт этого движения с тем направлением религиозного традиционализма, которое получило известность как постлиберализм.

Ключевые слова

Акселерационизм, либертарианство, постмодернизм, неореакция, технологические правые, демократия, постлиберализм.

Abstract

This text is one of the first attempts in Russian literature to provide a general understanding of the phenomenon of the Dark Enlightenment, an ideological movement in the United States and Europe that aims to criticize the most important institutions of the modern West: electoral democracy, national statehood, universal suffrage, and the welfare state. The Dark Enlightenment advocates believe that these institutions have lost their effectiveness and ceased to be the driving force for technological development, but rather a hindrance, preventing Western countries, particularly the United States, from making a breakthrough in the civilizational race with China. Dark Enlightenment supporters believe that these values are maintained in the public consciousness by a networked ideological superstructure that they refer to as the "Cathedral." Like the Catholic "Cathedral," the liberal "Cathedral" blocks free discussion and scientific research on many social issues, fearing that objective conclusions will be made. The article explores the connection between the Dark Enlightenment and such movements as philosophical postmodernism and libertarianism, as well as the conflict between this movement and the religious traditionalism known as postliberalism.

Keywords

Accelerationism, libertarianism, postmodernism, neoreaction, technological right, democracy, postliberalism.

Задача настоящей статьи — не столько дать читателю общее представление о феномене Темного просвещения, сколько указать на смысл этого течения в современной истории, попытаться разобраться, какие тенденции данное явление призвано было выразить, почему оно получило такой резонанс, в чем причина его парадоксальной, хотя и несколько скандальной популярности. Последнему обстоятельству — популярности Темного просвещения — можно найти слишком простое и слишком поверхностное объяснение. Можно сказать, что все дело в Дональде Трампе, его триумфальном возвращении к власти в 2025 году при поддержке целой команды представителей бизнеса высоких технологий, среди которых особо выделялись генеральный директор компании Tesla Илон Маск и владелец компании Pay Pal Питер Тиль. Оба эти предприниматели известны как крайние либертарианцы, оба они

при этом мечтают о технологическом рывке Соединенных Штатов, в том числе в области искусственного интеллекта, и оба считают, что для этого рывка Штатам нужно измениться и прежде всего отказаться от старой модели социального государства и поддерживающих его институтов электоральной демократии. Тем не менее корни Темного просвещения следует искать именно во влиянии крупного цифрового бизнеса, имеющего представление, как можно воздействовать на общественное мнение и как определять моду на те или иные идеи в западных интеллектуальных кругах.

Интеллектуальная сенсация эпохи «Трампа 2.0»

Хотя все сказанное вполне очевидно и не вызывает большого сомнения, тем не менее указание на успех Трампа не отвечает на главный для нас вопрос, который мы хотим задать самим себе и читателю: почему вот уже два года Темное просвещение остается самым обсуждаемым интеллектуальным событием, почему на левом фланге общественной мысли за то же время не возникло ничего сопоставимого по скандальности и по резонансу. Ситуацию 2025 года нужно сравнить с обстоятельствами первого прихода Трампа в Белый дом, который также пробудил интерес к правым течениям американской мысли и политике: наиболее медийно раскрученной фигурой первого срока стал советник Трампа Стивен Бэннон, теоретик так называемого экономического национализма, левые издания выясняли роль семейства Мерсеров в избирательной стратегии Трампа[1], а в либеральной прессе панику вызывала растущая популярность движения alt-right — «альтернативных правых» с их откровенным расизмом и сексизмом.

В 2016—2020-х годах Трампа также подозревали в близких связях с крайне правыми течениями американской политики. Однако в то время речь шла преимущественно о несколько иных течениях. Главным пунктом обвинений Трампа в фашизме были якобы проявляемые им симпатии к сторонникам белого супремасизма (белого превосходства, или белой исключительности)[2]. Словом «белый супремасизм» обозначают довольно большую совокупность различных движений — от действительно радикальных до весьма умеренных, от имеющих уличную поддержку до присутствующих лишь в виртуальном пространстве. Откровенно говоря, именно во второй срок своего президентства Трамп дал гораздо больше оснований причислять себя к какой-то из разновидностей данного направления: он не включил в число членов своего кабинета ни одного из представителей черной расы, он начал активно бороться с практикой «позитивной дискриминации», наконец, он выступил в поддержку угнетаемого белого меньшинства Южной Африки, наложив на страну экономические санкции.

[1] Mayer J. The Reclusive Hedge-Fund Tycoon Behind the Trump Presidency // The New Yorker. 2017. March 17. URL: https://www.newyorker.com/magazine/2017/03/27/the-reclusive-hedge-fund-tycoon-behind-the-trump-presidency (дата обращения: 27.07.2026).

[2] См. об этом подробно: Межуев Б. В. Виртуальная контрреволюция. Движение Alt-Right и его общественно-политические перспективы // Россия в глобальной политике. 2018. № 6. С. 44—62. URL: https://globalaffairs.ru/articles/virtualnaya-kontrrevolyucziya/ (дата обращения: 27.07.2026).

Однако расовая тема после 2024 года не раскручивается либеральными противниками Трампа в качестве основного пункта обвинения: довольно слабое пока антитрампистское сопротивление предпочитает критиковать президента скорее как «противника демократии», чем как открытого расиста. У этого есть два объяснения: первое — крайнее раздражение белого обывателя активностью ультралевых течений типа BLM, запомнившихся массовыми бесчинствами во время протестов по поводу убийства Джорджа Флойда. Есть и вторая причина: явное ослабление радикальных расово ориентированных движений в защиту белого большинства, то есть так называемого движения альтернативных правых (alt-right), пиком которого стали столкновения в Шарлотсвилле в 2018 году. Все лидеры alt-right сегодня ушли в тень и перестали быть как источником волнения для обывателя, так и серьезной мобилизационной базой для трампистов. От этого движения публично отрекся даже его вождь Ричард Спенсер, в 2019 году сообщивший о своем уходе из политики. Более того, накануне президентских выборов в ноябре 2024 года Ричард Спенсер (человек, в свое время прославившийся выкриком «Хайль Трамп!») в социальной сети X поддержал кандидатуру Камалы Харрис[3]. И хотя подобного рода разворот на 180 градусов все-таки представляет собой редкое исключение, тем не менее явное ослабление движения alt-right очень заметно, хотя бы по сети. Летом 2024 года решением редакции была приостановлена деятельность одного из старейших ресурсов «альтернативных правых» — VDARE.com Питера Бримелоу[4]. Причиной стал тот факт, что решением судьи Нью-Йорка ресурс был признан виновным в непредставлении всей нужной информации по рассматриваемому делу. Речь шла о незаконном использовании общественных денег в целях приобретения недвижимости. В целом, тема белого расизма за эти годы не исчезла, но любопытным образом перестала быть центральным пунктом обвинений против Трампа. Но и радикальные расистские организации, судя по всему, утратили к президенту какой-то особый интерес.

В своем выборе новых политических союзников Трамп явно отталкивался от безошибочно опознаваемого им духа времени. Он понял, что расовая тема перестала быть главным триггером политического обострения. Торговые протекционисты, «экономические националисты» и сторонники жесткой миграционной политики — все они по-прежнему рядом с Трампом, и президент в целом реализует утверждаемую ими повестку. Однако весь нерв его политического проекта второго срока сдвигался в другую сторону, в которой на первый план выходили как новые сюжеты, так и новые интеллектуальные лидеры, в том числе и те, кто прежде относился к Трампу весьма скептически.

Но в те же годы, в период первого президентства Трампа, на левом фланге общественной жизни Америки началось столь же заметное бурление: напомню, что именно тогда заявило о себе общественное движение Me too, получил распространение концепт «новая

[3] Levine J. Prominent white supremacist Richard Spencer endorses Kamala Harris // New York Post. 02.11.2024. URL: https://nypost.com/2024/11/02/us-news/prominent-white-supremacist-richard-spencer-endorses-kamala-harris/ (дата обращения: 27.07.2026).

[4] Peter Brimelow: Why We've Suspended VDARE and I've Resigned After 25 Years // VDARE.COM. 23.07.2024. URL: https://www.vdare.name/articles/peter-brimelow-why-we-ve-suspended-vdare-and-i-ve-resigned-after-25-years (дата обращения: 27.07.2026).

этика», наконец, обрела второе дыхание так называемая критическая расовая теория. Все это потом было объединено термином «воукизм», что означало «бодрствующий», — имелось в виду, что левые активисты должны сохранять бдительность ко всем симптомам белого превосходства и мужского шовинизма.

Либеральный политолог Фрэнсис Фукуяма в 2019 году, на гребне успеха воукизма, посвятил этому явлению свою книгу «Идентичность»[5]. По мнению Фукуямы, воукизм — своего рода извращенный либерализм, который сбился с магистрального пути и начал подменять борьбу за свободу борьбой за идентичность. С точки зрения политолога, следует скорректировать такое вредное развитие либерализма, во всяком случае — отказаться от педалирования проблем идентичности ради сохранения ценностного ядра либеральной идеологии, состоящей в защите свободы человека, его права на политический выбор и приватное пространство. Тем не менее, несмотря на предупреждения Фукуямы, движение в защиту прав трансгендеров, то есть одной из наименее приемлемых для большинства гендерных идентичностей, набирало в обществе силу, а так называемая культура отмены, казалось, обрела черты своего рода неформальной цензуры при тесном взаимодействии левых активистов и администрации социальных сетей. Напомним, что одной из первых жертв этой культуры отмены стал именно Дональд Трамп, чей аккаунт после событий 6 января был заблокирован в Twitter и Facebook.

И где все это сейчас? Можно ли назвать сегодня хотя бы одну крупную в интеллектуальном отношении фигуру с левого фланга мысли, которая в последние три года запомнилась интересной книгой, ярким высказыванием, каким-то новым мемом или концептом? Вектор общественного интереса сейчас, очевидно, сдвинут вправо, и главной темой обсуждения, в том числе в либеральных изданиях, является именно феномен Темного просвещения, его перспективы, представляемая им угроза или же его философский и политический потенциал.

Чем можно объяснить столь эксклюзивную популярность ранее малоизвестного идейного течения? Только лишь очевидной спонсорской поддержкой со стороны капитанов Большой цифры, в первую очередь предприимчивого и умного Питера Тиля? Но ведь и воукизм в свое время тоже раскручивали и спонсировали представители крупного бизнеса, и в то же время он пользовался благосклонностью либеральной прессы. Тем не менее в последние три года возникает устойчивое ощущение, что вне зависимости от успеха или неуспеха Трампа ветер перестал дуть в паруса как левой философии, так и левого активизма. Сам феномен Темного просвещения явно свидетельствует о том, что интерес передовых кругов общества, как бизнес-элиты, так и философской богемы, ориентирован вправо. Что-то в самом деле меняется на современном Западе, что не только делает такие явления, как рассматриваемое нами течение, востребованным, но и придает ему респектабельность.

Отметим и другое. Дональд Трамп имеет крайне низкие цифры рейтинга. По данным телеканала CNN, только 32 % избирателей одобряют его работу. По итогам ноябрьских промежуточных вы-

[5] См. в русском переводе: Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия (Identity: The demand for dignity and the politics of resentment). М., 2019.

боров республиканцы в Палате представителей, скорее всего, окажутся в меньшинстве. В целом, президентство Трампа может завершиться драматически как для него, так и для его партии. Тем не менее сомнительно, что в качестве реакции на ослабление лично президента происходит организационное усиление его оппонентов: у Демократической партии странным образом не обнаруживается никаких новых перспективных лидеров (все внимание приковано к губернатору Калифорнии Гэвину Ньюсому, но он не кажется стопроцентно удачной кандидатурой на 2028 год), левые круги утратили как способность к уличной мобилизации, так и умение определять интеллектуальную повестку дня. Ситуация зеркально противоположна той, что сложилась в 1972 году: тогда Никсон с триумфом обеспечил себе перевыборы с опорой на «молчаливое большинство», но при этом сильная левая волна в сочетании с влиянием либеральных кругов Америки оказалась все же сильнее, несомненно, популярного президента. Сегодня Трамп предельно непопулярен, но он заполняет собой все общественное пространство, внимание приковано лишь к нему, к членам его команды, бизнесменам и общественным деятелям, так или иначе соотносящим себя с трампизмом.

Постлиберализм: католический традиционализм в союзе с демократией

Непосредственное столкновение с воукизмом, явившимся мотором левых протестов 2020 года, вероятно, подвигло ушедшего в следующем году из Белого дома президента искать ответы, объясняющие причины этого явления и мотивы левого бунта, сыгравшего столь важную роль в драматических событиях 2020 года, у социальных теоретиков правого толка, находящихся за пределами общественного и культурного мейнстрима, но тем не менее сохраняющих определенную долю политической респектабельности. Вероятно, именно этой заинтересованностью в нестандартных ответах объясняется появление в команде Трампа на самой видной позиции ветерана военно-морских сил, выпускника университета Огайо Дж. Д. Вэнса. По своему интеллектуальному облику Вэнс совершенно не похож ни на бизнес-окружение Трампа, ни на ветеранов Республиканской партии, с которыми Трамп был так близок в свой первый срок. Вэнс — автор известных мемуаров «Элегия Хиллбили»[6], экранизированных ведущим американским режиссером Роном Ховардом (запомнившимся не только «Играми разума», но и тремя экранизациями романов Дэна Брауна), политик, интеллектуальные способности которого признают и его оппоненты. Он представляет собой очень редкий для истеблишмента тип политика с большими познаниями в области философии и политологии. Недавно Вэнс выпустил в свет вторую книгу, которую в России обычно переводят словом «Сообщество», хотя правильнее было бы использовать термин «Причастие» (имеется в виду церковное таинство).

Известно, что действующий вице-президент хорошо знаком с некоторыми представителями того идейного направления внутри

[6] См.: Вэнс Дж. Д. Элегия Хиллбили. М., 2021.

западного консерватизма, которое само называет себя постлиберализмом[7]. В июне 2023 года Вэнс посетил презентацию новой книги ведущего теоретика этого движения профессора философии Университета Нотр-Дам Патрика Денина, прошедшую в Американском католическом университете в Вашингтоне, где назвал себя членом «постлиберальной правой». Книга Денина со столь ярким и даже вызывающим названием — «Смена режима. По направлению к постлиберальному будущему»[8], — обращенным к ближайшему будущему Америки, стала своего рода манифестом растущего политического движения, направленного против гегемонии либерализма.

Леволиберальный критик правого популизма, обозреватель сетевого издания Vox Зак Бьюшамп еще осенью 2024 года, размышляя о том, какие мыслители будут играть роль во второй каденции Трампа, называет шесть фамилий, и первым из них значится именно Патрик Денин[9]. Книга, презентацию которой посетил Вэнс, хотя и получила весьма противоречивые отклики с разных концов политического спектра, несомненно, обозначила момент кристаллизации «постлиберального» течения мысли, явилась своего рода точкой сборки тех интеллектуалов и политиков, которые были нацелены на трансформацию либерального проекта в США, то есть на то, что они сами называли «сменой режима».

Постлибералы, при всем их различии, сходятся на том, что именно либерализм завел западное общество в социальный тупик, в финале которого проглядывает моральный распад, почти тоталитарным образом навязываемое безбожие и деспотизм новых прогрессивных элит. Главное открытие постлиберализма — либеральный проект ведет не к свободе, а к диктатуре «просвещенных» элитариев. Причем важным маркером именно постлиберального подхода является утверждение, что перспектива либеральной диктатуры, своего рода просвещенного авторитаризма, уже была изначально заложена в либеральном проекте, как он был сформулирован идеологами Просвещения. Это отличает постлибералов от самых радикальных американских консерваторов: последние постоянно ссылаются на наследие отцов-основателей американской государственности, которое оказывается всякий раз извращено их незадачливыми потомками. Консерваторы считают, что в какой-то момент Америка сбилась с правильного пути, но изначально этот путь был все-таки правильным. По мнению постлибералов, зачатки будущего декаданса либерализма лежат уже в самом проекте Просвещения с его индивидуализмом, культом негативной свободы, отвержением идеи общего блага. Сама американская Конституция, написанная под немалым влиянием политической философии Джона Локка, уже не свободна от того яда, который в полной мере стал действовать только в последние годы. «Постлиберальный по-

[7] См. об этом течении наши старые публикации: Межуев Б. В. Новая классовая война на Западе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. Реферативный журнал. 2020. № 4. С. 142–151; Межуев Б. В. Постлиберализм как консерватизм трудящегося класса. Из интервью Бориса Межуева с Патриком Денином // Тетради по консерватизму. 2021. № 4. С. 115–118.

[8] Deneen P. Regime Change: Toward a Postliberal Future. N.Y., 2023.

[9] Beauchamp Z. The 6 thinkers who would define a second Trump term // Vox. 25.09.2025. URL: https://www.vox.com/politics/373620/trump-second-term-thinkers-theorists-ideas-agenda-right-explained (дата обращения: 27.07.2026).

рядок», которого добиваются члены этого течения, предполагает более радикальное преобразование американского политического сообщества, чем все, на что рассчитывают консерваторы.

Для большинства сторонних наблюдателей понятие «постлиберализм» прежде ассоциировалось в первую очередь с профессором политической философии Университета Нотр-Дам Патриком Денином и его книгой 2018 года «Почему не удался либерализм?». Вышедшая в свет в январе 2018 года книга немедленно стала интеллектуальной сенсацией. Достаточно сказать, что крупнейшая американская газета «The New York Times» посвятила этому произведению три отклика, причем два из них были написаны такими влиятельными колумнистами издания, как Дэвид Брукс[10] и Росс Даутхэт[11]. Эти авторы, равно как и третий рецензент, Дженнифер Салаи[12], подошли к разбору книги Денина аккуратно и внимательно, хотя, разумеется, никто из них не согласился с выводом, что либерализм не удался. Они ссылались на факты солидарности и взаимовыручки, которыми, конечно, богата современная американская жизнь и которые либерализм не свел на нет.

Преодолеть современный кризис, по мнению Денина, невозможно без отвержения «либерализма» — того комплекса воззрений, который находится в основе этой политической философии и который вместе с тем определяет до настоящего времени политическую философию Соединенных Штатов. В чем, кратко говоря, состоит смысл либерализма, идеологии, корни которой Денин действительно возводит к Макиавелли и Джону Локку? Смысл состоит в представлении о человеке как эгоистическом существе, стремящемся только к своей выгоде. Свобода для такого человека состоит ни в чем ином, как в отсутствии препятствий на пути к эгоистическому счастью. Несложно заметить, что речь идет в данном случае о той «негативной» свободе, которую проанализировал в своем известном эссе «О свободе» Дж. С. Милль и которую назвал идейной основой либерализма британский политический философ Исайя Берлин[13]. Именно «негативная» свобода была положена отцами-основателями в основу политической системы Соединенных Штатов с ее системой сдержек, балансом ветвей власти и т.д. Прежнее античное и средневековое политическое сознание, образцом которого можно считать «Политию» Аристотеля, делало упор на полисных добродетелях человека, на чувстве нравственной солидарности с согражданами. Это чувство, конечно, сохранилось у граждан Америки, но не вследствие, а вопреки либерализму, по причине крепких религиозных убеждений американцев. По мнению Денина, негативная сторона либерализма сдерживалась религиозной культурой христианства, но в XX веке, как только личная вера стала угасать, либерализм обнажил свой подлинный лик.

[10] Brooks D. How Democracies Perish // The New York Times, 2018, 11 January. URL: https://www.nytimes.com/2018/01/11/opinion/how-democracies-perish.html (дата обращения: 27.07.2026).

[11] Douthat R. Is There Life After Liberalism? // The New York Times, 2018, 13 January. URL: https://www.nytimes.com/2018/01/13/opinion/sunday/life-after-liberalism.html (дата обращения: 27.07.2026).

[12] Szalai J. If Liberalism is dead, What Comes Next? // The New York Times, 2018, 17 January. URL: https://www.nytimes.com/2018/01/17/books/review-why-liberalism-failed-patrick-deneen.html (дата обращения: 27.07.2026).

[13] См. об этом: Межуев Б. В. Свобода // Апология. 2005. № 4. С. 120 – 132.

Либерализм претендует на освобождение человека далеко не только и не столько от деспотизма, но и от его связи с предыдущими поколениями, не протестуя и против снятия с человека заботы о поколениях будущих. Само сознание нравственной солидарности с согражданами воспринимается либерализмом как путы для эгоистического произвола — единственной подлинной онтологии социального бытия. Поэтому либерализм изначально, с момента своего рождения, был антихристианской и антиполисной философией, и в эпоху прогрессирующего неравенства и легализации сексуальных извращений он просто снял свою квазихристианскую маску. Денин полагает, что индивидуализм раннего Просвещения сыграл роковую роль в его последующей эволюции. Лишь сохранение нравственной солидарности элит с массами, оттеняющее этот индивидуализм, скажем, в 1950-е годы, было обусловлено остатками христианских убеждений в правящих кругах, и этот аргумент Денин использует в споре с идейными союзниками, с теми, кто разделяет негативный взгляд философа на ситуацию в современном мире, но тем не менее ищет выход на пути правильно переосмысленного либерализма.

Постлиберализм очевидным образом играет важную роль в общественной жизни современной Америки и, видимо, оказывает определяющее влияние на мировоззрение одной из ключевых фигур нынешней администрации — вице-президента Дж. Д. Вэнса. К сожалению, это течение не имеет четкой структуры: речь идет о нескольких влиятельных интеллектуалах, не слишком связанных друг с другом. Трудно даже назвать какое-то конкретное издание, которое бы сегодня выражало позицию постлибералов, поскольку такие органы печати, как The American Conservative или The Claremont Review of Books, отражают точку зрения и других течений внутри консервативного спектра: традиционных либертарианцев, палеоконсерваторов и др. Кроме того, постлибералам приходится постоянно соперничать со сторонниками неореакции за влияние на консервативную молодежь. И, надо признать, в последнее время имена ведущих теоретиков последней звучат громче имен Денина или Рода Дреера.

Кертис Ярвин — борец против либеральной идеократии

Мы уже говорили о списке мыслителей, которые, по мнению З. Бьюшампа, должны сыграть важную роль во втором сроке Трампа. После имен Денина и давно покойного Д. Бернхема, автора «Революции менеджеров», в списке Бьюшампа стоит до последнего времени не известная в России фамилия — Кертис Ярвин[14]. Речь идет о сетевом менеджере и программисте, но также сверхпопулярном американском блогере либертарианских взглядов, до 2019 года выступавшем под псевдонимом Мунциус Молдбаг. Сегодняшние его тексты можно прочитать в новом блоге Ярвина под названием Gray Mirror. Но на своем старом сайте Unqualified

[14] Впрочем, следует отметить, что на русском языке несколько лет назад вышел безобразно составленный сборник его сетевых публикаций: Ярвин К. Темное Просвещение. Американские консерваторы против Империи и Собора. Документальный триллер. М., 2023.

Reservations, доступном для бесплатного просмотра, Молдбаг выступил с целым рядом программных положений, которые стали основой для довольно серьезного идейного течения в сетевом пространстве, названного его адептами Темным просвещением[15]. К этому же течению причисляют немецкого экономиста и политического теоретика Ганса-Германа Хоппе и британского философа Ника Лэнда, которому и принадлежит сам термин Темное просвещение[16]. Считается, что идеи Темного просвещения получили такое распространение в сети в значительной степени в силу поддержки американского венчурного предпринимателя, создателя платежной системы Pay Pal Питера Тиля, также союзника Трампа и, как говорят, покровителя Дж. Д. Вэнса.

Отношения между Вэнсом и кругом Темного просвещения, видимо, неоднозначные — если не прямо враждебные, то все же довольно отчужденные: по свидетельству самого Ярвина, Вэнс, встретив блогера на празднике в честь инаугурации Трампа, назвал его «реакционным фашистом»[17]. Нельзя исключить, что Тиль был заинтересован в максимальном насыщении окружения Трампа сравнительно молодыми яркими интеллектуалами разных, часто противоположных, взглядов, и он решил окружить его фигурами, ранее не привлекавшими внимание мейнстримной прессы. Тем не менее показательно, что столь разные, почти противоположные философские течения, как христианский постлиберализм и либертарианское Темное просвещение, оказались востребованы одной администрацией и имеют одного промоутера.

Главный программный тезис Темного просвещения можно описать одним выражением: крайнее отвращение от демократии. Все адепты этого течения сходятся на том, что политическая демократия является пережитком прошлого, впрочем, как и тесно связанная с ней идея политического и культурного равенства людей. «Свобода несовместима с демократией», — этот тезис принадлежит самому Тилю, который высказал его в своем эссе 2009 года «Воспитание либертарианца»[18]. И поэтому для обеспечения технологического прорыва США, как и другим западным странам, следует отказаться от республиканского устройства и заменить его неомонархическим, по типу бизнес-предприятия с небольшим числом лиц, принимающих решения, не обязанных давать работникам отчет в своих действиях, и одним безусловным боссом, чья власть никем не оспаривается. По мнению К. Ярвина, именно такое устройство обеспечило технологический прорыв в XVII веке. Поэтому представляемое им течение еще часто называют термином «акселерационизм», то есть ставка на ускоренное возрастание. Демократия же ведет страну к деградации и упадку. Разумеется, антидемократический пафос идеологов Темного просвещения

[15] См. программное введение автора: Moldbag M. A Gentle Introduction to Unqualified Reservations // UR. 08. 01. 2009. URL: https://www.unqualified-reservations.org/2009/01/gentle-introduction-to-unqualified/ (дата обращения: 27.07.2026).

[16] См. в посвященном этому феномену целом номере журнала «Логос»: Ланд Н. Проклятие солнца // Логос. 2019. Т. 29. № 4. Темный Логос: другое Просвещение. С. 69–80.

[17] J.D. Vance calls Curtis Yarvin a «reactionary fascist»// The Nerd Reich. 13. 02. 2025. URL: https://www.thenerdreich.com/j-d-vance-calls-curtis-yarvin-a-reactionary-fascist/ (дата обращения: 27.07.2026).

[18] Thiel P. The Education of Libertarian // CATO Unbound. A Journal of Ideas. 2009. April 13. URL: https://www.cato-unbound.org/2009/04/13/peter-thiel/education-libertarian/ (дата обращения: 27.07.2026).

оказывается наполнен резким антисоциальным подтекстом: Ярвин даже провозгласил лозунг, выраженный английской аббревиатурой RAGE — Retire All Government Empoyes («уволить всех государственных чиновников»). Как утверждает современный российский исследователь Р. Ю. Белькович, «поползновения Трампа и Маска по урезанию бюджетных трат, по сокращению разного рода федеральных агентств — это попытка освободить индивида для нового технологического прорыва, ускорения темпов прогресса, поскольку прогресс несколько замедлился в контексте всех тех изменений, которые претерпела американская республика в XX веке»[19]. Трамп в союзе с Маском расчищал поле именно для очередного технологического рывка, который, по мнению технологических правых, требует освобождения от ограничений социального государства и политической демократии.

Эта идеология действительно легко смыкается с белым расизмом, черпая от него свою духовную энергетику. Неравенство людей легко трансформировать в неравенство рас, народов, стран. Разумеется, в этой системе взглядов нет места христианству, и большая часть адептов Темного просвещения — атеисты. Любопытно, что так же, как и сторонники Денина, представители этого течения видят врага в либерализме, практически в той же неформальной сети университетов, гуманитарных центров и мейнстримной прессы, которая вызывает такое негодование постлибералов. Но если религиозные традиционалисты видят в либеральной сети источник секуляризации и дехристианизации общества, то Ярвин усматривает в ее сохраняющемся влиянии своего рода пережиток Средневековья. Не случайно он называет эту сеть словом «Собор» (The Cathedral), вероятно, в том смысле, что современный демократический Собор точно так же относится к отступникам от либерализма, как инквизиция — к средневековым ересям. Именно Собор блокирует распространение научных знаний, которые могли бы расшатать представления о том, что люди не равны и не каждому из них можно доверить управление страной.

Как несложно убедиться, постлибералы и анархо-капиталисты, разновидностью которых являются и акселерационисты, или «темные просветители», — жесткие конкуренты. Но невозможно не увидеть, в чем они парадоксальным образом сходятся, и это сходство, к сожалению, идейно компрометирует религиозных консерваторов и, напротив, выгодно подчеркивает преимущество новых ницшеанцев. Сходятся они в скептическом отношении к демократии как совокупности незыблемых правил, как к той самой системе сдержек и противовесов, которая препятствует появлению в США «имперского президентства» по латиноамериканскому или среднеазиатскому образцу.

Еще одной чертой сходства можно назвать критику старого Просвещения. Постлибералы слишком увлечены деконструкцией либерального Просвещения с характерными для него индивидуализмом и рационализмом, и они не слишком много внимания уделяют опасности для них со стороны другой версии Контрпросвещения с альтернативной католическому традиционализму культурной и социальной повесткой. И, увы, пока постлибералы не нашли

[19] Илон Маск и его единомышленники: восстание против политики. Интервью с Родионом Бельковичем // Россия в глобальной политике. 07. 01. 2025. URL: https://globalaffairs.ru/articles/protiv-politiki-belkovich/ (дата обращения: 27.07.2026).

каких-то правильных слов в защиту институциональной демократии и рационального Просвещения, они выглядят как невольные пособники по разрушению механизмов системного сопротивления, как политического, так и культурного, тем силам, которым мешает нынешний гуманистический и либеральный Собор, как ранее мешал Собор католический.

Движение, у которого мало лиц, но много имен

У рассматриваемого нами движения много имен. Выражение *«Темное просвещение»* сравнительно недавнее и нельзя сказать, чтобы самое распространенное для обозначения рассматриваемого нами движения. В Америке оно в основном известно под именем «новая реакция», *«неореакционизм»* или, сокращенно, NRx. Чуть реже используется понятие tech-right, *«технологические правые»*, по аналогии с уже упомянутыми alt-right, «альтернативными правыми». Выражение «Темное просвещение» не американское, оно британского происхождения, его создатель — автор одноименного эссе 2012 года, британский философ, правда, уже много лет живущий в Шанхае, Ник Лэнд. В этом эссе Лэнд писал в том числе и о творчестве Кертиса Ярвина, надолго связав имя американского блогера со столь экзотичным наименованием[20].

Молдбаг произвел большое впечатление на Лэнда острой и бескомпромиссной критикой демократии как «провалившегося эксперимента», не стимулирующего, но сдерживающего развитие Соединенных Штатов и всей «западной цивилизации». Лэнд, вероятно, уже задумывался над вопросом о том, почему Запад проигрывает технологическую гонку Китаю, и вот Молдбаг давал на этот вопрос простой, но весьма доходчивый ответ: «Западу не дает развиваться электоральная демократия», «Запад сдерживает ошибочное представление о том, что все люди равны». Тут нужно вспомнить и еще одно понятие, связанное с Темным просвещением, — *акселерационизм*, философию ускорения времени, предполагающую отказ от всех тех ценностей и предрассудков, которые не позволяют времени рвануть вперед.

Итак, целых четыре имени (Темное просвещение, неореакционизм, акселерационизм и tech-right) имеет идейное течение, которое включает в себя не так уж много людей. Помимо Ярвина и Лэнда следует назвать неожиданно исчезнувшего из медийного пространства публициста Майкла Анисимова, политического философа Ганса-Германа Хоппе, философов Джастина Мерфи и Стивена Сэйлера. Наверное, имеются и другие фигуры, но они уже куда менее известны и неразличимы с высоты птичьего полета. При этом два самых популярных представителя Темного просвещения — вышеупомянутый Ник Лэнд и его американский визави Кертис Ярвин, тот самый, что скрывался под ником Молдбаг, — до февраля этого года никогда лично не пересекались. Лишь в этом году, в феврале 2026 года, состоялась их встреча в Сан-Франциско по приглашению известного предпринимателя, основателя компа-

[20] Land, Nick. The Dark Enlightenment. URL: https://keithanyan.github.io/TheDarkEnlightenment.epub/TheDarkEnlightenment.pdf (дата обращения: 27.07.2026).

нии Midjourney Дэвида Холца. Судя по описанию этой встречи, оба участника не были расположены к оживленному разговору и сухо отвечали на вопросы. Создавалось впечатление, что вожди Темного просвещения понимают, что пик их движения мысли остался в прошлом, а его будущее непредсказуемо. Скепсис отцов-основателей вызвал некоторое недоумение у более молодых единомышленников типа американского философа Джастина Мерфи, который показался журналистам несколько обескураженным сдержанностью корифеев: «У нас есть искусственный интеллект, — говорил он журналистам, — у нас есть крипта. Воукизм мертв. Мы можем уже не чувствовать себя в изоляции». Казалось бы, удивлялся философ, вожди «неореакции» должны торжествовать, но они демонстрировали смятение и усталость.

Четыре источника Темного просвещения

Чтобы понять Темное просвещение, нужно принять во внимание, что это течение рождается на пересечении нескольких идейных линий — как вполне респектабельных, так и сугубо маргинальных. Таких линий, пожалуй, четыре. Можно использовать следующую иллюстрацию: из четырех разных углов шли навстречу друг другу четыре разных человека, и вдруг они сошлись в одной точке — вроде разошедшихся «на все четыре стороны» усилиями джинна злодеев-колдунов в детском фильме «Алладин и волшебная лампа». Но, дойдя до точки сближения, каждое из движений, слившись с другими, должно было претерпеть небольшую идейную трансформацию.

Начнем с первого и, вероятно, основного течения, лежащего в основе Темного просвещения, — **американского правого либертарианства**, известного широкому кругу отечественных читателей прежде всего по романам Айн Рэнд и фантастической утопии Роберта Хайнлайна. Правые либертарианцы выступали за то, чтобы освободить бизнес от опеки государства, уменьшить степень вмешательства правительства в экономическую жизнь. «Государство, — говорил, воспроизводя либертарианские идеи, президент Рейган, — не инструмент для решения проблем, это сама по себе проблема». Питер Тиль, Илон Маск — открытые либертарианцы, и, в принципе, Кертис Ярвин в своем блоге лишь договаривал за них их собственные мысли.

Ярвин попытался показать, каким должно быть государство, чтобы отвечать интересам бизнеса, и пришел к выводу, что оно должно максимально напоминать корпорацию с небольшим по составу советом акционеров, с исполнительным директором, ответственным перед этим советом, и массой исполнительных, но бесправных сотрудников, — то есть с малым числом лиц, принимающих решения, причем без всякой отчетности перед рядовыми работниками. Идеалом для Ярвина было абсолютистское государство эпохи Фридриха II, кстати, одного из активных покровителей французского Просвещения. По мнению Ярвина, поступательное развитие правильной, как он выражается, «камералистской» модели государства прервала Французская революция, утвердившая идею равенства и провозгласившая идеалом государственного устройства республику. С этого момента и начался упадок западного развития и проекта Просвещения, который достиг своей кульминации в наши дни.

Ярвин явным образом выразил то, что логически вытекало из идей либертарианцев: государство должно строиться по тем же принципам, что и фирма: в него должно быть позволено свободно вступить и из него разрешено столь же свободно выйти. Подобной моделью государства гарантируется полная свобода контрактных отношений без права вмешательства в жизнь сообщества со стороны неких внешних инстанций. Ярвин называет описываемую им модель сообщества Sovcorp, или «свободная корпорация». По мнению его сторонников, чем больше таких корпораций, тем лучше, а вся беда для свободы происходит от того самого Собора, который лишает слова, налагает запрет, устанавливает отмену не вписывающихся в идеологическую парадигму либеральной демократии суждений — в частности, представлений о том, что люди не равны и их нельзя мерить равной мерой, подводить под один усредненный стандарт.

Итак, главный компонент Темного просвещения — американское либертарианство, освободившееся от лояльности к демократии. Второй — это континентальный постмодернизм, прочитанный глазами правого теоретика. Пионером правого прочтения левых континентальных классиков следует считать крестного отца Темного просвещения Ника Лэнда. Мыслители типа Юргена Хабермаса давно подозревали, что постмодернизм, каким бы левым и даже радикально левым он себя ни считал, на самом деле глубоко реакционен, поскольку является выражением мироощущения художественно-литературной богемы[21]. Представителям богемы присуще стремление видеть себя в качестве сверхлюдей, избранной элиты, высших слоев общества. Тем не менее почти все постмодернисты считали себя марксистами, социалистами и видели себя на левом фланге общественного движения.

Лэнд, как и его молодой и, похоже, более талантливый американский последователь Джастин Мерфи, полагают, что на самом деле Батай, Делёз и другие культовые фигуры французского левого ницшеанства были людьми реакционными по своему мироощущению в том смысле, что культ равенства был им глубоко чужд. Делёз, например, реабилитировал в философском отношении такое явление, как мазохизм — не в смысле стремления к боли, а в плане желания подчинения[22]. Стоит соединить желание подчиняться и претензию повелевать с правым либертарианством, с критикой Собора, и все встает на свои места: с позиции либертарианской неореакции, контрактные отношения между господином и подчиненным абсолютно законны, и никакой институт не имеет права эти отношения подвергать критике с точки зрения какой-либо якобы универсальной системы ценностей. С точки зрения Мерфи, нужно избавиться от всех, кто навязывает нам обязательство бороться за равенство, кто разрушает неписанный контракт между рабом и господином, — иными словами, освободиться от влияния все того же пресловутого Собора. Итак, второй компонент Темного просвещения — постмодернизм, освобожденный от его связки с левизной и эгалитаризмом, если угодно, свободная трансгрессия без оглядки на Собор.

[21] См., например: Habermas J. Taking Aim at the Heart of Present: On Foucault's Lecture on Kant's What is Enlightenment? // Habermas J. The New Conservatism. Cultural Criticism and the Historians Debate. Boston: Policy Press, 1994. P. 173 – 180.

[22] Murphy J. Based Deleuze: The Reactionary Leftism of Gilles Deleuze. Austin; Other Life, 2019.

Есть и второстепенные линии. Их тоже две. С одной стороны, вплотную к Темному просвещению примыкают уже упоминавшиеся «**альтернативные правые**», защитники «белого человека» и «белой идентичности». Сторонники «неореакции» стесняются откровенно высказываться на подобные темы, и они, как правило, очень далеки от симпатий к национал-социалистической версии расизма. Они предпочитают рассуждать о «биоразнообразии», о необходимости разных образовательных подходов к людям с разным IQ, но при этом не протестуют против интерпретации «биоразнообразия» в смысле расовой сегрегации. Ярвин предельно уклончив в этом вопросе, но многие сторонники alt-right весьма позитивно оценивают успех Темного просвещения, видя в нем первый шаг к реабилитации расового и гендерного неравенства. Тем более что среди идейных учителей Ярвина называют и ныне здравствующего Стивена Сэйлера — писателя и блогера, активного участника различных проектов alt-right типа вышеупомянутого сайта VDARE. Считается, что Сэйлер и разработал теорию «научного биоразнообразия», которую потом взял на вооружение Ярвин[23].

Если, с одной стороны, Темное просвещение примыкает к движению alt-right, то с другой — оно оказывается связано с **трансгуманизмом**, причем в его наиболее причудливой «сингуляристской» версии. Напомню, что сторонники концепции «технологической сингулярности», в частности, самый известный представитель этого течения Рэй Курцвейль, предполагают, что примерно к 2030 году человечество утратит контроль над развитием искусственного интеллекта[24]. И дело даже не в том, что последний обретет волевую способность определять нашу жизнь, руководствуясь своими соображениями, а в том, что рекомендации искусственного интеллекта относительно всех вопросов нашего социального существования по своему проникновению в суть дела будут превосходить возможности человеческого суждения. ИИ сможет заранее просчитывать успех военных действий, видеть отдаленные последствия экономических реформ, тех или иных политических решений и просто человеческих поступков. Человек начнет постоянно сверяться с ИИ, и тот ему будет подсказывать, как правильно себя вести, чтобы добиться эффективного результата. Кто отвергнет такую помощь, окажется в заведомом проигрыше. В итоге, человек просто перестанет принимать самостоятельные решения, полагаясь во всем на интеллект суперкомпьютера.

Многих консерваторов пугает перспектива утраты человечности в ходе такого технологического рывка, но сторонники сингулярности, те, кто убеждены, что к ней надо стремиться, а не убегать от нее, не унывают: они как раз видят в такого рода цивилизационном изменении шанс для человечества совершить некий рывок, на который оно не отваживается по своей лени или же малодушию. Майкл Анисимов, ученик самого известного сингуляриста Рэя Курцвейля и его прежний соработник в компании Google, может считаться связующим звеном между «трансгуманизмом»

[23] См., в частности: Sailor S. Noticing: An Essential Reader (1973 – 2023). Passage Publishing, 2024.

[24] См. его самую известную книгу: Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. Viking Adult. 2005. URL: https://dn790006.ca.archive.org/0/items/kurzweil-ray-the-singularity-is-near/Kurzweil%2C%20Ray%20-%20The%20Singularity%20Is%20Near.pdf (дата обращения: 27.07.2026).

и Темным просвещением[25]. Не случайно этого плодовитого и популярного в недавнем прошлом автора так и называют «Темный трансгуманист». В целом другие сторонники описываемого нами течения готовы подписаться под лозунгом ничем не ограниченного технологического развития, поскольку в любом случае оно есть благо, к которому надо стремиться, а не угроза, которую следует предотвращать.

Разумеется, сторонники Темного просвещения допускают, что искусственный интеллект позволит реализовать все их правые мечтания, а вслед за технологической сингулярностью наступит эпоха нового господства западной цивилизации или, если угодно, белого человечества, только представленного по преимуществу интеллектуалами с большим IQ, способными задавать ИИ правильные вопросы и верно истолковывать его ответы.

Приближение к реальности

Итак, мы имеем целый сплав различных идейных течений — либертарианства, постмодернизма, теории белой исключительности и, наконец, технологического сингуляризма. Можно ли дать этому сплаву еще одно популярное определение — «технофашизм»? Слово «фашизм» скорее ругательство, но в данном случае его появление, конечно, не случайно. Ярвина трудно упрекнуть в симпатиях к Гитлеру и немецкому национал-социализму, у него, как мы говорили, совсем другой идеал. Однако реализация инициатив Ярвина, если она, не дай Бог, случится, приведет к настолько радикальной трансформации общества, что последствия могут оказаться совершенно непредсказуемыми.

Можно себе представить, что произойдет в одном отдельно взятом крупном городе, если в нем какая-либо этническая общность объявит о своем приоритетном праве на власть и собственность на основании биологически присущих представителям этой общности умственных и творческих способностей. Легко вообразить вероятную реакцию на статью в газете, передачу по телевизору, выступление на конференции с подобного рода тезисами, чтобы прийти к очевидному выводу: перевести подобные слова в дела можно будет только с применением избыточного насилия. После попытки реализовать что-то подобное начнется абсолютно неизбежный межэтнический конфликт, чреватый гражданской войной, — и обществу будет уже не до либертарианских утопий. Примерно то же самое произойдет и в США, когда кто-нибудь захочет отменить там всеобщее избирательное право или ввести правление по образцу сословной монархии XVIII века.

Иными словами, маловероятно, что конкретные политические проекты сторонников Темного просвещения будут реализованы где-либо, кроме как в фантазии или в пространстве Всемирной сети. Однако можно допустить, что отдельные интуиции Темного просвещения могут быть легко взяты на вооружение — даже до наступления технологической сингулярности. Либертарианская мечта о создании неких новых государственных институций —

[25] Anissimov M. A Critique of Democracy: A Guide for Neoreactionaries. Zenit books, 2015.

своего рода криптогосударств с криптовалютой, криптозаконами и криптонасилием — может вполне воплотиться в жизнь: скажем, в странах третьего мира, на специально выделенных территориях. Возникло же в многоконфессиональной Палестине в XX веке еврейское государство. Почему не может аналогичным образом появиться где-нибудь в Южной Америке государство исключительно белых людей? «Собор» либеральной интеллигенции, конечно, будет возмущаться появлением такого сообщества, каким бы добровольным и локальным оно ни было, однако роль Темного просвещения и состоит в том, чтобы с либертарианских позиций заранее дискредитировать подобное возмущение, деконструировав претензии либералов на универсализм. Несложно представить себе и государство, в котором было бы легализовано добровольное рабство, допустим, с элементами сексуальной перверсии, на контрактной основе, но претендующее на суверенитет. Или же государство гендерного неравноправия со средневековым представлением о роли женщины в обществе. Пусть традиционные государства остаются в плену либеральной теократии, уже рассуждают неореакционеры типа Джастина Мерфи, но не мешайте нам строить наш «прекрасный новый мир» на задворках человечества, или, на худой конец, в сетевом пространстве. Конечно, не Кертис Ярвин построит такой расистский или сексистский рай и даже не Питер Тиль, однако после той критики политической универсализма, которую предприняли адепты Темного просвещения и после раскрутки, которую получили их идеи, будет уже непросто теоретически обосновать моральное осуждение, которое может получить неореакционная утопия в ее либертарианской версии. Философией Темного просвещения крупный капитал открывает себе поле для самых радикальных политических экспериментов.

Однако роль Темного просвещения нельзя свести только к популяризации либертарианства. Не забудем и о той ставке на развитие искусственного интеллекта, которую делает, с одной стороны, западная цивилизация, а, с другой — интеллектуальный класс. В настоящее время те, кто связывает себя с этими сущностями, испытывают чувство фрустрации: Запад проигрывает технологическую конкуренцию с Китаем, а интеллектуальный класс шаг за шагом уступает политическое первенство другим группам населения — силовой бюрократии, владельцам природных ресурсов, строителям финансовых пирамид. В основе Темного просвещения — ясная догадка, что эти две проблемы — регресс Запада и упадок интеллектуального класса — связаны между собой и у них есть общее решение. И это решение — освобождение искусственного интеллекта от всех консервативных препон, мешающих его использованию. Только в связке с неостановимым технологическим прогрессом, считают сторонники неореакции, интеллектуальный класс вернет себе давно утраченное еще со времен далеких 60-х лидерство, а Запад как цивилизация сможет обрести ту динамику, которая обеспечит ему победу в соперничестве с Китаем.

Что для этого нужно? Нужно, чтобы интеллектуальный класс смог, наконец, отказаться от левизны, от эгалитарного мышления, от желания универсальной справедливости, нерациональной и неосуществимой. Вот это избавление от левой чувствительности и является по существу главной задачей данного течения, а не набор каких-то цезаристских или же олигархических политических рецептов, неосуществимых в современном обществе. Темное просвещение

предлагает интеллектуальному классу Запада добиться своего социального реванша, но не при опоре на рабочее движение или не при поддержке угнетенных меньшинств, а в связке с высокотехнологическим бизнесом, с помощью пропаганды иерархического порядка и свободных контрактных отношений, а не культивирования равенства как результатов, так и возможностей. Думаю, что именно этот аспект данного течения рассчитан на длительную перспективу, и его не нужно недооценивать. Поэтому неожиданная популярность так называемой неореакции — конечно, симптом действительно существенных социокультурных трансформаций, которые следует внимательно отслеживать и внимательно анализировать. Реальным соперником Темного просвещения сегодня является не та или иная левая философия, которая в своем постмодернистском варианте подорвала свое право на критику либертарианского партикуляризма с универсалистских позиций, а скорее постлиберализм, пытающийся найти новое обоснование как морального **универсализма**, так и принципов эгалитаризма в религиозной традиции. По-видимому, этот спор и будет составлять нерв общественно-политических дискуссий, причем далеко не только в Соединенных Штатах, но и в Европе, и в значительной степени в России, где идеи Темного просвещения постепенно завоевывают популярность.

Список литературы

1. Вэнс Дж. Д. Элегия Хиллбили. М., 2021.

2. Илон Маск и его единомышленники: восстание против политики. Интервью с Родионом Бельковичем // Россия в глобальной политике. 2025. 7 января. URL: https://globalaffairs.ru/articles/protiv-politiki-belkovich/ (дата обращения: 27.07.2026).

3. Ланд Н. Проклятие солнца // Логос. 2019. Т. 29. № 4. Темный Логос: другое Просвещение. С. 69—80.

4. Межуев Б. В. Виртуальная контрреволюция. Движение Alt-Right и его общественно-политические перспективы // Россия в глобальной политике. 2018. № 6. С. 44—62. URL: https://globalaffairs.ru/articles/virtualnaya-kontrrevolyucziya/ (дата обращения: 27.07.2026).

5. Межуев Б.В. Новая классовая война на Западе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. Реферативный журнал. 2020. № 4. С. 142—151.

6. Межуев Б.В. Постлиберализм как консерватизм трудящегося класса. Из интервью Бориса Межуева с Патриком Денином // Тетради по консерватизму. 2021. № 4. С. 115—118.

7. Ярвин К. Темное Просвещение. Американские консерваторы против Империи и Собора. Документальный триллер. М., 2023.

8. Anissimov M. A Critique of Democracy: A Guide for Neoreactionaries. Zenit books, 2015.

9. Levine J. Prominent white supremacist Richard Spencer endorses Kamala Harris // New York Post. 02.11.2024. URL: https://nypost.com/2024/11/02/us-news/prominent-white-supremacist-richard-spencer-endorses-kamala-harris/(дата обращения: 27.07.2026).

10. Beauchamp Z. The 6 thinkers who would define a second Trump term // Vox. 25.09.2025. URL: https://www.vox.com/politics/373620/trump-second-term-thinkers-theorists-ideas-agenda-right-explained (дата обращения: 27.07.2026).

11. Brooks D. How Democracies Perish // The New York Times, 2018, 11 January. URL: https://www.nytimes.com/2018/01/11/opinion/how-democracies-perish.html (дата обращения: 27.07.2026).

12. Fukuyama F. Identity: The demand for dignity and the politics of resentment N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

13. Mayer J. The Reclusive Hedge-Fund Tycoon Behind the Trump Presidency // The New Yorker. 2017. March 17. URL: https://www.newyorker.com/magazine/2017/03/27/the-reclusive-hedge-fund-tycoon-behind-the-trump-presidency (дата обращения: 27.07.2026).

Murphy J. Based Deleuze: The Reactionary Leftism of Gilles Deleuze. Austin; Other Life, 2019.

14. Peter Brimelow: Why We've Suspended VDARE and I've Resigned After 25 Years // VDARE.COM. 23. 07. 2024. URL: https://www.vdare.name/articles/peter-brimelow-why-we-ve-suspended-vdare-and-i-ve-resigned-after-25-years (дата обращения: 27.07.2026).

15. Deneen P. Regime Change: Toward a Postliberal Future. N.Y.: Sentinel, 2023.

16. Dove N. Sunset on the Dark Enlightenment: Inside Nick Land's San Francisco "Arrival Party" // Vice. 2026. 13 February. URL: https://www.vice.com/en/article/sunset-on-the-dark-enlightenment-inside-nick-lands-san-francisco-arrival-party/ (дата обращения: 27.07.2026).

17. Douthat R. Is There Life After Liberalism? // The New York Times, 2018, 13 January. URL: https://www.nytimes.com/2018/01/13/opinion/sunday/life-after-liberalism.html (дата обращения: 27.07.2026).

18. Habermas J. Taking Aim at the Heart of Present: On Focault's Lecture on Kant's What is Enlightenment? // Habermas J. The New Conservatism. Cultural Criticism and the Historians Debate / transl. by S. Weber Nicholsen. Boston: Policy Press, 1994. P. 173—180.

19. J. D. Vance calls Curtis Yarvin a "reactionary fascist"// The Nerd Reich. 13. 02. 2025. URL: https://www.thenerdreich.com/j-d-vance-calls-curtis-yarvin-a-reactionary-fascist (дата обращения: 27.07.2026).

20. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. Viking Adult. 2005. URL: https://dn790006.ca.archive.org/0/items/kurzweil-ray-the-singularity-is-near/Kurzweil%2C%20Ray%20-%20The%20Singularity%20Is%20Near.pdf (дата обращения: 27.07.2026).

21. Sailor S. Noticing: An Essential Reader (1973—2023). Passage Publishing, 2024.

22. Szalai J. If Liberalism is dead, What Comes Next? // The New York Times, 2018, 17 January. URL: https://www.nytimes.com/2018/01/17/books/review-why-liberalism-failed-patrick-deneen.html (дата обращения: 27.07.2026).

23. Thiel P. The Education of Libertarian // CATO Unbound. A Journal of Ideas. 2009. April 13. URL: https://www.cato-unbound.org/2009/04/13/peter-thiel/education-libertarian/ (дата обращения: 27.07.2026).

Футурологические проекты глобальных элит: анализ моделей будущего и политического измерения России

ORCID: 0009-0007-0558-6310
E-mail: lebedeva-ei@ranepa.ru

Екатерина Игоревна Лебедева

Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия.

PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and Political Administration, Faculty of Political Studies, Institute of Social Sciences, RANEPA, Moscow, Russia.

DOI: 10.67139/3033-8301.2026.2.2.009

Аннотация

Статья посвящена анализу концепций будущего, формируемых группами мировых элит, транснациональными структурами и центрами высокой компетенции, обладающими не только интеллектуальными, но и институциональными ресурсами для продвижения собственных моделей развития. В фокусе исследования находятся механизмы конструирования будущего и проектируемые модели развития, артикулируемые в концепциях, стратегических программах и идеологических нарративах глобальных элит. Исследование также направлено на выявление и оценку потенциальных социокультурных, экономических, политических и социально-архитектурных последствий для России, которые могут возникать при развертывании различных моделей будущего. Особое внимание уделено тому, что подобные проекты имеют не только прогностическое, но и нормативно-политическое значение: они задают желательные образы человека, общества, государства, технологий, труда, образования, семьи и политической субъектности. Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, сочетающий элементы интеллектуальной истории, критического дискурс-анализа и сравнительного анализа футурологических моделей. Отбор источников осуществлялся с учетом их включенности в глобальную повестку и влияния на формирование представлений о будущем мирового порядка.

В качестве критериев сопоставления рассматриваются отношение к государственному суверенитету, степень технологического детерминизма, характер антропологической трансформации, а также возможные социально-архитектурные последствия реализации тех или иных моделей будущего. Научная новизна статьи определяется систематизацией и сравнительным анализом представлений о «новом человеке» в ключевых футурологических проектах глобальных элит и их интерпретацией с точки зрения российских цивилизационных установок и института социальной архитектуры. В исследовании выявляются узловые смыслы, в которых данные проекты затрагивают базовые политические, социокультурные и ценностные основания российского развития. Показано, что ряд современных моделей будущего предполагает размывание классического государственного суверенитета, переопределение традиционной идентичности, изменение представлений о человеке и трансформацию политической субъектности. В результате исследования обосновывается, что для России анализ глобальных проектов будущего имеет не только теоретическое, но и стратегическое значение. В выводах подчеркивается необходимость формирования и сохранения российского метанарратива будущего как инструмента защиты цивилизационной идентичности, укрепления субъектности и обеспечения суверенного развития в условиях мировой политической турбулентности.

Ключевые слова

Футурологические проекты, глобальные элиты, цивилизационный код, политическое проектирование, суверенитет, модели будущего, политическая субъектность, фундаментальная субъектная триада, социальная архитектура.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the concepts of the future formed by groups of world elites, transnational structures and centers of high competence, possessing not only intellectual but also institutional resources to promote their own development models. The research focuses on the mechanisms of constructing the future and projected development models articulated in the concepts, strategic programs and ideological narratives of global elites. The research is also aimed at identifying and assessing the potential socio-cultural, economic, political, and socio-architectural consequences for Russia that may arise from the deployment of various models of the future. Special attention is paid to the fact that such projects have not only predictive, but also regulatory and political significance. They set desirable images of a person, society, the state, technology, labor, education, family, and political subjectivity. The methodological basis of the research is an interdisciplinary approach combining elements of intellectual history, critical discourse analysis and comparative analysis of futurological models. The selection of sources was carried

out taking into account their inclusion in the global agenda and their influence on the formation of ideas about the future of the world order. The criteria for comparison are the attitude towards state sovereignty, the degree of technological determinism, the nature of anthropological transformation, as well as the possible socio-architectural consequences of the implementation of certain models of the future. The scientific novelty of the article is determined by the systematization and comparative analysis of ideas about the "new man" in key futurological projects of global elites and their interpretation from the point of view of Russian civilizational attitudes and the institute of social architecture. The study identifies the key meanings in which these projects affect the basic political, socio-cultural and value foundations of Russian development. It is shown that a number of modern models of the future involve the erosion of classical state sovereignty, the redefinition of traditional identity, a change in ideas about man and the transformation of political subjectivity. As a result of the research, it is proved that for Russia, the analysis of global projects of the future is not only of theoretical, but also of strategic importance. The conclusions emphasize the need to form and preserve the Russian meta-narrative of the future as a tool for protecting civilizational identity, strengthening subjectivity and ensuring sovereign development in the context of global political turbulence.

Keywords

Futurological projects, Global elites, Civilizational code, Political engineering, Sovereignty, Future models, Fundamental triad of subjectivity, Social architecture.

Обстоятельства в мировой политике складываются так, что глобальные вызовы XXI в. — кризис мировой политической системы, проблемы противостояния стран Запада с Россией и Китаем, неспособность либеральной демократии решать насущные проблемы современного мироустройства, возрастающее социальное неравенство, фундаментализм, локальные войны — создают условия для жесточайшей конкуренции за определение одной из ключевых форм политической борьбы современности — образа будущего. Сегодня через него задаются представления о допустимых формах общественного устройства, границах технологического развития, модели человека, роли государства, характере труда, образования, семьи и политической субъектности. В этом смысле футурологические концепции глобальных элит представляют собой не просто попытки описания вероятных сценариев развития человечества, но и инструменты «нормативного» проектирования социальной реальности.

Для нашей страны этот вызов имеет особое значение. Стратегические задачи Российской Федерации в условиях беспрецедентного

санкционного давления объективно усложняются и количественно возрастают, что обусловлено ограничением доступа к внешним рынкам, закрытием государственных границ, остановкой отдельных производств, а также разрывом сложившихся экономических, социальных и культурных связей. Указанные факторы детерминируют необходимость одновременного решения комплекса взаимосвязанных задач, включая обеспечение технологического суверенитета, переориентацию внешнеэкономической деятельности, поддержку национального производства и сохранение социальной стабильности. В этой связи формирование и укрепление российского проекта образа будущего приобретает статус системообразующей задачи, выступающей условием обеспечения цивилизационной субъектности и предполагающей опору на самосознание, суверенное целеполагание и институциональное самопроектирование[1].

Что представляют собой «модели будущего»?

Представления и попытки проектирования будущего можно увидеть в каждом известном нам обществе с давних времен. Распространенное среди людей представление, что человечество развивается в основном эволюционным путем, причем естественным образом, к сожалению, не совсем верно.

Существует целое направление социальных исследований — «исследования будущего», целью которых является систематическое изучение будущего. Как отмечает профессор Йельского университета У. Белл, футурологи уже давно предпринимают попытки изучения и оценки вероятностных и предпочтительных вариантов нашего будущего[2]. Так, состояние нашего мира — один из «проектов мироустройства» (одной из моделей будущего, которое уже наступило), которую когда-то создали мировые элиты[3].

В научном плане «модель будущего» занимает место чрезвычайно важной междисциплинарной категории, и одним из принципов ее изучения стал сценарный подход, в рамках которого предполагается построение нескольких альтернативных вариантов развития. Американский футуролог, профессор Гавайского университета Дж. Датор отмечает, что «будущее невозможно предсказать, но при этом можно сформировать его альтернативные сценарии и предпочтительные образы»[4]. Поэтому «модель будущего» представляет собой инструмент для подготовки к совершенно различным вариантам общественного развития.

[1] Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М., 2020. С. 96 — 103.

[2] См.: Slaughter R. A. The Knowledge Base of Futures Studies. Vol. 1. P. 28 — 56. URL: https://www.researchgate.net/publication/265186494_An_overview_of_futures_studies (дата обращения: 20.05.2026).

[3] Садовничий В. А., Акаев А. А., Ильин И. В., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование глобальной динамики в XXI веке // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-i-prognozirovanie-globalnoy-dinamiki-v-xxi-veke (дата обращения: 09.05.2026).

[4] Dator J. A. Noticer in Time. Selected work, 1967 — 2018. URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-17387-6 (дата обращения: 01.06.2026).

Еще одним подходом выступает культурно-ценностный, где исследователи рассматривают образ будущего как фактор формирования идентичности[5]. Автор термина «образ будущего» нидерландский ученый Фред Полак подчеркивал, что «осознание идеальных ценностей является первым шагом в сознательном создании образов будущего и, следовательно, в сознательном создании культуры… ценность есть, по определению, то, что направляет к желаемому будущему»[6]. Такой подход позволяет рассматривать модели будущего не только как экспертные сценарии, но и как элемент коллективной идентичности.

В рамках же нормативно-проектного подхода будущее не столько изучается, сколько конструируется как желаемый мировыми элитами порядок. Так, французский футуролог, профессор Национальной консерватории искусств и ремесел (CNAM) в Париже М. Годе уделял особое внимание именно стратегической прогностике как связи между анализом возможных и желательных будущих и практическими действиями в настоящем[7]. Модель будущего представляет собой инструмент общественного проектирования и стратегической ориентации в условиях неопределенности.

Таким образом, модели будущего не только помогают понять возможные траектории развития, но и задают желательный образ общества, человека, государства и мирового порядка. В нормативном измерении проекты будущего определяют, какие формы развития считаются «общественно одобряемыми», какие институты должны быть «образцовыми», какие ценности выступают «универсальными» и какое место в будущем отводится тем или иным государствам.

Какие модели будущего сегодня формируют мировые элиты?

Цель настоящей статьи заключается в анализе футурологических проектов глобальных элит как политико-нормативных моделей будущего и в выявлении их значения для России. Для достижения целей в качестве рабочего определения под моделями будущего мы будем понимать концепции мироустройства, в рамках которых ТНК, финансовые институты и правящие круги планируют сохранить и приумножить свою власть.

В рамках исследования представляется необходимым проанализировать ключевые концепции, связанные с деятельностью Римского клуба, Всемирного экономического форума, К. Шваба, Ж. Аттали, Ж. Фреско, предлагающих различные сценарии мирового развития. Такой выбор обусловлен тем, что указанные авторы и институты представляют наиболее институционализированные и программно оформленные модели будущего, получившие ши-

[5] См.: Желтикова И. В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-buduschego-v-interpretatsii-f-polaka (дата обращения: 13.06.2026).

[6] Polak F. The Image of the Future. Amsterdam, L., N.Y. 1973. P. 10.

[7] Godet M. From Anticipation to Action: A Handbook of Strategic Prospective [Electronic resource]. P., 1994. URL: http://en.laprospective.fr/dyn/anglais/ouvrages/from-anticipation.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

рокое распространение в экспертной, политической и управленческой среде. Их концепции выражены не только в отдельных публицистических или философских текстах, но и в докладах, стратегических программах, международных дискуссионных площадках и проектах, претендующих на практическое влияние на глобальную повестку.

В то же время в исследование сознательно не включается линия, связанная с Дж. Фридманом[8], П. Тилем[9], К. Ярвином[10], Н. Лэндом[11] и более широким кругом технолибертарианской, неореакционной и акселерационистской футурологии. Несмотря на значимость этих авторов для понимания альтернативных образов будущего, они образуют самостоятельный проблемный корпус, требующий отдельного анализа[12]. Их концепции связаны не столько с институционально оформленной глобальной повесткой устойчивого развития, цифровой трансформации и управляемой модернизации, сколько с критикой демократии, технокапиталистическим ускорением, предпринимательским элитизмом, постлиберальными формами власти и идеями, получившими развитие в рамках так называемого Темного просвещения.

Таким образом, предмет настоящей статьи составляет не вся совокупность современных футурологических проектов, а прежде всего те конкурентные модели будущего, которые обладают выраженной институциональной представленностью и включены в глобальные экспертно-управленческие контуры, в качестве основных вызовов определяющие турбулентно-хаотическое состояние системы международных отношений; деформирование прежней политической системы и неопределенность контуров новой; собственное место и направление путей развития и выстраивания новой системы международной безопасности и доверия[13]. Особое внимание также важно обратить на то, как в этих моделях понимаются человек, технология, государство, семья, труд, образование, идентичность и политическая субъектность.

Доклады Римского клуба[14]

Доклады Римского клуба занимают в футурологических исследованиях особое место, поскольку именно в них одной из первых была предпринята попытка описать человечество не как совокупность отдельных государств, а как единую сложную систему, в которой демография, производство, природные ресурсы, технологии, куль-

[8] Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М., 2010.

[9] Thiel P., Masters B. Zero to One: Notes on Startups, or How to Build the Future. N. Y., 2014.

[10] Yarvin C. Unqualified Reservations [Electronic resource]. URL: https://www.unqualified-reservations.org/ (date of access: 16.06.2026).

[11] Land N. Meltdown // Fanged Noumena: Collected Writings, 1994—2007. Falmouthic; N.Y., 2011. P. 441—462.

[12] См. статьи Б. В. Межуева и В. Б. Прозорова и С. А. Ломова в этом номере. — *Прим. ред.*

[13] См.: Бухарин М. Д., Коваленко В. И., Цыганков П. А. Основы глобальной конкуренции: логистика и технологии в прошлом, настоящем и будущем. Часть 1. Эволюция миропорядка: доминирующие тенденции, конкурирующие логистические проекты // Вестник МГУ: Политология. 2023. № 4. С. 7—43.

[14] Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М., 2010.

тура и политическое управление находятся в постоянной взаимосвязи[15]. Основатель Римского клуба, итальянский ученый и экономист Аурелио Печчеи создал эту влиятельную международную организацию с целью объединения мировой элиты для осмысления и поиска решений глобальных проблем человечества[16]. Поэтому доклады Римского клуба необходимо анализировать не только как прогностические тексты, но и как проекты нормативного переосмысления мирового развития.

По открытым данным, докладов Римского клуба сейчас выпущено более 50, и значительная часть из них так или иначе посвящена моделям будущего. На протяжении нескольких десятилетий эти доклады сохраняли общую установку на анализ глобальных проблем человечества, однако способы постановки проблемы, представления о механизмах кризиса и предлагаемые пути выхода существенно менялись. Именно эта внутренняя эволюция позволяет говорить о трех относительно самостоятельных волнах. Выделение трех волн докладов Римского клуба носит аналитический характер и основано не только на хронологии их появления, но и на изменении исследовательской оптики, типа используемых моделей и нормативных акцентов. В качестве первого критерия автор использует тип модели будущего. В ранних докладах преобладали системно-динамические и математические модели, направленные на выявление пределов индустриального и демографического роста[17]. В последующих работах усилилось внимание к гуманитарным, образовательным, культурным и ценностным факторам[18]. В более поздних докладах модель будущего приобретает нормативно-трансформационный характер, поскольку акцент переносится на проектирование управляемого перехода к новой экономической и социальной архитектуре[19].

Вторым критерием выступал главный объект анализа. В первой волне таким объектом являлась глобальная система как совокупность взаимосвязанных материальных параметров (населения, ресурсов, промышленного производства, загрязнения и продовольствия). Во второй волне в центр анализа выходит человек как обучающийся, ценностный и культурный субъект, а также институты управления, способные или неспособные отвечать на глобальные вызовы. В третьей волне объектом анализа становится уже не только кризис глобальной системы, но и сама архитектура перехода (энергетика, климат, неравенство, продовольственные системы, социальная справедливость и институциональная перестройка).

Третьим критерием являлся характер нормативного вывода. Пер-

[15] Лейбин В. М. Римский клуб: хроника докладов // Философия и общество. 1997. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-klub-hronika-dokladov (дата обращения: 13.06.2026).

[16] Римский клуб: идея устойчивого развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-klub-ideya-ustoychivogo-razvitiya (дата обращения: 13.06.2026).

[17] The Limits to Growth. URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-limits-to-growth/ (дата обращения: 13.06.2026).

[18] The First Global Revolution. URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-first-global-revolution-1991/ (дата обращения: 13.06.2026).

[19] Come On! URL: https://www.clubofrome.org/publication/come-on-2017/ (дата обращения: 13.06.2026).

вая волна преимущественно предупреждала о риске выхода человечества за пределы устойчивости планеты. Вторая волна смещала внимание к необходимости изменения мышления, образования, ценностей и способов коллективного обучения. Третья волна формулирует более прикладную программу трансформации, где будущее понимается как результат целенаправленных политических, экономических и социальных решений.

Четвертым критерием выступает степень перехода от диагностики к проектированию. Ранние доклады фиксировали проблему и моделировали возможные последствия сохранения прежней траектории роста. Доклады второй волны ставили вопрос о способности общества осознать и переосмыслить эти вызовы. Поздние тексты уже предлагают набор конкретных направлений преобразований, фактически превращая футурологический анализ в программу глобального реформирования.

Таким образом, выделение трех волн основано на совокупности критериев: тип модели, объект анализа, нормативный вывод и степень перехода от диагностики к проектированию. Такая периодизация позволяет показать, что Римский клуб эволюционировал от экологико-системного предупреждения к гуманитарно-ценностному переосмыслению, а затем — к разработке программ управляемой трансформации мирового порядка.

Для достижения целей настоящей статьи представляется возможным выделить и проанализировать три основных волны «модельных» докладов **(табл. 1)**.

Первую волну открывает доклад Римского клуба The Limits to Growth 1972 года. Он стал поворотным моментом в развитии исследований будущего Д. Медоуза, Й. Рандерса и др., применивших компьютерную модель для анализа долгосрочного взаимодействия ключевых параметров мировой системы (численности населения, сельскохозяйственного производства, промышленного выпуска, загрязнения и невозобновляемых ресурсов)[20]. Новаторство заключалось в самой постановке проблемы: человечество анализировалось как система, способная выйти за пределы собственной устойчивости.

Следующий важный шаг был сделан в докладе Mankind at the Turning Point 1975 года, подготовленном М. Месаровичем и Э. Пестелем. Они обратили внимание на необходимость более сложного понимания взаимозависимости регионов и отмечали органический характер общества как условие ответа на мировые вызовы[21].

В конце 1970-х годов в докладах Римского клуба заметно усиливается гуманитарный поворот: ученые и экономисты все чаще стали обращаться к человеку, культуре, ценностям и способности общества к обучению. Так, например, в докладе Э. Ласло Goals for Mankind 1977 года акцент переносится на культурные установки и ценностные различия, от которых зависит восприятие экономической и политической политики[22]. А в рамках своего доклада No Limits to Learning 1979 года Д. Боткин, М. Малицей и др. пришли

[20] The Limits to Growth. URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-limits-to-growth/ (дата обращения: 13.06.2026).

[21] Mankind at the Turning Point. URL: https://www.clubofrome.org/publication/mankind-at-the-turning-point-1975/ (дата обращения: 13.06.2026).

[22] Goals for Mankind. URL: https://www.clubofrome.org/publication/goals-for-mankind-1977/ (дата обращения: 13.06.2026).

	Ключевые доклады	Модель будущего	Основной фокус	Проект будущего
Первая волна	The Limits to Growth (1972); Mankind at the Turning Point (1975)	Глобальное и региональное системное моделирование	Население, ресурсы, промышленность, загрязнение, продовольствие, глобальная взаимозависимость	Будущее описывается через ограничения планетарной системы, ресурсные пределы и риск выхода за границы устойчивости
Вторая волна	Goals for Mankind (1977); No Limits to Learning (1979); The First Global Revolution (1991)	Гуманитарно-управленческая модель	Ценности, культура, образование, способность общества учиться, этика	Акцент на человеческий потенциал, институциональные ответы на глобальные проблемы
Третья волна	Come On! (2018); The Planetary Emergency Plan (2019); Earth for All (2022)	Нормативно-трансформационная модель	Планетарные границы, климат, биоразнообразие, неравенство, энергетика, продовольственные системы, новая экономика	Будущее как проект сознательного перехода к новой экономике, социальной справедливости и экологической устойчивости

Таблица 1. Доклады Римского клуба

	Позиция Ж. Аттали	Позиция Ж. Фреско
Главный механизм будущего	Глобализация рынка, ослабление национального государства, переход к гиперимперии, гиперконфликту или гипердемократии	Научное управление ресурсами, автоматизация, кибернетика, отказ от денег и рыночного распределения
Образ человека	Человек включен в мировые сети рынка, технологий, информации и мобильности	Человек занимается творчеством, освобожден от денежной конкуренции и необходимости бороться за базовые ресурсы
Отношение к рынку	Рынок является мощной силой, но нуждается в ограничении через «позитивную экономику»	Денежно-рыночная система устарела и должна быть заменена на ресурсно-ориентированную экономику
Отношение к государству	Национальное государство ослабевает под давлением глобального рынка	Традиционное государство утрачивает определяющее значение, уступая место техносистеме управления, основанной на научных расчетах
Модель будущего	Геоэкономическая модель	Технократическая модель

Таблица 2. Концепции Ж. Аттали и Ж. Фреско

к выводу, что главная проблема человечества заключается не только в ограниченности и нерациональном использовании ресурсов, но и в способности учиться, переосмыслять проблемы и создавать новые формы образования[23].

Особое место во второй волне занимает доклад The First Global Revolution 1991 года А. Кинга и Б. Шнайдера[24]. Он вышел уже в совершенно новом историко-политическом контексте, после завершения холодной войны, когда биполярная архитектура мира претерпевала трансформацию. В этом докладе будущее начинает рассматриваться не только как пространство угроз и экономических рисков, но и как область политического и институционального проектирования.

В рамках третьей волны в докладе Come On! 2018 года Э. фон Вайцзеккер и А. Вийкман предлагают идею «нового Просвещения», которое должно восстановить баланс между человеком и природой, рынком и государством, краткосрочными интересами и долгосрочными последствиями[25]. Доклад The Planetary Emergency Plan 2019 года анализирует турбулентность современного мира как чрезвычайную ситуацию планетарного масштаба, где климатический кризис, утрата биоразнообразия и проблемы здоровья взаимно усиливают друг друга[26]. И в проекте Римского клуба Earth for All 2022 года предлагаются важные для всей планеты направления системного поворота, среди которых преодоление бедности, сокращение неравенства, преобразование продовольственных систем и энергетический переход к нулевым выбросам к 2050 году[27]. То есть современная волна докладов Римского клуба делает акцент на трансформации экономической и социальной системы.

Таким образом, эволюцию докладов Римского клуба можно представить как движение от экологического предупреждения к построению и навязыванию нормативной управленческой программы. Политическое значение докладов Римского клуба заключено в том, что они не только описывают возможные сценарии, но и формируют глобальные нарративы, в которых мировые элиты и обсуждают единственно «правильную» модель будущего для всех.

Концепции Жака Аттали и Жака Фреско

Особый исследовательский интерес в рамках настоящей статьи представляют футурологические модели, предложенные в концепциях французского экономиста Ж. Аттали и американского футуролога Ж. Фреско. Они рассматривают будущее как результат долгосрочной трансформации институтов, технологий, экономики

[23] No Limits to Learning. URL: https://www.clubofrome.org/publication/no-limits-to-learning-1979/ (дата обращения: 13.06.2026).

[24] The First Global Revolution. URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-first-global-revolution-1991/ (дата обращения: 13.06.2026).

[25] Come On! URL: https://www.clubofrome.org/publication/come-on-2017/ (дата обращения: 13.06.2026).

[26] The Planetary Emergency Plan. URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-planetary-emergency-plan/ (дата обращения: 13.06.2026).

[27] Earth4All. URL: https://earth4all.life/the-five-extraordinary-turnarounds/ (дата обращения: 13.06.2026).

и самого человека и акцентируют внимание на том, что современная цивилизация находится в состоянии деструктуризации, однако по-разному объясняют причины этого перехода и предлагают разные выходы для человечества.

Французский экономист, основатель и первый президент Европейского банка реконструкции и развития Ж. Аттали как представитель управленческой и финансово-институциональной среды строит свой проект будущего на предположении, что капитализм и рынок обладают собственной экспансивной логикой[28]. В своей работе A Brief History of the Future он анализирует несколько возможных фаз мирового развития, среди которых выделяет три основных — гиперимперию (власть рынка), гиперконфликт (состояние множественных столкновений, порожденных неравенством) и гипердемократию (попытка справедливого распределения благ, образ желаемого будущего)[29]. В рамках модели будущего Ж. Аттали представляется важным подчеркнуть, что он признает силу глобального капитализма, но предлагает идею «позитивной экономики». Под ней он понимает экономическую систему, которая будет ориентирована в первую очередь на долгосрочные интересы мира и будущих поколений[30].

Известный американский футуролог, промышленный дизайнер и социальный инженер Ж. Фреско, напротив, в своих идеях придерживается более радикальных представлений о будущем и предлагает принципиально иной тип модели будущего. В рамках своего проекта The Venus Project он видит будущее как глобальную социально-экономическую систему, в которой ресурсы являются общим наследием всех жителей Земли, а их распределение осуществляется не через денежные отношения, а через рациональное использование доступных ресурсов[31]. В этой модели деньги выступают рудиментом, устаревшим механизмом распределения, поскольку по-настоящему удовлетворять потребности населения могут только ресурсы, знания, энергия и технологии. Так, целью The Venus Project является мировой переход от современной экономики дефицита к будущей экономике изобилия, где автоматизация заменяет технический труд, а людям становятся доступны культурные, образовательные и социальные центры путем натурального обмена.

Сравним модели будущего Ж. Аттали и Ж. Фреско **(табл. 2)**.

Сравнение позиций Ж. Аттали и Ж. Фреско показывает два разных способа футурологического мышления. Для анализа глобальных проектов будущего эти концепции важны как полюса одной широкой дискуссии. И у Ж. Аттали, и у Ж. Фреско речь идет не столько о прогнозе на будущее, сколько о нормативном проекте, они задают образ желаемого общества, определяют место технологий и предлагают собственный «допустимый» образ человека будущего.

[28] Attali J. URL: https://berggruen.org/people/jacques-attali (дата обращения: 13.06.2026).

[29] Attali J. A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century. N.Y., 2009.

[30] Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.

[31] The Venus Project. URL: https://www.thevenusproject.com/tvphistoryevent/jacque-fresco-magnificent-obsession/ (дата обращения: 13.06.2026).

Еще одним источником моделей будущего являются доклады Всемирного экономического форума. Их ключевое отличие состоит в том, что они включают в себя сложную разветвленную систему экспертных документов[32]. В отличие от Римского клуба, где исходной точкой долгое время выступали экологические пределы роста, ВЭФ в своих докладах делает акцент на управляемой трансформации глобальной системы через технологии, многостейкхолдерное управление, публично-частное партнерство, новые стандарты регулирования и адаптацию институтов к Четвертой промышленной революции[33].

Основным идеологическим основанием этой модели будущего является концепция Четвертой промышленной революции, сформулированная немецким экономистом, профессором и создателем Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе К. Швабом. Он обращает внимание на то, что человечество сегодня находится на пороге технологической революции, которая полностью изменит то, как люди живут, работают и даже взаимодействуют друг с другом[34]. К. Шваб подчеркивает, что нас ждет интеграция физических, цифровых и биологических сфер.

В будущем, согласно проекту ВЭФ, произойдет перестройка всей архитектуры производства, управления и общественных отношений, трансформация системы производства, менеджмента. В этой связи модель будущего К. Шваба представляет собой управляемую технологическую модернизацию, в которой глобальные изменения будут координироваться через сеть мировых правительств, ТНК и международных организаций[35]. Роль государства меняется до неузнаваемости, теперь оно должно еще быстрее реагировать на появление новых технологий, работать с бизнесом и гражданским обществом, применять новые форматы совместного управления.

Отдельное место в докладах ВЭФ отводится вопросу цифровой идентичности. В докладе Identity in a Digital World цифровая идентичность рассматривается как особая инфраструктура доступа к продуктам, услугам, информации, финансовым операциям, образованию, здравоохранению, государственным сервисам и политической активности[36]. При этом развитие цифровой идентичности меняет саму суть общественного договора между человеком и социальными институтами, поскольку цифровое представительство за него определяет степень выбора, контроля, прав и возможностей в повседневной жизни. С одной стороны, цифровая идентичность выступает инструментом расширения возможностей, но, с другой стороны — потенциальной архитектурой контроля.

[32] The Global Risks Report 2026. URL: https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2026/digest/ (дата обращения: 13.06.2026).

[33] Global Economic Futures: Competitiveness in 2030. URL: https://www.weforum.org/publications/global-economic-futures-competitiveness-in-2030/ (дата обращения: 13.06.2026).

[34] Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond // Foreign Affairs. 2016. Vol. 93. № 1. P. 1 — 5.

[35] Leading through the Fourth Industrial Revolution Putting People at the Centre. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Leading_through_the_Fourth_Industrial_Revolution.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

[36] Identity in a Digital World. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_INSIGHT_REPORT_Digital%20Identity.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

Интересно также обратить внимание на образ будущего труда. В докладе The Future of Jobs Report 2025 WEF особое внимание уделяется вопросам технологических изменений, геоэкономической фрагментации, экономической неопределенности и зеленому переходу как главным факторам, которые влияют на трансформацию мирового рынка труда будущего[37]. Будущее труда в модели будущего К. Шваба описывается через постоянное переобучение, изменение структуры занятости, рост значения навыков и адаптацию работников к технологическим и экономическим сдвигам. Таким образом, человек будущего все чаще предстает в качестве носителя компетенций, данных и профессиональной адаптивности.

В докладе Global Risks Report 2026, посвящённом вопросам фрагментации социально-политического ландшафта, особенно выделяют геополитические, экологические, социальные и технологические вызовы, которые угрожают стабильности и прогрессу[38]. Большую роль играет также климатическая повестка. В докладе Fostering Effective Energy Transition 2025 отмечается, что глобальные показатели индекса энергетического перехода достигли максимальных значений, хотя темп перехода за последние годы и замедлился[39]. Поэтому будущее описывается через декарбонизацию, перестройку энергетических систем, устойчивые инвестиции и способность государств адаптировать экономику к экологическим требованиям.

Таким образом, модель ВЭФ задает не только описание будущего, но и то, какие институты считаются современными, какие формы регулирования признаются эффективными, какие навыки необходимы человеку и какие ценности включаются в глобальную повестку. Всемирный экономический форум формирует не только представление, каким будущее может быть, но и каким оно должно стать.

Место России в моделях будущего, которые сегодня формируют мировые элиты

Рассмотренные модели будущего можно объединить в несколько типов: экологико-системное планирование Римского клуба, управленческо-технологическая повестка ВЭФ и К. Шваба, рыночно-номадическая футурология Ж. Аттали, ресурсно-технократическая утопия Ж. Фреско. Их объединяет не только стремление описать вероятное будущее, но и проектирование «желательной» нормы будущего: какими должны быть человек, государство, экономика, семья, труд, образование, идентичность и политическая субъектность? Мы наблюдаем качественный сдвиг от «предупреждающей футурологии» к «проектирующей футурологии»[40].

Для того чтобы определить место нашей страны в большинстве глобальных моделей будущего, необходимо обратиться к резуль-

[37] The Future of Jobs Report 2025. https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

[38] The Global Risks Report 2026. URL: https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2026/digest/ (дата обращения: 13.06.2026).

[39] Fostering Effective Energy Transition 2025. https://reports.weforum.org/docs/WEF_Fostering_Effective_Energy_Transition_2025.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

[40] Садовничий В. А., Акаев А. А., Ильин И. В., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Указ. соч.

татам таблицы **(табл. 3)**, в которой часть выводов имеет характер авторской интерпретации. Это особенно важно применительно к концепциям Ж. Аттали и Ж. Фреско, где Россия не является специально артикулированным объектом анализа. Однако такая интерпретация методологически оправдана, поскольку каждая модель предлагает собственное понимание государства, суверенитета, ресурсов, технологий и человека. Именно через эти категории можно определить, какое место Россия занимает или могла бы занять в соответствующем проекте будущего.

Акцентируем внимание на том, что при анализе места России в рассматриваемых моделях будущего важно различать прямую источниковую фиксацию и исследовательскую реконструкцию. В докладах ВЭФ Россия чаще всего присутствует прямо, например, как объект сценарного анализа, участник энергетической трансформации, фактор геополитических рисков и, до 2022 года, возможный участник сети управления технологиями Четвертой промышленной революции[41]. В докладах Римского клуба Россия чаще появляется косвенно — через категории индустриального развития, ресурсного потребления, экологической нагрузки, энергетики, вооружений и планетарной устойчивости[42]. В концепции Ж. Аттали Россия не занимает самостоятельного центрального места, однако логика его модели позволяет рассматривать ее как национально-государственный субъект, находящийся под давлением глобального рынка и наднациональных форм управления[43]. В проекте Ж. Фреско Россия также прямо не выделяется, поскольку сама модель Venus Project стремится преодолеть национально-государственные различия через идею глобальной ресурсно-ориентированной экономики[44].

Таким образом, анализ места России в рассматриваемых моделях будущего показывает, что она редко выступает в них как самостоятельный центр цивилизационного проектирования. В докладах Римского клуба Россия включается преимущественно в глобальную экологико-ресурсную систему, в повестке ВЭФ и К. Шваба рассматривается через призму энергетики, технологической модернизации, институциональных изменений и геополитических рисков, в футурологии Ж. Аттали оказывается под давлением глобального рынка и наднационального управления, в проекте Ж. Фреско фактически растворяется в универсальной ресурсно-технократической модели. Общим для этих концепций является то, что Россия чаще определяется как объект адаптации или трансформации, чем как субъект самостоятельного определения и формирования будущего.

Для нашей страны главный вызов состоит в том, что большинство глобальных моделей будущего конструируются вне российской цивилизационной матрицы. В них Россия чаще оказывается либо

[41] Scenarios for the Russian Federation. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Scenarios_RussianFederation_Report_2013.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

[42] Meadows D.H. Beyond the Limits.

[43] Attali J. URL: https://berggruen.org/people/jacques-attali (дата обращения: 13.06.2026).

[44] The Venus Project. URL: https://www.thevenusproject.com/tvphistoryevent/jacque-fresco-magnificent-obsession/ (дата обращения: 13.06.2026).

Модель	Источники, в которых обозначено место России или близкая к этому позиция	Механизм конструирования будущего	Нормативный образ будущего	Место России (прямо следует из источников)	Место России (авторская интерпретация)
Римский клуб	В докладе The Limits to Growth[45] Россия прямо не выделяется, но модель рассматривает глобальную систему через население, промышленность, ресурсы, продовольствие и загрязнение. В докладе Beyond the Limits to Growth[46] прямо упоминаются США, Советский Союз, Япония и индустриально развитые страны как акторы, от которых зависит прекращение гонки вооружений и сдерживание экологической деградации	Системная динамика, сценарное моделирование, экологические ограничения	Управляемая устойчивость, ограничение сверхроста, баланс населения, ресурсов и промышленности.	Россия включается в общий контур индустриального роста, ресурсного потребления и экологических ограничений. Советско-российское пространство появляется через проблему мира, вооружений, индустриального развития и давления на природу	Россия важна как ресурсная, энергетическая и территориальная держава, но не как самостоятельный субъект
Ж. Аттали	В концепции Россия как отдельная страна не является центральным объектом анализа. Будущее связано с кризисом Pax Americana, усилением глобального рынка и переходом к мировому правительству через гиперимперию, гиперконфликт и гипердемократию[47]	Геоэкономическое моделирование капитализма, рынков	Гиперимперия, гиперконфликт, затем возможная гипердемократия	Россия не выступает как самостоятельный центр будущего. Главный субъект модели — глобальный рынок, мобильные потоки, финансово-технологическая динамика и будущие формы наднациональной организации	Россия рискует оказаться не центром, а одним из пространств борьбы между рынком, империей и конфликтом
Ж. Фреско	В концепции The Venus Project Россия прямо не выделяется. Проект посвящен идее глобальной	Технократическая утопия ресурсно-ориентированной экономики	Мир без денег, дефицита и политических конфликтов, управляемый наукой и ресурсным учетом	Россия не анализируется как отдельный политический субъект. Все национальные государства,	Россия могла бы быть ресурсным узлом, но ее государственно-историческая специфика

[45] The Limits to Growth. URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-limits-to-growth/ (дата обращения: 13.06.2026).

[46] Meadows D. H. Beyond the Limits: Global Collapse or Sustainable Future. L., 1992.

[47] Attali J. A Brief History of the Future.

	ресурсно-ориентированной экономики. В разделе целей указываются: вопросы преодоления искусственных границ, замена денежно-национальных экономик мировой ресурсной экономикой и постепенный выход за пределы национализма, правительств и корпоративных структур как форм социального управления[48]			включая Россию, встраиваются в универсальную логику планетарного управления ресурсами и постепенного преодоления государственных границ	растворяется в глобальной техносистеме
ВЭФ и К. Шваб	Доклад ВЭФ Scenarios for the Russian Federation 2013 года: Россия как экономика «на перепутье», зависящая от нефтегазового экспорта, качества институтов, социальной сплоченности и изменений глобального энергетического ландшафта[49]. В Global Risks Report 2022 года Россия описывается через энергетический кризис, геоэкономическую конфронтацию и фрагментацию мировой системы[50]	Многостейкхолдерное управление цифровая трансформация	Управляемая Четвертая промышленная революция	Россия рассматривается преимущественно через призму энергетики, институциональной модернизации, глобальных рисков, геополитической напряженности и включенности в мировые технологические и экономические процессы. ВЭФ также фиксировал, что Россия присоединилась к сети Centre for the Fourth Industrial Revolution, что показывает интерес к включению России в глобальную повестку технологического управления до разрыва 2022 года[51]	Россия оказывается вне ядра западной нормативной архитектуры, но затрагивается через труд, климат, ИИ, цифровую инфраструктуру и санкционно-геоэкономические разрывы

Таблица 3. Механизмы конструирования будущего мировыми элитами и место России в них

[48] The Venus Project. URL: https://www.thevenusproject.com/tvphistoryevent/jacque-fresco-magnificent-obsession/ (дата обращения: 13.06.2026).

[49] Scenarios for the Russian Federation URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Scenarios_RussianFederation_Report_2013.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

[50] Global Risks Report 2022. URL: https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2022/ (дата обращения: 13.06.2026).

[51] Centre for the Fourth Industrial Revolution. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Center_4th_Industrial_Revolution.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

объектом экологической и энергетической трансформации, либо ресурсной периферией, либо геополитическим противником и редко признается самостоятельным центром нормативного проектирования будущего. Это усиливает необходимость разработки собственного российского образа будущего, основанного на суверенитете, цивилизационной идентичности, технологическом развитии и сохранении политической субъектности.

Футурологические проекты глобальных элит: узловые смыслы конфликта

Современные футурологические проекты выступают как особые механизмы конструирования будущего, через которые задаются представления о нормальном устройстве общества, допустимых границах технологического развития, роли государства, формах труда, образования, семьи, идентичности и политической субъектности[52]. Вызов состоит в том, что глобальные элиты стремятся определить, каким оно должно быть и какие субъекты получат право его проектировать. Так, мы можем выделить основные узловые смыслы конфликта.

Представление о «новом человеке»

Одним из центральных узлов конфликта в рассматриваемых футурологических концепциях является вопрос о том, каким должен стать человек будущего. В этих проектах речь идет не только о технологическом, экономическом или экологическом переустройстве мира, но и о более глубокой антропологической трансформации. Каждая модель будущего предлагает собственный образ «нового человека»: экологически ответственного индивида, цифрового субъекта[53], участника ресурсно-технократической системы или адаптивного носителя навыков **(табл. 4)**.

В рассмотренных концепциях образ «нового человека» является не побочным элементом, а центральной частью проектирования будущего. Эти модели различаются по своей направленности: так, Римский клуб формирует экологически ответственного человека, ВЭФ и К. Шваб — цифрового и адаптивного субъекта, Ж. Аттали — мобильного участника глобального рынка, Ж. Фреско — рационального участника постденежной ресурсной системы. И все они по-своему переопределяют человека через внешние системы. Для России главный риск состоит в том, что такие модели могут сместить понимание человека от личности к функции. Вместе с тем в каждой из конкурентных моделей содержатся и важные акценты: на экологической ответственности населения, на важности технологического развития, на необходимости переобучения, борьбе с бедностью и повышении качества жизни.

[52] Бажанова Е. С. Подходы ведущих мировых держав к формированию нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 181. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-veduschih-mirovyh-derzhav-k-formirovaniyu-novogo-mirovogo-poryadka (дата обращения: 01.06.2026).

[53] Schwab K. Op. cit. P. 2.

Модель	Источники	Представление о «новом человеке»	Возможное влияние на Россию (авторская интерпретация)
Римский клуб	The Limits to Growth: человек рассматривается через взаимосвязь населения, производства, продовольствия, загрязнения и невозобновляемых ресурсов[54]. Earth for All: акцент на бедности, неравенстве, правах женщин, продовольственных системах и энергетическом переходе[55]	Экологически ответственный человек, осознающий зависимость от планетарных пределов, ресурсов и устойчивости глобальной системы	Риск сведения человека к функции глобального экологического баланса, что может вступать в противоречие с российской моделью развития, ориентированной на ресурсную экономику и промышленный рост
Ж. Аттали	В модели гиперимперии, гиперконфликта и гипердемократии человек будущего связан с ослаблением национальных государств и расширением глобального рынка[56]	Мобильный «номад» глобального рынка, включенный в потоки капитала, информации, услуг, технологий и перемещений	Может ослаблять связь человека с культурой, территорией, государством, семьей и исторической памятью, что представляет вызов для российской идентичности и концепции суверенитета
Ж. Фреско	Концепция ресурсно-ориентированной экономики: товары и услуги доступны без денег, ресурсы Земли рассматриваются как общее наследие людей, преодоление национальных границ и денежно-национальных экономик[57]	Рациональный участник постденежной ресурсной цивилизации, освобожденный от конкуренции, бедности, долгов и борьбы за базовые ресурсы	Можно проследить гуманистический мотив освобождения от бедности, однако данная модель вступает в противоречие с российским пониманием суверенитета, территориальной организации, режимов собственности и стратегического контроля над ресурсами
ВЭФ и К. Шваб	Четвертая промышленная революция, где произойдет трансформация идентичности, приватности, собственности, труда, отношений и здоровья[58]. В докладах ВЭФ о цифровой идентичности и будущем труда человек описывается через данные, доступ к сервисам, навыки и адаптивность[59]	Цифровой, гибкий, постоянно переобучаемый субъект, включенный в системы ИИ, больших данных, платформенной экономики и цифровой идентичности	Создает вызов цифровому суверенитету, приватности и достоинству личности, так как человек может быть редуцирован до цифрового профиля и набора компетенций, что усиливает зависимость России от глобальных платформ и транснациональных центров управления данными

Таблица 4. Представление о «новом человеке» у глобальных элит и влияние на Россию

[54] The Limits to Growth. URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-limits-to-growth/ (дата обращения: 13.06.2026).

[55] Earth4All. URL: https://earth4all.life/the-five-extraordinary-turnarounds/ (дата обращения: 13.06.2026).

[56] Attali J. A Brief History of the Future.

[57] The Venus Project. URL: https://www.thevenusproject.com/tvphistoryevent/jacque-fresco-magnificent-obsession/ (дата обращения: 13.06.2026).

[58] Schwab K. Op. cit. P. 1 – 5.

[59] Identity in a Digital World. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_INSIGHT_REPORT_Digital%20Identity.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

Для нашей страны важно не заимствовать предлагаемые мировыми элитами образы «нового человека», а пропускать их через собственный цивилизационный фильтр. Российская модель будущего должна исходить из того, что технологии, рынок, цифровизация и экологическая политика являются средствами развития человека, а не основаниями для его переопределения.

Пределы технологического усовершенствования

В рассматриваемых футурологических проектах вопрос о пределах технологического усовершенствования является еще одним из ключевых узлов конфликта. Речь идет не только о том, какие технологии будут развиваться, но и о том, кто определяет границы их применения. Это связано с тем, что в гуманистической парадигме технология должна служить человеку, а в постгуманистической парадигме человек сам становится платформой для оптимизации, измерения и улучшения. Встает вопрос, а кто определяет допустимые пределы такого усовершенствования? **(табл. 5)**.

Таким образом, общая особенность рассмотренных моделей состоит в том, что границы технологического развития в них чаще задаются не национальной традицией, а внешними универсальными рамками: экологическими, глобально-управленческими, рыночными или технократическими. Это создает для России принципиальный вызов, так как если пределы технологического усовершенствования будут определяться извне, то страна рискует утратить возможность самостоятельно решать, какие технологии соответствуют ее представлению о человеке, семье, обществе, государстве и суверенитете. В этой связи технологии должны рассматриваться не как самостоятельная сила, определяющая будущее, а как инструмент развития человека, укрепления государства, защиты семьи, повышения качества жизни и сохранения цивилизационной субъектности.

Архитектура цифрового сопровождения и контроля

Одним из ключевых узлов конфликта в футурологических проектах глобальных элит является также формирование новой архитектуры цифрового сопровождения человека. Речь идет о системах цифровой идентичности, больших данных, искусственного интеллекта, платформенных сервисов, алгоритмического управления, цифрового образования, цифрового здравоохранения и предиктивной аналитики. В этих моделях человек все чаще рассматривается не только как гражданин или социальная личность, но и как совокупность данных, цифровых следов, поведенческих паттернов и управляемых профилей.

Наиболее последовательно эта логика выражена в документах Всемирного экономического форума. В докладе Identity in a Digital World цифровая идентичность описывается как механизм доступа к финансовым услугам, образованию, здравоохранению, государственным сервисам, рынку труда и политическому участию. Тем самым цифровая идентичность, с одной стороны, расширяет доступ к услугам и повышает управляемость социальных процессов, с другой — создает инфраструктуру постоянной видимости человека для системы.

Модель	Источники	Представление о «новом человеке»	Возможное влияние на Россию (авторская интерпретация)
Римский клуб	В The Limits to Growth показана взаимосвязь населения, промышленного производства, ресурсов, продовольствия и загрязнения[60]. Earth for All: технологии подчинены пяти системным поворотам: бедность, неравенство, права женщин, продовольствие, энергетика[61]	Технологии важны, но не способны бесконечно компенсировать рост потребления, населения, промышленности и нагрузки на природу. Предел задается планетарными границами и устойчивостью глобальной системы	Может стимулировать экологическую модернизацию и ресурсную эффективность, но может стать и основанием внешнего давления на российскую энергетику, промышленность и сырьевой сектор
Ж. Аттали	В модели гиперимперии, гиперконфликта и гипердемократии технологии связаны с расширением глобального рынка и ослаблением национальных государств[62]	Технологии усиливают глобальную мобильность, рынок, информационные сети и номадизацию. Предел должен задаваться ответственностью перед будущими поколениями и переходом к позитивной экономике	Может вести к размыванию национальной идентичности и контроля над модернизацией. Для нашей страны риск состоит в превращении человека в мобильного участника глобальных потоков с потерей связи с государством и культурой
Ж. Фреско	В концепции ресурсно-ориентированной экономики товары и услуги доступны без денег, а ресурсы Земли признаются общим наследием всех людей[63]	Технологии должны радикально перестроить общество: заменить денежную экономику ресурсно-ориентированной системой, автоматизировать производство, создать устойчивые города и обеспечить свободный доступ к благам	Можно увидеть мотив избавления от бедности и дефицита, но это вступает в противоречие с российским пониманием суверенитета, территории, собственности и стратегического контроля над ресурсами
ВЭФ и К. Шваб	Концепция Четвертой промышленной революции: слияние физического, цифрового и биологического миров[64]. Доклад о цифровой идентичности: указаны риски наблюдения, профилирования, дискриминации и злоупотребления властью[65]	Технологическое усовершенствование охватывает физическую, цифровую и биологическую сферы	Создает вызов цифровому суверенитету и защите личности. Человек может быть превращен в цифровой профиль, объект мониторинга и алгоритмической оценки

Таблица 5. Представление о пределах технологического усовершенствования в концепциях глобальных элит и влияние на Россию

[60] The Limits to Growth. URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-limits-to-growth/ (дата обращения: 13.06.2026).

[61] Earth4All. URL: https://earth4all.life/the-five-extraordinary-turnarounds/ (дата обращения: 13.06.2026).

[62] Attali J. A Brief History of the Future.

[63] The Venus Project. URL: https://www.thevenusproject.com/tvphistoryevent/jacque-fresco-magnificent-obsession/ (дата обращения: 13.06.2026).

[64] Schwab K. Op. cit. P. 1 — 5.

[65] Identity in a Digital World. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_INSIGHT_REPORT_Digital%20Identity.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

В концепции К. Шваба цифровой контроль связан с более широкой логикой Четвертой промышленной революции. Согласно его концепции, слияние физических, цифровых и биологических технологий ведет к тому, что цифровая среда начинает затрагивать не только экономику и управление, но и идентичность, приватность, собственность, труд, здоровье и социальные отношения. В результате цифровизация становится средой, внутри которой формируются новые нормы поведения, участия и включенности человека в общество.

Отметим также, что в докладах Римского клуба цифровая архитектура не является центральной темой, однако их системная логика также предполагает усиление мониторинга, измерения и управления глобальными процессами.

У Ж. Аттали человек будущего включается в потоки информации, финансов, услуг и перемещений, где цифровые технологии становятся средством ускорения этих потоков[66]. В его модели контроль осуществляется не столько через прямое государственное принуждение, сколько через зависимость от сетей, платформ, рынков и цифровых посредников.

В проекте Ж. Фреско цифровое сопровождение приобретает более технократический характер. Ресурсно-ориентированная экономика предполагает постоянный учет ресурсов, потребностей, производственных возможностей, энергетических потоков и состояния среды. Однако такая система предполагает и высокую степень системного контроля над распределением благ и организацией социальной жизни[67].

Для России проблема цифрового сопровождения и контроля имеет принципиальное значение. Цифровое сопровождение будущего формируется вокруг идентификации, поведенческой аналитики и управленческой обратной связи. Цифровая идентичность, государственный ИИ[68], биометрия, платформенные данные, цифровые валюты и проч. образуют своеобразную инфраструктуру, в которой человек становится постоянно сопровождаемым субъектом. И здесь главный риск состоит в зависимости от внешних стандартов цифровой идентичности, ИИ-управления и данных.

Без собственной правовой, ценностной и технологической рамки технологии способны превратить человека в объект постоянного наблюдения и алгоритмической оценки. Поэтому российская модель цифровизации должна исходить из принципа цифрового суверенитета, защиты персональных данных, приоритета человеческого достоинства и недопустимости подмены гражданской субъектности цифровым профилем.

Трансформация труда и образования

В футурологических проектах глобальных элит вопросы трансформации труда и образования становятся ключевым механизмом управляемого перехода к новому мировому порядку.

[66] Attali J. URL: https://berggruen.org/people/jacques-attali (дата обращения: 13.06.2026).

[67] The Venus Project. URL: https://www.thevenusproject.com/tvphistoryevent/jacque-fresco-magnificent-obsession/ (дата обращения: 13.06.2026).

[68] Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. С. 135—145.

Так, в докладах Римского клуба образование представляется в качестве центрального условия выхода из «глобального кризиса» и перехода к обществу будущего. В докладе No Limits to Learning предполагается отказ от модели, где школа и университет выполняют функцию конвейера рабочей силы, в пользу форматов обучения, развивающих способность к системному видению, долговременным прогнозам и рефлексии над глобальными последствиями человеческой деятельности[69]. От того, какие государства и общества сейчас получают доступ к новым формам обучения, и зависит их позиция в иерархии мирового разделения труда в дальнейшем.

Всемирный экономический форум в своих докладах институционализирует эту повестку в виде программ, ориентированных на массовую переподготовку и управление глобальным рынком труда через стандартизацию навыков[70]. В своем докладе о будущем профессий и инициативе Reskilling Revolution автоматизация и ИИ выступают неизбежными факторами, которые преобразуют миллионы рабочих мест в будущем[71].

В своей футурологической концепции Ж. Аттали акцентирует иные аспекты этой трансформации. Он подчеркивает, что автоматизация удешевляет образование и услуги, но усиливает конкуренцию за знания и рабочие места, а образование у него служит каналом включения в глобальные сети управления информацией и финансами[72]. Напротив, Ж. Фреско предполагает в будущем такой уровень автоматизации, при котором труд утрачивает статус основы экономической системы и становится добровольным вкладом в общественные проекты, тогда как образование превращается в механизм формирования научно-гуманистического мировоззрения и подготовки к жизни в ресурсно-ориентированном обществе[73].

Для России все эти модели задают рамку стратегического выбора. Синхронизация с повесткой ВЭФ и проектами, близкими к Римскому клубу, предполагает включение в глобальный режим управления трудом и образованием, в котором стандарты компетенций, траектории переподготовки и каналы мобильности формируются внешними центрами. В результате усиливается асимметрия между российской системой образования и рынком труда, с одной стороны, и транснациональными требованиями — с другой, что закрепляет зависимость от импорта технологий, образовательных решений и управленческих моделей.

Институт семьи и телесность

В футурологических проектах глобальных элит семья и телесность выступают ключевыми полями перенастройки человека под но-

[69] No Limits to Learning. URL: https://www.clubofrome.org/publication/no-limits-to-learning-1979/ (дата обращения: 13.06.2026).

[70] Reskilling Revolution. URL: https://initiatives.weforum.org/reskilling-revolution/home (дата обращения: 13.06.2026).

[71] The Future of Jobs Report 2025. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

[72] Attali J. A Brief History of the Future.

[73] Zeitgeist Movement. URL: https://www.thezeitgeistmovement.com/index.html (дата обращения: 13.06.2026).

вые режимы глобального управления. Большинство глобальных моделей будущего ослабляют традиционную семью как главную единицу общества. Само понятие «семья» часто заменяется населением, домохозяйством или потребительской единицей — и семья все чаще рассматривается через призму сервисов, мобильности, данных, здоровья, репродуктивных технологий и социальной политики.

У Ж. Аттали и К. Шваба можно увидеть процесс десакрализации семьи, поскольку они описывают мир будущего, где основными участниками являются мобильные «информационные кочевники»[74], для которых устойчивые семейные связи, территориальная укорененность и межпоколенческая преемственность теряют значение, а решения о браке и деторождении включаются в логику индивидуального проекта и биотехнологического планирования. Тело же в этих концепциях мыслится как ресурс и объект постоянной оптимизации — через цифровое здравоохранение, генетический скрининг, стандарты «эффективного» человеческого капитала, подстраиваемого под требования экономики четвертой промышленной революции[75].

В докладах Римского клуба основной линией выступает то, что демографические модели, размеры семьи и репродуктивное поведение связаны с глобальными экологическими и ресурсными ограничениями, поэтому должны стать объектами биополитического регулирования воспроизводства и практик работы с телом как элемента глобальной политики выживания[76]. Телесность также становится объектом проектирования. Биометрия, геномика, цифровая медицина, нейроинтерфейсы и репродуктивные технологии выводят тело из сферы только личного и семейного опыта в сферу регулирования, страхования, данных и управленческого прогноза. Для России эти траектории формируют узловую зону конфликта между универсалистскими претензиями глобальных элит на нормирование «семьи будущего» и «управляемого тела» и национальной повесткой «традиционных ценностей». В результате можно проследить противостояние глобальной логики, ориентированной на гибкие, контрактные, технологически конструируемые формы семьи и телесности, и российской, которая стремится закрепить нормативные границы этих сфер как основу собственной идентичности и особого цивилизационного пути развития.

Ответ России на модели будущего мировых элит

Как сказал председатель Совета директоров Сбербанка России Г. Греф: «Мы живем в то время, когда в ближайшие десять лет, с 2025 по 2035 годы, у нас произойдет изменение, значительно более мощное, чем произошло за последние сто лет, — это оче-

[74] Attali J. A Brief History of the Future.

[75] Schwab K. Op. cit. P. 1 – 5.

[76] Earth4All. URL: https://earth4all.life/the-five-extraordinary-turnarounds/ (дата обращения: 13.06.2026).

видно. И нам придется научиться жить в условиях, когда умные машины не только с нами, но и среди нас. Это будет абсолютно новый мир»[77]. С председателем Совета директоров Сбербанка России невозможно не согласиться, поэтому в условиях конкуренции глобальных проектов будущего России принципиально важно сохранять фундаментальную субъектную триаду, которую доктор психологических наук и профессор МГУ имени М. В. Ломоносова Н. М. Ракитянский раскрывает как диалектическое единство самосознания, самодетерминации и самопроектирования[78].

В рассмотренном контексте Россия не может выступать лишь объектом внешних сценариев будущего, поскольку интеграция в глобальные модели цифровизации, трансгуманизма, управляемой устойчивости и постдемократического технократизма сопровождается рисками утраты цивилизационной субъектности[79]. Для минимизации этих рисков требуется не декларативное противопоставление «своих» и «чужих» проектов, а институционализированная способность к выработке собственных целей развития и конструированию образа будущего на основе отечественной ценностной и исторической матрицы. Именно в этом плане особое значение приобретает формирующийся в России институт социальной архитектуры, который превращает цивилизационные ориентиры и стратегические цели в устойчивые социальные конструкции, механизмы управления и практики планирования[80]. Ответ России на глобальные модели будущего в таком понимании предстает не как реакция отторжения, а через осознанное самопонимание, суверенное целеполагание и институциональное проектирование долгосрочного цивилизационного курса.

[77] Искусственный интеллект: от обсуждения к внедрению. ПМЭФ 2025. URL: https://roscongress.ru/speakers/gref-german/quotes/ (дата обращения: 13.06.2026).

[78] Ракитянский Н. М. Указ. соч. С. 96 — 103.

[79] Денисенко И. Ф. Эволюция глобального мироустройства: между геополитическим мифом и многополярной реальностью // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-globalnogo-miroustroystva-mezhdu-geopoliticheskim-mifom-i-mnogopolyarnoy-realnostyu (дата обращения: 01.06.2026).

[80] «Институт социальной архитектуры» (ИСА) Президентской платформы «Россия — страна возможностей». URL: https://rsv.ru/competitions/project/1/5383b550-d84e-4cd0-b1e8-3e7f1a13bd9a/ (дата обращения: 01.06.2026).

Список литературы

1. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. — Москва: Международные отношения, 1993. — 134 с.

2. Бажанова Е. С. Подходы ведущих мировых держав к формированию нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. — 2023. — № 181. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-veduschih-mirovyh-derzhav-k-formirovaniyu-novogo-mirovogo-poryadka (дата обращения: 01.06.2026).

3. Бухарин М. Д., Коваленко В. И., Цыганков П. А. Основы глобальной конкуренции: логистика и технологии в прошлом, настоящем и будущем. Ч. 1 // Вестник МГУ. Политология. — 2023. — № 4. — С. 7—43.

4. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. — 2024. — № 4. — С. 135—145.

5. Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров / Н. М. Ракитянский. — Москва: Издательство Московского университета, 2020. — С. 96—103.

6. Садовничий В. А., Акаев А. А., Ильин И. В., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование глобальной динамики в XXI веке // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. — 2022. — № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-i-prognozirovanie-globalnoy-dinamiki-v-xxi-veke (дата обращения: 09.05.2026).

7. Attali J. A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century / J. Attali; trans. by J. Leggatt. — New York: Arcade Publishing, 2009. — 291 p. — ISBN 978-1559708791.

8. Come On! — URL: https://www.clubofrome.org/publication/come-on-2017/ (дата обращения: 13.06.2026).

9. Dator J. A Noticer in Time. Selected Work, 1967—2018. — URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-17387-6 (дата обращения: 01.06.2026).

10. Earth4All. — URL: https://earth4all.life/the-five-extraordinary-turnarounds/ (дата обращения: 13.06.2026).

11. Fostering Effective Energy Transition 2025. — URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Fostering_Effective_Energy_Transition_2025.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

12. Global Economic Futures: Competitiveness in 2030. — URL: https://www.weforum.org/publications/global-economic-futures-competitiveness-in-2030/ (дата обращения: 13.06.2026).

13. Global Risks Report 2022. URL: https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2022/(дата обращения: 13.06.2026).

14. Godet M. From Anticipation to Action: A Handbook of Strategic Prospective [Electronic resource] / M. Godet. — Paris : UNESCO, 1994. — 283 p. — URL: http://en.laprospective.fr/dyn/anglais/ouvrages/from-anticipation.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

15. Goals for Mankind. — URL: https://www.clubofrome.org/publication/goals-for-mankind-1977/ (дата обращения: 13.06.2026).

16. Identity in a Digital World. — URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_INSIGHT_REPORT_Digital%20Identity.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

17. Leading through the Fourth Industrial Revolution: Putting People at the Centre. — URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Leading_through_the_Fourth_Industrial_Revolution.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

18. Mankind at the Turning Point. — URL: https://www.clubofrome.org/publication/mankind-at-the-turning-point-1975/ (дата обращения: 13.06.2026).

19. Meadows D. H. Beyond the Limits: Global Collapse or Sustainable Future / D. H. Meadows, D. L. Meadows, J. Randers. — London: Earthscan, 1992. — 300 p.

20. No Limits to Learning. — URL: https://www.clubofrome.org/publication/no-limits-to-learning-1979/ (дата обращения: 13.06.2026).

21. Polak F. The Image of the Future. — Amsterdam; London; New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. — P. 10.

22. Reskilling Revolution. URL: https://initiatives.weforum.org/reskilling-revolution/home (дата обращения: 13.06.2026).

23. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: What It Means, How to Respond / K. Schwab // Foreign Affairs. — 2016. — Vol. 93, № 1. — P. 1—5.

24. Slaughter R. A. The Knowledge Base of Futures Studies. Vol. 1. — P. 28—56. — URL: https://www.researchgate.net/publication/265186494_An_overview_of_futures_studies (дата обращения: 20.05.2026).

25. The First Global Revolution. — URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-first-global-revolution-1991/ (дата обращения: 13.06.2026).

26. The Future of Jobs Report 2025. — URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

27. The Limits to Growth. — URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-limits-to-growth/ (дата обращения: 13.06.2026).

28. The Planetary Emergency Plan. — URL: https://www.clubofrome.org/publication/the-planetary-emergency-plan/ (дата обращения: 13.06.2026).

29. The Venus Project. — URL: https://www.thevenusproject.com/tvphistoryevent/jacque-fresco-magnificent-obsession/ (дата обращения: 13.06.2026).

30. Zeitgeist Movement. URL: https://www.thezeitgeistmovement.com/index.html (дата обращения: 13.06.2026).

Проблема реконструкции стратегического замысла противника через анализ публичных образов будущего

ORCID: 0009-0002-6621-1567
E-mail: lomovs@mail.ru

Сергей Александрович Ломов

Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь.

PhD in Politics, Leading Researcher at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus.

DOI: 10.67139/3033-8301.2026.2.2.010

Аннотация

В статье изучается функциональный аспект публичных зарубежных докладов и монографий по тематике образа будущего. Выдвигается гипотеза о том, что концептуальные публичные зарубежные материалы о перспективах развития мир-системы могут быть элементом информационно-психологических операций для предопределения реализации желаемого сценария будущего.

Ключевые слова

Стратегические коммуникации, информационно-психологические воздействия, предвосхищающий анализ, мир-система, образ будущего.

Abstract

This article examines the functional aspect behind the public reports and monographs on the topic of visions of the future. It hypothesizes that conceptual public foreign materials on the world-system development

prospects could be a tool for information-psychological operations designed to predetermine the realization of a desired future scenario.

Keywords

Strategic communications, information-psychological influences, anticipatory analysis, world-system, image of the future.

Во втором номере журнала, который мы представляем вниманию читателя, выходит сразу несколько исследований, затрагивающих разные аспекты принципиально важной для современной России проблематики. Речь идет о реконструкции стратегических планов геополитических оппонентов России через анализ публично доступных зарубежных материалов по тематике будущего мир-системы.

Ключевое внимание авторы «ОТТИСКА» уделяют знаковым публикациям Римского клуба, распорядителя Давосского форума К. Шваба и главы Palantir А. Карпа.

Исследования Б. В. Межуева, Е. И. Лебедевой актуализируют дискуссию о внутри- и внешнеполитическом контексте, как он видится с позиции геополитических конкурентов России, то есть о причинах формирования указанных прогнозов.

То обстоятельство, что выход в свет упомянутых прогнозов сопровождался хорошо организованной медийной поддержкой, а также шагами в сфере публичной дипломатии, позволяет нам высказать гипотезу о практике когнитивного влияния на академические и управленческие круги целевых обществ. Иными словами, существует вероятность, что формат публичных докладов по вопросам средне- и долгосрочной перспективы развития глобального социума — это инструментарий эксперимента на реальной среде по переходу от практики предвосхищающего анализа к конструированию процессов из заданного целевого будущего в текущее настоящее. Поэтому речь необходимо вести не только об академическом слое прогностической работы.

Эта гипотеза содержит значительную долю академической провокации и требует всестороннего междисциплинарного рассмотрения в будущем. Мотивом выдвижения такого предположения стало то обстоятельство, что в открытых материалах НАТО стратегические коммуникации (StratCom, современный уровень обобщения в единую практику всех информационно-коммуникационных практик)[1] определяются как один из ключевых факторов реализации военно-политических планов Альянса[2].

[1] About Strategic Communications // NATO Strategic Communications Centre of Excellence. URL: https://stratcomcoe.org/about_us/about-strategic-communications/1 (дата обращения: 02.07.2026).

[2] NATO Military Policy on Strategic Communications //Multinational Peace Support Operations Training Center. URL: https://mpsotc.army.gr/wp-content/uploads/2025/07/

Приведем выдержку из документа «Политика НАТО в сфере психологических операций» от 2012 г.:

«11. Психологические операции (PSYOPS) предоставляют командующему НАТО возможность напрямую обращаться к аудитории для достижения желаемых результатов в ходе операции. Они могут снизить моральный дух и уменьшить эффективность противника, порождая сомнения, несогласие и недовольство в его рядах. Они также могут провоцировать или препятствовать действиям противника, **влияя на процесс принятия решений. PSYOPS могут побудить потенциальных противников к активному или пассивному сотрудничеству с целями и задачами НАТО в ходе операции** (здесь и далее выделение автора статьи. — *С.Л.*)»[3].

И еще одна цитата из «Совместной доктрины союзников по психологическим операциям» от 2014 г., которая была раскрыта с изъятиями:

«0126. Взаимоотношения с информационными операциями. Деятельность в рамках психологических операций координируется через информационные операции в рамках общей информационной стратегии. Психологические операции являются одним из ключевых направлений, позволяющих силам **доносить свои идеи и сообщения до утвержденной аудитории»**[4].

В современном русскоязычном общественно-политическом и академическом дискурсе подробно освещены вопросы информационно-психологических воздействий на социумы целевых стран в рамках практики конструирования условий для запуска «бархатных» или «цветных революций». В меньшей степени исследователи обращаются к вопросу когнитивных воздействий, адресатами которых выступают экспертное сообщество и военно-политические элиты стран. На данном этапе эта проблематика оказывается в фокусе внимания преимущественно исследователей по профилю военных дисциплин[5].

Следует отметить, что в основе наиболее известных западных материалов, посвященных образу будущего, чаще всего лежат не строго научные основания, а эмотивная дискуссия. Даже при беглом их рассмотрении бросается в глаза умышленное игнорирование значимых блоков из знаниевого корпуса академической науки. Это обстоятельство служит дополнительным аргументом в пользу рассмотрения указанных материалов как одного из элементов когнитивных операций.

К примеру, доклад «Пределы роста» (Римский клуб, 1972) имеет нехарактерное для академического дискурса безапелляционно сформулированное название, что само по себе создает информационно-психологический эффект воздействия. И содержательно этот доклад построен на расчетных результатах математической модели World3. Но как показали независимые исследования, World3 содержит принципиальные логические недостатки. Среди недо-

MC-0628-NATO-Military-Policy-on-StratCom.pdf (дата обращения: 02.07.2026).

[3] NATO Military Policy on Psychological Operations // Public Intelligence. URL: https://info.publicintelligence.net/NATO-PSYOPS-Policy.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

[4] Allied Joint Doctrine for Psychological Operations // Ministry of Defence. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6a0452f88cc72d2f863ea875/ARCHIVED-AJP_3_10_1_B_PSYOPS_with_UK_Green_pages.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

[5] Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации. М., 2021.

статков первоначальной конфигурации модели можно выделить следующие:

— недооценка возможностей технологического прогресса влиять на остроту проблемы дефицита природных ресурсов;

— отсутствие в модели полноценного алгоритма учета рыночных механизмов обратной связи, которые отражали бы процесс роста стоимости доступа к ресурсам при их недостатке и, соответственно, запускали бы процессы оптимизации потребления;

— упрощенный подход к вопросу о располагаемых запасах природных ресурсов[6]. Первоначальная редакция модели оперировала объемом невозобновляемых природных ресурсов, которые были известны на начало 1970-х гг.;

— чрезмерная агрегация данных, при которой планета рассматривается как гомогенная система;

— упрощенное представление аспекта загрязнения, механизмов накопления стойких загрязнителей и их влияния на урожайность и здоровье населения;

— высокая чувствительность выходных расчетных результатов к входным параметрам.

В докладе «Пределы роста» сделана попытка обосновать выбранный подход через оговорку, что расчет осуществлен для ситуации инерционного развития («Business as usual»). С одной стороны, такой шаг дает право авторам действовать в изложенной логике, а с другой — является априорным утверждением.

Учитывая время создания модели — начало 1970-х, — сложно согласиться с таким ракурсом анализа. В то время уже были доступны разнообразные данные и методологии ретроанализа, которые академически убедительно доказывали не только сам факт ускоряющего развития экономики и технологий, но и обеспечили возможность вычислить параметры такого ускорения. Таким образом, в 1970-е можно было с высокой прогностической точностью строить траектории будущего развития с учетом изменяющейся динамики.

Достаточно вспомнить о методически взаимно комплементарных больших кондратьевских циклах смены технологических укладов (ТУ), впервые изложенных в работе «Мировое хозяйство во время и после войны» (1922)[7]; циклах Кузнеца, которые в настоящее время рассматриваются в качестве технологических, инфраструктурных закономерностей массового обновления основных технологий; среднесрочных экономических циклах Жюгляра (1862); других фундаментальных разработках, которые развивали перечисленные подходы применительно к социально-экономическим вопросам.

Идеи Н. Кондратьева хорошо известны в западных академических кругах. На них, например, в своих работах по вопросам динамиче-

[6] Под располагаемыми запасами природных ресурсов понимается часть разведанных природных ресурсов, которая при текущем уровне развития науки и техники, существующих технологий добычи и переработки, а также при сложившихся экономических условиях (цены, затраты, инфраструктура) может быть вовлечена в хозяйственное использование с экономической выгодой. Необходимо отметить, что располагаемые природные ресурсы — это лишь некоторая доля от разведанных природных ресурсов, то есть ресурсов, залежи которых подтверждены. При этом разведанные ресурсы составляют лишь некоторую долю от общих геологических запасов — тех объемов, что могут существовать в недрах планеты согласно научным представлениям о ее строении, но еще не открыты.

[7] Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда, 1922.

ского развития рыночной системы активно ссылался Й. Шумпетер. Можно также вспомнить Л. Канторовича (СССР) и Т. Купманса (США), удостоенных в 1975 г. Нобелевской премии по экономике «за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов» — методы линейного программирования в применении к микроэкономике они разрабатывали и публиковали независимо друг от друга в 1930 – 1970-е гг.[8,9]

В публикации уточненного прогноза, приуроченного к 30-летию первого доклада, авторы первоначальной редакции признали недочеты модели в вопросах технологий:

«Наиболее распространенные критические замечания в адрес оригинальной модели World3 сводились к тому, что она недооценивала роль технологий и не учитывала в должной мере адаптивную устойчивость свободного рынка. Действительно, в исходную модель World3 мы не закладывали такие темпы научно-технического прогресса, которые автоматически решили бы все проблемы, связанные с экспоненциальным ростом антропогенной нагрузки на окружающую среду. Причина заключалась в том, что мы не верили — **и до сих пор не верим, — будто столь масштабный технологический прорыв может произойти сам по себе или исключительно благодаря действию рыночных механизмов**. Впечатляющий — и даже достаточный — технологический прогресс возможен, но лишь как результат целенаправленных общественных решений и готовности подкреплять эти решения конкретными действиями и финансовыми вложениями. Но даже при соблюдении всех этих условий необходимые технологии появятся лишь по прошествии значительного времени. **Таков наш взгляд на реальность сегодня; точно так же мы оценивали ситуацию и 30 лет назад»[10].** Достаточно откровенное признание в манипуляционном характере изначальных материалов.

Вероятно, авторам целесообразно было адресовать вопрос о том, какие существуют прецеденты в истории НТР, при которых исключительно рыночными механизмами в практику внедрялись (и даже создавались) прорывные и закрывающие инновации. Прорывные инновации в силу своего характера зачастую ведут к кардинальной смене бизнес-ландшафта, и поэтому нередко целенаправленно сдерживаются корпоративными игроками от быстрого внедрения в практику.

Такая негативная практика известна в разных форматах:

— «Патентный троллинг» — деятельность компаний, которые скупают патенты исключительно с целью предъявления исков о нарушении прав и получения финансовых выплат, но не для развития технологий и продуктов;[11]

— «Убийственное поглощение» (Killer Acquisition) — ситуация, когда доминирующая компания покупает инновационный стартап или права на прорывную технологию исключительно для того,

[8] Канторович Л. В. Математико-экономические работы. Новосибирск, 2011.

[9] Scientific papers of Tjalling C. Koopmans. V. 1-2, 1970 – 1985. N.Y., 1970; Ibidem. Cambridge, Mass., 1985.

[10] Meadows Donella, Randers J., Meadows Dennis. Limits to Growth: the 30-Year Update // Chelsea Green, White River Junction. VT., 2004. P. 203 – 204.

[11] См., например: Lemley M. A. & Melamed A. D. Missing the Forest for the Trolls // Columbia Law Review. 2013. N 113. P. 2117 – 2173.

чтобы прекратить ее дальнейшую разработку и не допустить появления будущего конкурента на рынке;[12]

— «Стратегическое захоронение патентов» (Strategic Shelving) или создание «спящих патентов» (Sleeping Patents) — практика, при которой фирма патентует или скупает права на изобретения, не намереваясь их коммерциализировать, а используя их исключительно как юридический барьер для предотвращения входа на рынок других игроков[13].

Роль государства, в том числе при капиталистической практике организации экономики, также изложена в научных работах.

К примеру, в публикации Д. Рутко приведены обобщенные данные об устойчивом преобладании государственных расходов на НИОКР над частными инвестициями в США за период 1950 – 2010-х гг.[14]

Детализированная информация о становлении системы обеспечения инноваций в США с 1790 г. до настоящего времени с указанием валовых расходов по направлениям приведена в материалах Американской ассоциации содействия развитию науки[15].

Авторам модели World3 в итоге ничего не остается, как признать, что изначальный подход содержал, мягко говоря, изъян:

«В модели World3 невозможно — да и нецелесообразно — отражать технологии во всем их многообразии. Вместо этого мы представили процесс технологического прогресса в таких сферах, как снижение уровня загрязнения, использование ресурсов и повышение урожайности земель, с помощью трех обобщающих параметров для каждого сектора: конечной цели, ежегодного темпа совершенствования технологий (на примере наиболее успешных лабораторных разработок) и средней задержки между появлением технологии в лаборатории и ее широким внедрением на практике»[16]. Строго же говоря, это уже даже не манипуляция через недосказанность, а прямая подтасовка фактов.

Невозможно с позиций академической строгости говорить об антропогенной нагрузке на среду и при этом не рассматривать всю производственно-технологическую цепочку в ее связи с процессом обновления фондов и НИОКР по подготовке нового технологического уклада для обновления производственных возможностей.

Недопустимо рассматривать вопрос накопления и складирования отходов — и не вводить в анализ компонент центров по переработке (от нынешних мусоросжигательных заводов, предназначенных для бытовых отходов, до более сложных комплексов возврата в повторный оборот материалов).

Аналогично — с крупными индустриальными отвалами производства: сегодня это проблемные терриконы, завтра — готовая сырьевая производственная база.

[12] См., например: Cunningham C., Ederer F., & Ma S. Killer Acquisitions // Journal of Political Economy. 2021. N 129. P. 649 – 702.

[13] См., например: Torrisi S., Gambardella A., Giuri P., Harhoff D., Hoisl K., & Mariani M. Used, blocking and sleeping patents: Empirical evidence from a large-scale inventor survey // Research Policy. 2016. N 45. P. 1374 – 1385.

[14] Рутко Д. Ф. Источники финансирования исследований и разработок в США // URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/85040/1/Rutko_5_13.pdf (дата обращения: 04.07.2026).

[15] History of Federal Science Funding// American Historical Association. URL: https://www.historians.org/resource/history-of-federal-science-funding/ (дата обращения: 04.07.2026).

[16] Meadows Donella, Randers J., Meadows Dennis Limits to Growth: the 30-Year Update // Chelsea Green, White River Junction, VT. 2004. P. 212.

Категория критического (дефицитного) ресурса весьма подвижна в историческом плане. И при столь долгосрочном анализе будущего — до 2100 г., как в докладе Римского клуба — это фактор принципиальной значимости.

Отдельный вопрос, который также ставят в научной дискуссии сторонники «скептического экологизма», — *как* сформированы параметры природной среды, которые в алармистских прогнозах принимаются изначальными (до возникновения фактора значимой антропогенной нагрузки на среду), и как рассчитывается доля разрушительного воздействия на экосистему со стороны хозяйственной деятельности человека. Указанные проблемные вопросы заслуживают самостоятельного рассмотрения в рамках комплексной работы по вопросам моделей и образов будущего России.

Надо также отметить аспект, который изначально может показаться лишенным фактора двойственности, — определении доступных невозобновляемых природных ресурсов. Термин «невозобновляемые ресурсы» необходимо применять строго с уточнением того технологического уклада, для которого осуществляется оценка. Сами по себе химические элементы могут «исчезнуть» только двумя способами — через ядерный распад и термоядерный синтез, — и путем рассеивания части атмосферы Земли в открытый космос. Во всех иных случаях речь идет о химических процессах перехода элементов из одного состояния (удобного для экономического использования в рамках конкретного ТУ), в другое — неудобное (что мы привычно именуем расходом). При этом химические элементы как таковые остаются в пределах планеты и принципиально доступны для обработки. Это вопрос затрат и уровня технологий.

Можно возразить, что отчет написан в 1970-е гг., когда в экономике лидирующих стран как капиталистического, так и социалистического блоков доминировал 4 ТУ со значительной долей 3 ТУ. Для тех условий большинство материалов после промышленной обработки переходило в состояние использованного ресурса.

Это было бы справедливым утверждением, если бы прогноз не чертил графики развития мир-системы до 2100 г. В 1970-е решения 5 ТУ начинают переходить в реальную экономику. Закономерно было бы при ответственном академическом подходе на сверхдолгосрочную историческую глубину учитывать фронтирный задел науки, то есть оговаривать перспективы 6 и последующих ТУ. При этом авторов модели World3 не может защитить предположение о потенциальной неосведомленности о перспективах нанотехнологий, глубоководной добычи сырья и энергетики управляемого синтеза.

Концепт нанотехнологий, которые являются одной из основ 6 и 7 ТУ, имеет свои корни в лекции Р. Фейнмана «Внизу полно места» (There's Plenty of Room at the Bottom)[17], прочитанной в 1959 г. Собственно термин «нанотехнологии» был предложен в 1974 г. Норио Танигучи (Norio Taniguchi). В 1986 г. выходит книга американского инженера и футуролога Эрика Дрекслера (Eric Drexler) «Машины создания» (Engines of Creation[18]), которая раскрывает идею наномерных устройств.

[17] There's Plenty of Room at the Bottom // Caltech Magazine. URL: https://calteches.library.caltech.edu/47/2/1960Bottom.pdf (дата обращения: 11.08.2026).

[18] Drexler E. Engines of Creation // Knopf Doubleday Publishing Group, 1986.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении концепции добычи минеральных ресурсов с океанского дна. Идея предложена к академическому обсуждению в публикации Джона Л. Меро в статье 1960 г. для журнала Scientific American[19] и развита в книге «Минеральные ресурсы моря» (1965)[20].

Одновременно в 1957 г. в СССР был запущен первый Токамак — тороидальная камера с магнитными катушками. Это стало вехой, ознаменовавшей начало движения к практически доступной термоядерной энергетике, которая снимает вопрос доступной энергии в принципе.

В сочетании с заделом в сфере генетики и биотехнологий, который создавался в обозначенный период, фронтир научного прогресса во второй половине XX века указывал на возможность снятия любых ограничений материального плана. При этом НТР сам по себе не снимает проблему прав доступа к технологиям. И это вопрос не юридический, а исключительно геостратегический.

Таким образом, мы подходим к вопросу о замысле публикации видения будущего — комплексной работе по сдерживанию темпа научно-технического прогресса в интересах геостратегической деятельности.

Идея управлять динамикой мировой экономики в реалиях 1970-х значила буквально следующее: сдержать скорость развития социалистического блока и не дать СССР выйти на позиции лидера НТР при переходе к новому техническому укладу — чистый циничный реализм в геополитике в духе Г. Моргентау.

Такая интерпретация коррелирует с положениями аналитики по заказу ЦРУ, которая стала доступна общественности только в 1990-х и 2000-х: сдержать скорость развития социалистического блока, в первую очередь СССР, как принципиальный вызов интересам США.

В обзорном исследовании «Советское экономическое развитие: 1928—1985», которое вышло из печати в 1987 г., а затем в юбилейных материалах RAND в 1988 г.[21], прямо указывается, что американская сторона долгое время считала неизбежной ситуацию, когда СССР обойдет США по ВВП: «Вплоть до конца 1950-х в западных научных кругах вопрос стоял следующим образом: „Когда Советский Союз сравняется с Соединенными Штатами?“»[22]

В более раннем, изначально секретном «Аналитическом докладе по экономике. Советская экономика в 1955 г. и планы на 1956—1961 гг.», выполненном по заказу ЦРУ, указывалось, что в абсолютных значениях максимум превосходства американской экономики над советской будет пройден в 1965—1970 гг. и далее будет сокращаться»[23].

[19] Mero J. Minerals on the Ocean Floor // SCIAM. URL: https://www.scientificamerican.com/author/john-l-mero/ (дата обращения: 04.07.2026).

[20] Ibidem. The Mineral Resources of the Sea // Elsevier Publishing Company, 1964.

[21] Ofer G. Soviet economic growth: 1928—1985 // Journal of Economic Literature. 1987. Vol. 25. N 4. P. 1767—1833.

[22] Ofer G. Soviet economic growth: 1928—1985 // CSSIB occasional report series; JRS-04. L. A., 1988. URL: https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA220336.pdf (дата обращения: 04.07.2026).

[23] Economic intelligence report the Soviet economy in 1955 and plans for 1956-61 // CIA. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R01141A000700040002-7.pdf 30. (дата обращения: 04.07.2026).

Об ином аспекте данного вопроса — развитии кибернетических инструментов управления в СССР, вызывавшем серьезные опасения в США, — говорится в статье В. В. Федорова и С. В. Львова, опубликованной в этом номере «ОТТИСКА».

Логично предположить, что жесткая поляризация позиций между двумя блоками в информационном поле не позволяла Западу достичь целевого эффекта через прямую критику (контрпропаганду) советской стороны и поэтому был выбран путь формирования общепланетарной картины неизбежного краха. Такой шаг позволял вести информационную работу в этически привлекательных категориях сохранения человеческой цивилизации и внедрять через барьер цензуры в информационное поле оппонента нужные смысловые категории.

Такое предположение согласуется с известной практикой «управляемого хаоса», определение которой ввел в оборот американский дипломат и стратег Стивен Манн (Stephen Mann). При этом на практике стратегическая игра по модели «предопределение через неопределенность» (или «управляемой неопределенности») в геостратегии фактически была применена США намного раньше, еще в условиях послевоенной Европы, сразу после поражения нацистской Германии и разделения ее территории участниками антигитлеровской коалиции на четыре зоны оккупации. В тот момент не были ясны конечные варианты нового геостратегического ландшафта, и один из акторов, США, прибег к целенаправленному затягиванию момента неопределенности, для того чтобы выиграть время и дождаться благоприятной комбинации обстоятельств. Таким образом, С. Манн скорее академически обобщил и публично изложил уже существующую практику действий.

Суть данной стратегии состоит в том, что при отсутствии приемлемой возможности предопределить один из заведомо благоприятных вариантов дальнейшего развития событий поддерживается неопределенность или **состояние пролонгированной бифуркации системы для всех участников** — ровно до того момента, пока не появится возможность трансформировать ситуацию в нужном русле.

Рассмотрим функциональную роль публикаций за авторством К. Шваба, в частности, книгу Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet (2021). (Анализ работ К. Шваба и Т. Маллерета в их ретроспективной связи с идеями «нулевого роста» приведен в академическом обзоре О. Тевелевой (ЦЭМИ РАН)[24]).

Примечательно, что в качестве целевой аудитории названной книги указаны деловые, политические и научные элиты как геополитических оппонентов, так и союзников. Вводимый в ней концепт «капитализм участия» при всей благонамеренности аргументационной базы служит для запуска публичной дискуссии о необходимости приватизации функций государства корпорациями, которые при этом меняют свою роль, становясь полноценными акторами международных отношений, равными по статусу и правам современным странам.

В целом, концепт «капитализма участия» предлагает построение мира, где каждый человек «справедливо» вовлекается и оценивает-

[24] Тевелева О. The great reset Клауса Шваба и Тьерри Маллерета как новый манифест ультраглобалистов // Цифровая экономика. 2021. № 1. С. 89–96. URL: http://digital-economy.ru/mneniya/the-great-reset-klausa-shvaba-i-terri-mallereta-kak-novyj-manifest-ultraglobalistov (дата обращения: 05.07.2026).

ся сквозными сервисами. Такие сквозные сервисы устанавливают социально-экономические параметры жизни и развития, то есть нормы потребления, снабжения и т.д.

Предлагается перепоручить все ключевые процессы управления определенным социально-цифровым решениям, что можно, по аналогии из технологической среды, назвать «социально-цифровыми мейнфреймами». Такие решения будут представлять собой интегрированные социально-цифровые среды для всесторонней реализации социальных и управленческих функций, осуществления процессов, отражения и трактовки (отслеживания, формализации и интерпретации) событий на основе единой онтологии (в категориях ИТ). В случае реализации на практике указанные системы в силу своей архитектуры и доступных данных будут обладать возможностями предвосхищающего анализа событий и реверсивного проектирования процессов в настоящем от целевого состояния в будущем. При этом операторами таких комплексов К. Шваб предлагает рассматривать негосударственных субъектов[25]. Прототипы таких структур в специализированных сферах деятельности уже есть — SWIFT, Банк международных расчетов.

Книга К. Шваба реализует классический прием стратегических маркетинговых и репутационных коммуникаций: создание информационного повода для легализации обсуждения целевой темы, внедрения нужного концепта в публичный дискурс.

В таком шаге считывается переосмысление в новых условиях идей мальтузианства, которые для англосаксонских политических кругов не теряли своей значимости. Видна и определенная поспешность действий: время и усилия, затраченные на демонтаж научно-технической системы СССР/России, создали условия для выхода Китая на траекторию развития, угрожающую доминированию англосаксонских акторов.

«Капитализм участия» — удобный публичный предлог для ускоренной концентрации ресурсов в пользу задач геостратегического характера и снятия «бремени» социального благополучия с западного среднего класса. Задачи К. Шваба — подготовить информационный фон, манифест А. Карпа — это ультиматум внутренним политическим и технологическим кругам.

Материал Б. В. Межуева с блестящей академичностью погружает нас в контекст событий и процессов, которые привели к появлению книги «Технологическая республика. Жесткая сила, гибкие убеждения и будущее Запада». Раскрываются предпосылки формирования ультрарадикального технополитического движения Темное просвещение. Популярный в русскоязычной публицистике термин «технофашизм» не в полной мере отражает напряженность момента — борьбу формируемых полюсов в перспективной мир-системе, уводит нас через исторические аллюзии в сторону.

Остановимся отдельно на анализе книги главы компании Palantir Алекса Карпа «Технологическая республика. Жесткая сила, гибкие убеждения и будущее Запада».

Цифровые решения Palantir являются инструментом планирования и управления, во многом в полуавтоматическом режиме, современных боевых действий — на Украине, против Ирана, военных кампаний в Палестине. А. Карп — апологет доминирования Запада

[25] См., например, раздел 1.4.2 «Глобальное управление» в: COVID-19: Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet.

в исследованиях искусственного интеллекта. Ему принадлежит высказывание: «Страна, которая выиграет битву за ИИ, будет определять миропорядок»[26].

Автор «Технологической республики» выбивается из рядов техномагнатов. Он не только получил степень доктора права в Стэнфордском университете[27], но и защитил диссертацию по неоклассической социальной теории во Франкфуртском университете на тему «Агрессия в среде обитания: расширение концепции агрессии Парсонса по описанию контекста жаргона, агрессии и культуры»[28]. Отметим, что одним из преподавателей А. Карпа был Ю. Хабермас[29], а первым инвестором Palantir стал специальный инвестиционный фонд I-Q-Tel[30]. Сам фонд был создан по инициативе директора ЦРУ Дж. Тенета[31].

Важно подчеркнуть, что Palantir — это не просто очередной крупный подрядчик Пентагона, ЦРУ и АНБ, а компания, активно формирующая ландшафт политических элит США. Второй соосновательь компании, друг А. Карпа с университетских лет Питер Тиль —один из основных спонсоров и покровителей Джеймса Д. Вэнса[32]. П. Тиль инвестирует в правых политиков верхнего эшелона на постоянной основе, в том числе он спонсировал кампании Д. Трампа[33].

Примечательно, что П. Тиль также высказывался по концептуальным вопросам политики. Речь идет о его эссе «Штраусcианский момент» (The Straussian Moment)[34], которое впервые вышло в 2007 г. в сборнике «Политика и апокалипсис» (Politics and Apocalypse). В своем эссе П. Тиль критикует актуальную либеральную политическую практику, используя положения философии Л. Штрауса, К. Шмитта и Р. Жирара.

Таким образом, участие в большой политике как А. Карпа, так и П. Тиля стало логическим развитием их жизненной позиции

[26] Palantir CEO Alex Karp on Responsible AI in Warfare | REAIM 2023 // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=z4jGmKUc6Aw (дата обращения: 05.07.2026).

[27] Karp, Alex // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Alex_Karp#Early_life_and_education (дата обращения: 05.07.2026).

[28] Karp A. Aggression in der Lebenswelt: Die Erweiterung des Parsonsschen Konzepts der Aggression durch die Beschreibung des Zusammenhangs von Jargon, Aggression und Kultur // URL: https://d-nb.info/966060652/34?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.5f8155fb5cyhGx (дата обращения: 05.07.2026).

[29] Хабермас, Юрген // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%81,_%D0%AE%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD (дата обращения: 05.07.2026).

[30] Страж западных ценностей проводит IPO // Коммерсантъ. 2020. 26 августа. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4467703 (дата обращения: 05.07.2026).

[31] Reinert J. In-Q-Tel: The Central Intelligence Agency as Venture Capitalist // Northwestern Journal of International Law & Business. Vol. 33. Issue 3. URL: https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1739&context=njilb (дата обращения: 06.07.2026).

[32] A mole hunt, a secret website and Peter Thiel's big risk: How J.D. Vance won his primary // Politico. 2022. May 3. URL: https://www.politico.com/news/2022/05/03/jd-vance-win-ohio-primary-00029881 (дата обращения: 06.07.2026).

[33] Friday essay: libertarian tech titan Peter Thiel helped make JD Vance. The Republican kingmaker's influence is growing // The Conversation. URL: https://theconversation.com/friday-essay-libertarian-tech-titan-peter-thiel-helped-make-jd-vance-the-republican-kingmakers-influence-is-growing-261856 (дата обращения: 06.07.2026).

[34] Thiel P. The Straussian Moment // URL: https://gwern.net/doc/politics/2007-thiel.pdf (дата обращения: 06.07.2026).

и не является просто удачными бизнес-вложениями. Оба партнера системно выступают в пользу кардинальной реорганизации общественно-политической сферы.

А. Карп в своей книге поясняет, для чего такая реорганизация нужна, — для формирования новых технологических решений для обеспечения возможностей геостратегического доминирования США.

В биографии еще одного видного техномагната, относящегося к движению Темного просвещения, также имеется примечательный эпизод. Джошуа Холдеман, дед Илона Маска по материнской линии, возглавлял канадское отделение технократического политического движения «Технат» (The Technate, Technocracy Inc.)[35]. Основная идея «Техната» состоит в переходе от неэффективной традиционной политики к инженерной практике управления, прямо перенесенной в сферу общественного и государственного управления.

Движение рассматривало отказ от гражданства, границ, замену имен граждан на идентификационные номера, переход от товарно-денежного обмена к нормированию распределения ресурсов на основе расчетных показателей, в основе которых будет не денежный эквивалент, а энергозатратность на их создание.

В годы зарождения «Технат» не было ни вычислительных мощностей, достаточных для реализации такой системы, ни готовой математической базы, равно как и подготовленных для машинной обработки массивов данных.

Научно строгие идеи схожего рода, но без политического компонента с устранением государства и идентичности, разрабатывались в СССР, в частности, Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации (ОГАС), предложенная академиком В. М. Глушковым в 1970-е гг.

К настоящему времени в арсенале компаний лидеров Темного просвещения имеются и нужные вычислительные мощности в виде индустриальных ЦОД, и передовые решения ИИ. К примеру, решение Grok (проект И. Маска) используется для автоматизации ИТ-разработки (частичная реализация ситуации, когда машины воспроизводят машины). Grok подключен к глобальной социальной сети X (ранее — Twitter)[36], а также имеет доступ к массивам данных правительственных учреждений США, что было обеспечено через инициативу DOGE[37]. Системы Palantir интегрированы со всеми силовыми ведомствами США. Стоит также отметить, что движение «Технат» сформировало в свое время карту Американского техната — по сути, пространственно-технологического вненационального кластера, который включал современные США, Канаду, Гренландию, Мексику, Панаму, Колумбию и Венесуэлу[38]. Если соотнести приведенные положения с практическими шагами

[35] Можегов В. Технократы — мотор американского консервативного поворота // Взгляд. URL: https://vz.ru/opinions/2025/5/4/1327948.html (дата обращения: 06.07.2026).

[36] Нейросеть Grok // Grok. URL: https://grokx-ai.ru/ (дата обращения: 06.07.2026).

[37] The government is investigating new claims that DOGE misused Social Security data // John B. Larson. Connecticut's 1st Congressional District.: https://larson.house.gov/media-center/in-the-news/government-investigating-new-claims-doge-misused-social-security-data (дата обращения: 06.07.2026).

[38] Technate of America // Cornell University Library. URL: https://digital.library.cornell.edu/catalog/ss:34227574 (дата обращения: 06.07.2026).

в геополитической и внутриполитической плоскостях нынешней администрации США, то «спонтанность» действий политиков приобретает иное аналитическое звучание.

***

В заключение сделаем акцент на еще одном аспекте образа будущего, который продвигают техномагнаты Темного просвещения. Увлечение руководителей Palantir фэнтэзи (название компании — это артефакт из вселенной Дж. Толкиена) и фантастическими мирами на грани техномагии (отсылки к вселенной «Бэтмен» в названиях ИТ-продуктов компании) позволяет осторожно предположить, что Темное просвещение — это предтеча предсказанного фантастами и футурологами техноокультизма.

А. Карп в своей книге неоднократно делает оговорку о сохранении контроля со стороны человека над следующими поколениями ИИ, однако он намного чаще и детальнее доказывает необходимость продолжения гонки технологий для обеспечения доминирования США в мир-системе в условиях последующего технологического уклада. Второе, очевидно, для него экзистенциально важно. В этом смысле «Технологическая республика» подводит своих читателей к грани, когда при выборе между геополитическим поражением, но с сохранением практики интеллектуального лидерства человеческого интеллекта в развитии цивилизации, и геополитической победой при интеллектуальном лидерстве разума нечеловеческой природы выбор, вероятно, будет не в пользу первого.

Просвещение вернуло человека на пьедестал Истории, Темное просвещение как минимум поставило рядом второй пьедестал.

Таким образом, задача восстановления аналитическими методами реального замысла будущего на стороне геополитических оппонентов России переходит из плоскости внутренних задач развития гуманитарного знания, как это было еще совсем недавно, в категорию экзистенциального вызова.

Искренне надеемся на продолжение комплексной междисциплинарной дискуссии по предметному полю предвосхищающей аналитики, футурологии и фантастики на страницах журнала «ОТТИСК».

Список литературы

1. Канторович Л. В. Математико-экономические работы. Новосибирск, 2011.

2. Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда, 1922.

3. Можегов В. Технократы — мотор американского консервативного поворота // Взгляд. URL: https://vz.ru/opinions/2025/5/4/1327948.html (дата обращения: 06.07.2026).

4. Нейросеть Grok. URL: https://grokx-ai.ru/ (дата обращения: 06.07.2026).

5. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации. М., 2021.

6. Рутко Д. Ф. Источники финансирования исследований и разработок в США. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/85040/1/Rutko_5_13.pdf (дата обращения: 04.07.2026).

7. Страж западных ценностей проводит IPO // Коммерсантъ. 2020. 26 августа. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4467703 (дата обращения: 05.07.2026).

8. Тевелева О. The great reset Клауса Шваба и Тьерри Маллерета как новый манифест ультраглобалистов // Цифровая экономика. 2021. № 1. С. 89—96. URL: http://digital-economy.ru/mneniya/the-great-reset-klausa-shvaba-i-terri-mallereta-kak-novyj-manifest-ultraglobalistov (дата обращения: 05.07.2026).

9. Хабермас, Юрген // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%81,_%D0%AE%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD (дата обращения: 05.07.2026).

10. About Strategic Communications // NATO Strategic Communications Centre of Excellence. URL: https://stratcomcoe.org/about_us/about-strategic-communications/1 (дата обращения: 02.07.2026).

11. A mole hunt, a secret website and Peter Thiel's big risk: How J.D. Vance won his primary // Politico. 2022. May 3. URL: https://www.politico.com/news/2022/05/03/jd-vance-win-ohio-primary-00029881 (дата обращения: 06.07.2026).

12. Allied Joint Doctrine for Psychological Operations // Ministry of Defence. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6a0452f88cc72d2f863ea875/ARCHIVED-AJP_3_10_1_B_PSYOPS_with_UK_Green_pages.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

13. Cunningham, C., Ederer, F., & Ma, S. Killer Acquisitions // Journal of Political Economy. 2021. 129. P. 649—702.

14. Drexler E. Engines of Creation // Knopf Doubleday Publishing Group, 1986.

15. Economic intelligence report the Soviet economy in 1955 and plans for 1956-61 // CIA. URL: https:// www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R01141A000700040002-7.pdf 30. (дата обращения: 04.07.2026).

16. Friday essay: libertarian tech titan Peter Thiel helped make JD Vance. The Republican kingmaker's influence is growing // The Conversation. URL: https://theconversation.com/friday-essay-libertarian-tech-titan-peter-thiel-helped-make-jd-vance-the-republican-kingmakers-influence-is-growing-261856 (дата обращения: 06.07.2026).

17. History of Federal Science Funding// American Historical Association. URL:https://www.historians.org/resource/history-of-federal-science-funding/ (дата обращения: 04.07.2026).

18. Karp Alex / Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Alex_Karp#Early_life_and_education (дата обращения: 05.07.2026).

19. Karp A. Aggression in der Lebenswelt: Die Erweiterung des Parsonsschen Konzepts der Aggression durch die Beschreibung des Zusammenhangs von Jargon, Aggression und Kultur. URL: https://d-nb.info/966060652/34?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.5f8155fb5cyhGx (дата обращения: 05.07.2026).

20. Lemley M. A., & Melamed A. D. Missing the Forest for the Trolls // Columbia Law Review. 2013. N 113. P. 2117 — 2173.

21. Meadows Donella, Randers J., Meadows Dennis. Limits to Growth: the 30-Year Update // Chelsea Green, White River Junction, VT, 2004. P. 203 — 204, 212.

22. Mero J. Minerals on the Ocean Floor // SCIAM. URL: https://www.scientificamerican.com/author/john-l-mero/ (дата обращения: 04.07.2026).

23. Mero J. The Mineral Resources of the Sea // Elsevier Publishing Company, 1964.

24. NATO Military Policy on Strategic Communications // Multinational Peace Support Operations Training Center. URL: https://mpsotc.army.gr/wp-content/uploads/2025/07/MC-0628-NATO-Military-Policy-on-StratCom.pdf (дата обращения: 02.07.2026).

25. NATO Military Policy on Psychological Operations // Public Intelligence. URL: https://info.publicintelligence.net/NATO-PSYOPS-Policy.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

26. Ofer G. Soviet economic growth: 1928 — 1985 // Journal of Economic Literature. 1987. Vol. 25. N 4. P. 1767 — 1833.

27. Ofer G. Soviet economic growth: 1928 — 1985 // CSSIB occasional report series; JRS-04. L.A., 1988. URL: https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA220336.pdf (дата обращения: 04.07.2026).

28. Palantir CEO Alex Karp on Responsible AI in Warfare | REAIM 2023 // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=z4jGmKUc6Aw (дата обращения: 05.07.2026).

29. Reinert J. In-Q-Tel: The Central Intelligence Agency as Venture Capitalist // Northwestern Journal of International Law & Business. Vol. 33. Issue 3. URL: https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1739&context=njilb (дата обращения: 06.07.2026).

30. Scientific papers of Tjalling C. Koopmans. V. 1—2, 1970—1985 // Scientific Papers of Tjalling C. Koopmans. N.Y., 1970; Cambridge, Mass., 1985.

31. Schwab, K., Vanham, P. Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet. Wiley, 2021. 304 p.

32. Technate of America // Cornell University Library. URL: https://digital.library.cornell.edu/catalog/ss:34227574 (дата обращения: 06.07.2026).

33. Thiel P. The Straussian Moment. URL: https://gwern.net/doc/politics/2007-thiel.pdf (дата обращения: 06.07.2026).

34. Torrisi S., Gambardella, A., Giuri P., Harhoff, D., Hoisl, K., & Mariani, M. Used, blocking and sleeping patents: Empirical evidence from a large-scale inventor survey // Research Policy. 2016. N 45. P. 1374—1385.

35. There's Plenty of Room at the Bottom // Caltech Magazine. URL: https://calteches.library.caltech.edu/47/2/1960Bottom.pdf (дата обращения: 11.08.2026).

36. The government is investigating new claims that DOGE misused Social Security data // John B. Larson. Connecticut's 1st Congressional District. URL: https://larson.house.gov/media-center/in-the-news/government-investigating-new-claims-doge-misused-social-security-data (дата обращения: 06.07.2026).

Для заметок

OTTISK

ISSN 3033-8301
26002
9 773033 830005 >